

БИБЛИОТЕКА ГВА

серия
БИОГРАФИИ

Ричард КОБДЕН

 социум

Серия «Библиотека ГВЛ»
основана в 2005 г. в память
об ученом, политике, предпринимателе
Геннадии Викторовиче Лебедеве
(1957—2004)

Библиотека ГВЛ
Серия: «Биографии»

Ричард Кобден

2-е издание, электронное

Челябинск • Москва
СОЦИУМ
2020

УДК 339.543.012.42(410)»18»

ББК 67.428(4Вел)

Р56

Серия: «Библиотека ГВЛ: Биография»

Р56 **Ричард Кобден.** — 2-е изд., эл. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — 1 файл pdf : 243 с. — (Библиотека ГВЛ. Биография). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-644-2

Ричард Кобден (1804-1864) английский политический деятель, лидер движения за свободу торговли в Англии в середине XIX в. Один из организаторов и наиболее ярких ораторов Лиги за отмену хлебных законов, суть деятельности которой лучше всего сформулировал один из участников тех событий Дж. Томсон: «Если в будущем люди захотят знать, возможно ли разрушить предрассудок, поддерживаемый властью и защищаемый богатством, рангом и подкупом; если они спросят себя есть ли какая-нибудь надежда опрокинуть такое зло постоянными усилиями и самопожертвованием, то им укажут на страницы, где записана история лиги против хлебных законов».

В данный сборник включены два биографических очерка Кобдена, написанные русскими авторами рубежа XIX—XX вв. П. Г. Мижухевым и Г. Афанасьевым, а также речи Кобдена, произнесенные им в парламенте и на митинге перед своими избирателями.

УДК 339.543.012.42(410)»18»

ББК 67.428(4Вел)

Электронное издание на основе печатного издания: Ричард Кобден. — Челябинск : Социум, 2005. — 240 с. — (Библиотека ГВЛ. Биография). — ISBN 5-901901-52-5. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-644-2

© ООО «Социум», составление, 2005

Ричард Кобден

I

Европа во время Наполеоновских войн. Детство и юность Ричарда Кобдена

Столетие, которое мы переживаем, наступило при самых неблагоприятных обстоятельствах. Франция после кратковременного существования в качестве Французской Республики попала под деспотическую власть Наполеона, которому после ряда побед над всеми европейскими армиями суждено было навлечь на страну величайшие бедствия.

Наиболее упорного врага Наполеон встретил в английском народе или, вернее, в английской аристократии, в руках которой находилась тогда почти вся государственная власть.

Однако трудно было Англии померяться силами с Наполеоном: Наполеон имел непобедимую и многочисленную армию и незначительный флот. Англия имела громадный флот и незначительную армию, так что в сухопутной борьбе с Наполеоном должна была рассчитывать на союзные правительства на континенте. В 1805 году Наполеон разбил союзную армию при Аустерлице, а за месяц перед этим английский адмирал Нельсон уничтожил французский флот при Трафальгаре.

Теперь между двумя народами началась борьба косвенная. Франция запретила всем дружественным ей государствам — а после сражения при Аустерлице все европейские государства были в вольной или невольной дружбе с Францией — вести торговлю с Англией: этим Наполеон совершенно основательно рассчитывал уничтожить всемирную торговлю Англии — основу английского могущества. Эта мера нанесла действительно громадный ущерб Англии, но вместе с тем и всем союзникам Наполеона, которые сейчас же почувствовали недостаток во всех товарах, привозимых из колоний, как, например, хлопок, кофе, чай, сахар и т.п.

Наибольшие лишения выпали, конечно, на долю Англии. Дело в том, что Англия принадлежала тогда, как принадлежит и теперь, к наиболее густонаселенным странам; ей поэтому часто не хватало на прокормление собственного хлеба и она покупала его за границей, в России и в Америке. Декреты Наполеона лишили ее заграничного хлеба, дома даже хороший урожай не вполне обеспечивал население, и потому всё время войн с Наполеоном хлеб был, что называется, в цене; землевладельцы наживали таким образом хорошие деньги, несмотря на все бедствия войны.

Надо сказать, что в Англии земля принадлежит большей частью крупным помещикам, имения которых иногда простираются на десятки верст. В этих имениях земля, кроме господской усадьбы, громадных парков и садов, делится на участки, так называемые «фермы», которые снимаются за известную годовую плату (ренту) «фермерами». Иногда фермы бывают не-

большие, и фермеры сами занимаются земледельческим трудом; обыкновенно же фермы бывают весьма значительной величины и все работы выполняются многочисленными наемными рабочими. Таким образом, в Англии земля почти никогда не принадлежит тем, кто ее обрабатывает, ни даже тем, кто ведет на ней хозяйство.

На одной из таких маленьких ферм жил в описанное нами тяжелое время старик-крестьянин с большой семьей, Ричард Кобден. Старик был очень деятелен: кроме земледелия он занимался пивоварением, на нем же лежала обязанность собирания арендных денег со своих односельчан для передачи землевладельцу. Со стариком жил женатый сын Вильям с женой и тремя детьми. В 1804 году у Вильяма родился еще сын, которого в честь деда назвали Ричардом; жизни и деятельности его и посвящена настоящая биография.

Вся семья жила дружно, в доме был достаток, хотя и не было никакого излишка. Время наполеоновских войн было даже выгодно для фермеров и в особенности для землевладельцев, так как за хлеб всегда можно было получить хорошую цену; однако многочисленной семье Кобденов трудно было сделать какие-нибудь сбережения.

Ричарду Кобдену было пять лет, когда умер его дед. Вильям Кобден вовсе не обладал энергией своего отца; он был очень добр, доверчив и не имел той практической сметки и умения распознавать людей, без которых трудно бедному человеку прожить без лишней с большой семьей. Не помогли Вильяму даже благоприятные для фермеров годы войны, ни даже трудолюбие и большой здравый смысл его жены. Сняв

в аренду по смерти отца свободный участок земли на окраине деревни, Вильям скоро вошел в долги, и через несколько лет его новая ферма была у него отобрана. Семья между тем увеличивалась, одна беда следовала за другой, но что бывает не часто: мир и любовь не нарушались в несчастной семье. Маленький Ричард уже выучился читать у одной знакомой старушки и по мере возможности помогал отцу, например, пас овец.

Между тем родственники Вильяма Кобдена, жившие в Лондоне и занимавшиеся торговлей, узнав о тяжелом положении семьи, приняли в ней участие и решили приютить одного из детей. Выбор пал на маленького пастуха Ричарда.

Однако прежде чем брать к себе мальчика, они послали его учиться на север Англии в частную школу. Школу, конечно, выбрали подешевле: ученье в ней было весьма плохое, обращение — и того хуже, про пищу же и говорить нечего. Такие школы впоследствии были хорошо описаны английским романистом Чарльзом Диккенсом.

Маленький Ричард оставался в школе с 10 до 15 лет, не видел за это время ни родных, ни знакомых; бедность отца Ричарда не позволяли ему доставить сыну такого удовольствия. Раз в год начальник школы составлял для мальчика письмо к родителям, в котором выражалась сыновняя любовь Ричарда и перечислялись его успехи; затем это письмо переписывалось молодым Ричардом и посылалось домой.

Пятнадцати лет Ричард окончил свое образование, если только можно так назвать бестолковое учение в Йоркской школе, и поехал прямо на службу к

дяде в Лондон. Дядя взял его к себе в качестве приказчика и часто давал чувствовать мальчику, что ему оказывают благодеяние.

Ричард от природы был весьма любознателен и очень любил читать. Будучи целый день занят в магазине, он вставал с зарей и посвящал утренние часы до открытия лавки изучению французского языка. Дяде очень не нравились ни любовь племянника к чтению, ни его занятия французским языком: такие наклонности он находил бесполезными и даже вредными для торговца.

Отношения между дядей и племянником одно время стали так дурны, что молодой Ричард решил было воспользоваться представившимся случаем ехать в Голландию, где ему предлагали место в торговой конторе. Однако его отец воспротивился этому, и Ричард остался в Лондоне.

Надо сказать, что молодой Ричард очень любил своего отца и вообще отличался необыкновенной привязанностью к своим родным. Летом, например, он ходил каждое воскресенье пешком за несколько верст от Лондона в одну деревню, находившуюся на полдороге от местожительства его родителей; туда же приходил и отец Кобдена. Сюда всегда стекалась масса народу, так как это было любимым местом прогулки лондонских жителей. Весь день Ричард проводил с отцом, вечером они оба шли в дальнюю дорогу: один — на службу в город, другой — домой в деревню.

Так прошло несколько лет. За это время дядя успел оценить правдивость, трудолюбие и сметливость племянника; он убедился также, что любовь к

чтению не мешала молодому Ричарду аккуратно и добросовестно исполнять свои обязанности. Ричард уже получал жалованье и радовался, что может помочь родной семье своим небольшим заработком. Он тщательно записывал все свои расходы, и его записные книжки сохранились до сих пор; в них можно прочесть, какие вещи он дарил родным, какие он покупал книги и т.п.

Отец и мать Кобдена всегда пользовались большой любовью всех, кто их знал. Молодой Ричард совмещал в себе хорошие качества обоих родителей: энергию, сметливость и практичность матери, доброту и сердечность, которыми отличались оба родителя, и в особенности отец. Никакие несчастья не могли лишить бодрости духа мать Кобдена; среди всех своих бед и недостатков она находила еще возможность оказывать услуги своим односельчанам. Когда в деревне началась эпидемия тифа, мать Кобдена охотно ходила помогать делом и советом семьям, где были больные, и, ухаживая за ними, заразилась сама. Надломленный и истощенный организм женщины, матери 11 человек детей, не вынес болезни, и она умерла. Это была ничем не возмestimая потеря для и без того уже обездоленной семьи. Трудно описать ее горе; о любви же детей к своей матери можно судить по следующим словам старшего сына Фредерика, которые мы берем из одного его письма: «Наше горе (горе детей по поводу смерти матери) обратилось бы в настоящую муку, если бы мы не сознавали, что никогда и никто из нас сознательно не доставил ей ни одной неприятной минуты».

В том же 1825 году, когда семью Кобденов поразило тяжелое горе — смерть матери, им в первый раз улыбнулось счастье. Лондонский торговец оценил, наконец, ум и характер своего племянника и поручил ему более важное дело: продажу товаров своим провинциальным покупателям, рассеянными по всей Англии.

Как ни ничтожно было это повышение, если принять во внимание будущую государственную и общественную деятельность Кобдена, оно оказалось весьма важным для молодого человека и его семьи, для которой он сделался единственной опорой. С этим повышением, во-первых, увеличился заработок молодого человека. Еще важнее было, однако, то, что вместо скучной и однообразной работы в лавке Кобден теперь должен был разъезжать по всей Англии, и таким образом ему представлялся случай увидеть много интересного.

II

По Англии с товаром

Нечего и говорить, как рад был молодой Ричард своему новому назначению. Его страстная любовь к знанию, не к отвлеченному знанию, а к знанию действительной жизни, нашла, наконец, себе некоторое удовлетворение. Чтение, которым до тех пор усиленно занимался юноша, значительно расширило его умственный горизонт; из его записных книжек мы узнаем, что он около этого времени купил себе сочинения Франклина, только что вышедшие поэтические произведения Байрона и некоторые другие книги,

принадлежащие столь же заслуживающим внимания писателям.

Теперь он, кроме того, получил возможность познакомиться с людьми и с жизнью. Благодаря своему открытому характеру, Кобден легко сближался с людьми, которых встречал во время своих путешествий; самые же путешествия приходилось совершать на почтовых или, как это делалось в то время почти повсеместно в Англии, в омнибусах. Тогда еще не было железных дорог; медленное путешествие и частые остановки в пути сближали людей и вызывали их на откровенные разговоры, которые теперь не так возможны при быстрой езде по железной дороге. Ричард Кобден изъездил всю Англию, Шотландию и Ирландию, видел всякого рода людей; слышал самые различные разговоры и суждения, никогда не упускал случая узнать что-нибудь новое о житье-бытье своих соотечественников. Это время скорее, чем какое-нибудь другое в жизни Кобдена, можно назвать эпохой «образования» для Ричарда — образования самого ценного, того, которое дает сама жизнь даром, но лишь тем, кто серьезно вдумывается в то, что видит и слышит вокруг себя.

Насколько Кобден внимательно наблюдал условия народной жизни во время своих странствий, можно судить по его письмам. Вот что, например, двадцатилетний приказчик пишет своему брату Фредерику из Ирландии, наиболее обездоленной части Английского Королевства: «Жалкие лачуги, которые видишь с дороги, доказывают, что путешествуешь по стране бедной и невежественной, с дурной системой

управления. Хотя я проезжал по самой лучшей части Ирландии, все-таки сердце мое сжималось при виде картины всеобщей нужды. В Ирландии нет среднего класса, есть только с одной стороны богачи, с другой — вечно голодные крестьяне. Нам случалось проезжать по местностям, которые носят громкие названия городов, и в этих-то городах я видел свиней, которые ели в той же комнате, где жили их жалкие хозяева; мне даже говорили, что свиньи и ночуют с хозяевами. Сапоги и чулки — это роскошь, о которой не мечтают здесь ни мужчины, ни женщины...»

Многие англичане, кроме Кобдена, видели ирландскую бедность, но ни на кого, надо думать, не производила она столь сильного впечатления. Впоследствии оказалось, что наблюдения Кобдена во время разъездов по Ирландии с целью продажи товаров своего хозяина имели для этой страны бесконечно большее значение, чем самая продажа сотен или даже тысяч кусков дешевых материй, о которой он должен был хлопотать. Через десять лет после этого первого посещения Кобденом Ирландии появилась его брошюра, часть которой была посвящена описанию Ирландии. Брошюра произвела величайшее впечатление на всю мыслящую часть английского общества, и сердца многих англичан содрогнулись при чтении глубоко верного описания результатов вековых грубых насилий Англии над несчастной страной.

Но не одни экономические вопросы занимали молодого Кобдена. Из тех же писем его к брату видно, как сильна была в нем любовь к литературе и вообще как разнообразны были его интересы. Попав однаж-

ды на место рождения величайшего из поэтов Шотландии, Роберта Бёрнса, Кобден так выражал свой восторг брату: «Ты можешь себе представить, но я не могу тебе описать чувств, которые во мне возбуждает сознание, что я хожу по тем самым местам, вижу те самые сцены, среди которых рос великий талант, вызывающий такое восхищение во всем мире».

Читая письма Кобдена, видишь перед собой высокоодаренную натуру, полную страстного, неудержимого стремления ко всему прекрасному, натуру, порывов которой не могла подавить даже пятилетняя работа за прилавком.

Такой же восторг вызывали у Кобдена посещения чудных старинных соборов в разных исторических местностях Соединенного Королевства. «О! Если бы я был богат, — писал, например, Кобден, — и мог бы научиться понимать всю замысловатую красоту этого памятника старины так же хорошо, как я понимаю разные сорта материй. Как бы я был счастлив!» — писал Кобден своему брату по поводу посещения одного старинного собора.

Часто люди говорят таким же образом, часто они желают богатства, чтобы воспользоваться им для развития своего ума, для расширения своих познаний или даже для того, чтобы вполне отдаться на служение какой-нибудь великой и благой цели, не задумываясь над вопросом о хлебе насущном для себя и для своих близких.

Часто люди, повторяем мы, задаются такими целями, но весьма немногие из них, достигнув наконец богатства, сумеют сохранить в себе достаточно свеже-

сти ума и чувства, достаточно нравственной чистоты, чтобы сменить одну деятельность, направленную к личному обогащению, другой — к своему умственному просветлению или даже ко благу своих ближних. Как мы увидим ниже, Кобден принадлежал к числу этих весьма немногих.

После нескольких лет службы в качестве такого вечно «странствующего» приказчика, Кобден успел настолько изучить условия торговли дешевыми материями и настолько хорошо зарекомендовал себя всем, что рискнул даже вместе с двумя друзьями завести самостоятельную торговлю. Дело уладилось легче, чем он ожидал: скоро он нашел фабрикантов, готовых дать в кредит громадные партии товаров на самых льготных условиях — так велико было доверие к знаниям и способностям молодых людей.

III

Заботы о самообразовании молодого и богатого фабриканта. Заботы об образовании рабочих на фабрике. В Швейцарии

С самого начала стремление Кобдена к личному обогащению далеко не носило узкоэгоистического характера. Мы уже знаем заботы молодого Ричарда о родительской семье; теперь же он был особенно полезен быстро старившемуся отцу, дела которого шли все хуже и хуже. Ричард любил в особенности своего старшего брата, который, подобно отцу, терпел везде

неудачи. Фредерик ездил даже попытать счастья в Америку, но вернулся ни с чем и совершенно обескураженный. Ричард — в то время еще мальчик в лавке своего дяди — с радостью встретил своего старшего брата и старался вселить ему то же бодрое отношение к жизни, которым отличался сам.

Вот что теперь среди начинающегося благополучия Ричард писал Фредерику: «Я знаю твой характер достаточно хорошо и уверен также, что ты принимаешь близко к сердцу все мои интересы. Я был бы глубоко несправедлив, если бы мог когда-нибудь представить себя в полном счастье без того, чтобы это счастье не было и твоим. Капризная судьба осыпает благодеяниями менее достойного из нас, но мы исправим ее ошибку, и я прошу тебя считать себя вправе на равную долю во всем, что она пошлет мне». Мы увидим, что слова Ричарда не были только красивой фразой, а выражали сущую правду: любовь Ричарда Кобдена к старшему брату побуждала его иногда даже к совсем неблагоприятным поступкам, последствия которых оказались весьма плачевными для обоих.

Насколько Ричард был искренен в своих обещаниях, можно судить по тому, что, едва организовав сам свое торговое дело, он постарался поставить на ноги брата и дал ему свои последние деньги на основание торговли лесом. Как всегда, у брата дело пошло плохо, и он терпел лишь убытки; но Ричард продолжал помогать ему и ободрять его упавший дух.

Между тем дела Ричарда Кобдена и его компаньонов шли прекрасно: в 1831 году был уничтожен налог на ситцы, они значительно подешевели, вместе с этим

увеличился и спрос на них в Англии и за границей. Теперь, после трех лет успешной торговли взятыми на комиссию товарами, Кобден и его компаньоны решили приобрести ситцевую фабрику в Манчестере, где тогда зарождался один из главных центров мануфактурной деятельности в Англии. Случай скоро представился, фабрика была куплена, дела компаньонов пошли очень хорошо, и Кобден понемногу становился весьма богатым человеком. Между тем умер старик Вильям Кобден, и Ричард уже вполне принял на свое попечение многочисленную семью покойного. Успехи сына сильно радовали старика в последние годы его полной лишений жизни; он умер, сознавая, что есть кому позаботиться о малолетних членах многочисленной семьи.

Занимаясь без усталости на фабрике, где число рабочих доходило до 600, Ричард Кобден не погряз совершенно в одном желании наживать деньги. Он находил время много читать, в особенности сочинения по истории Европы, по истории всеобщей литературы, по вопросам народного хозяйства (политической экономии), одним словом, он остался тем же жаждущим знания молодым человеком, каким он был первое время после приезда в Лондон. Вот что, например, пишет 28-летний богатый фабрикант одному из своих братьев в Лондон: «Нельзя ли было бы нам заняться эту зиму математикой? Поищи в книжном магазине Лонгмана какое-нибудь элементарное руководство. Мне бы хотелось также заняться немного латинским языком... Рассчитываешь ли ты на свое терпение? Я думаю, что у меня его хватит... Пусть Генрих (другой брат) берет нынче зимой уроки испанского языка...».

Но и этих забот Кобдену, видно, было мало: занимаясь делами фабрики, следя за воспитанием своих братьев и сестер, работая для собственного самообразования, Кобден находил еще время изучать состояние народного образования в своем отечестве, желая затем сам по мере сил содействовать распространению знаний в народе.

Купив фабрику в Манчестере, Кобден уже через несколько лет завел при ней школу для детей, причем — трудно этому теперь верится, — ему приходилось убеждать рабочих посылать детей в школу: так мало простой народ понимал в то время пользу образования даже в Англии. Надо сказать, что английское правительство в то время почти ничего не тратило на образование простого народа, предоставляя на волю родителей учить или не учить своих детей. Прошло с тех пор 60 лет, и картина совершенно изменилась: теперь все родители в Англии обязаны под страхом наказания посылать детей в школы, которые содержит государство и где детей учат даром.

Необходимость народного образования — первый общественный вопрос, по поводу которого говорил публично Кобден. Он с обычным ему жаром отдался этому вопросу и, чтобы убедить, например, своих рабочих в пользе образования, он устроил на фабрике публичный экзамен детей одной из школ г. Манчестера; надо сказать, что фабрика Кобдена находилась не в самом городе Манчестере, а в его окрестностях.

В 1833 году Кобдену пришлось ехать по делу во Францию. Он воспользовался случаем и посетил

Швейцарию. Картины горной природы произвели на него неизгладимое впечатление; в письмах брату он хвалит в самых сильных выражениях швейцарские виды, но «еще лучше, — прибавлял он, — швейцарский народ и его учреждения». Он радовался, видя везде доказательство всеобщего благосостояния, прекрасное земледельческое хозяйство у крестьян, хороший рабочий скот. «Это народ, которым управляют более умело, чем каким-либо другим, и который поэтому наиболее счастливый и благоденствующий на земле», — писал Кобден своему брату.

Через год с небольшим после своего посещения Швейцарии Кобден выпустил первую свою брошюру «Англия, Ирландия и Америка» и вслед за этим, оставив с согласия своих компаньонов Англию, отправился в Соединенные Штаты — государство, которым он интересовался более, чем каким-либо другим, и на которое много рассчитывал, как на великий пример народного управления большой и могущественной нации.

Что же мог сказать ценного своим соотечественникам тридцатилетний фабрикант, получивший самое жалкое образование и дополнивший его лишь урывками путем самостоятельного чтения, занятый с 15 лет заботой о куске хлеба для себя и для многочисленной родительской семьи?

Чтобы вполне оценить значение первых литературных трудов Кобдена, нам надо сначала взглянуть на положение Англии в то тревожное время.

IV

Первые литературные труды Р. Кобдена.

Проповедь мирного развития всех
производительных сил страны вместо
постоянных вооружений и военного
вмешательства в распри континентальных
государств

Мы знаем уже, что войны Англии с Французской Республикой и затем с Наполеоном были затеей богатых классов Англии, сначала опасавшихся принципов свободы и равенства, составлявших девиз Французской Республики, впоследствии же испугавшихся военных успехов Наполеона. В 1815 году кончились, наконец, наполеоновские войны, и для Европы настала эпоха относительного покоя.

Что же выиграл английский народ от продолжительных наполеоновских войн? Солдат стали отпускать со службы за ненадобностью. Низшие классы в Англии не имеют земли, поэтому отпущенным солдатам надо было поступать в рабочие на фабрики. Но и там нужда в рабочих уменьшилась, так как вместе с прекращением войн на континенте Европы стали быстро возникать фабрики, вместе с этим уменьшился, конечно, спрос на произведения английской фабричной промышленности.

Налог же на доходы, падавший на богатую английскую аристократию, был после войны немедленно уничтожен. Не довольствуясь, однако, этим облегчением богатых классов, вслед за окончанием войн анг-

лийский парламент издал закон о пошлинах на привозной хлеб.

Мы знаем, что во время войн с Наполеоном цены на хлеб стояли высокие, так как привоз дешевого русского или американского хлеба в Англию был затруднителен или даже иногда невозможен. Крупные землевладельцы получали все время хорошие доходы со своих ферм и теперь решили искусственно удержать те же цены на хлеб, запретив ввоз иностранного хлеба, пока английский хлеб не достигнет известной, очень высокой цены. Издание такого закона было возможно только потому, что английский парламент состоял тогда почти сплошь из крупных землевладельцев, которые поэтому в законодательных мерах преследовали свои личные выгоды.

* * *

Что такое английский парламент¹

Английский парламент есть верховное учреждение, в обязанности которого входит издание законов и управление страной через посредство министров, выбираемых из среды его членов английской королевой. Парламент состоит из двух палат — палаты лордов и палаты общин, называемых иногда верхней и нижней палатой парламента. В первой заседают лорды, герцоги, графы — по большей части владельцы громадных поместий. Они заседают в палате бес-

¹ Из кн.: Мижурев П. Г. Гладстон. СПб., 1893. С. 8—12.

сменно всю свою жизнь и передают это право по смерти своим старшим сыновьям.

Другая палата — палата общин — состоит из выборных английского народа, который присылает их в палату на семь лет, после чего должны состояться новые выборы. Члены палаты общин, зная, что через семь лет они должны снова являться перед народом для выборов, стараются оправдать доверие своих избирателей и стремятся поэтому исправлять недостатки старых законов и предлагать новые, которые могли бы помочь нуждам народа.

Для того чтобы новый закон вступил в действие, необходимы принятие его обеими палатами и подпись королевы. Уже несколько столетий английские короли не отказывают никогда в своей подписи, если закон прошел обе палаты, так что несогласие и борьба происходят иногда лишь между последними. Однако в случае настойчивых требований нижней палаты, палата лордов в конце концов уступает, сознавая, что палата общин имеет большее значение в глазах народа, который ее выбрал, и в ней одной лишь видит правильного истолкователя своих желаний.

Число лиц, участвующих в выборе членов нижней палаты в начале этого столетия, было весьма незначительно и не достигало полумиллиона. Упомянутое выше движение к расширению прав английского народа закончилось изданием (в 1832 году) так называемого билля (т.е. закона) о реформе, по которому число избирателей сразу удвоилось и достигло миллиона.

Каждый член палаты может предложить издание нового закона, но эта обязанность лежит преимуще-

ственно на министрах, выбираемых королевой в большинстве случаев из среды членов нижней палаты. Королева собственно выбирает лишь так называемого первого министра, или премьер-министра, на котором уже лежит забота найти себе товарищей и разделить с ними все отрасли государственного управления. Первый министр и его товарищи, т.е. остальные министры, составляют так называемый в Англии «кабинет»; их иногда называют также «правительством», так как на них действительно лежит все бремя и вся ответственность за управление страной.

Первый министр и его «кабинет», т.е. все остальные министры, остаются до тех пор в своих званиях, пока располагают большинством голосов в палате общин. Непринятие палатой какого-нибудь закона, на котором министерство, однако, настаивает, несогласие парламента на какую-нибудь важную меру «кабинета» влечет за собой отставку первого министра и его товарищей; того же самого парламент или, лучше сказать, палата общин может достигнуть, прямо вотируя (голосуя) недоверие к «правительству».

В таких случаях первый министр немедленно отправляется к королеве и сообщает ей об отставке «кабинета»; королева после этого обращается к одному из наиболее влиятельных противников павшего министерства (т.е. «кабинета»), поручая ему составить новый кабинет, согласно изменившимся взглядам большинства палаты.

Таким образом, в английском парламенте всегда есть по крайней мере две партии: одна, составляющая большинство, в руках которой находится власть, дру-

гая — более или менее сходное по своим взглядам меньшинство. Имея возможность высказывать свои мнения в парламенте и критиковать действия кабинета, парламентское меньшинство стремится убедить в правильности своих взглядов, во-первых, остальных членов палаты, а затем и всю страну, зорко следящую по газетам за всем, что делается в парламенте. Так, меньшинство, твердо уверенное в правильности своих воззрений, рассчитывает рано или поздно склонить общественное мнение страны в свою пользу, т.е. превратиться в свою очередь в большинство, и, следовательно, вместе с этим получить власть в свои руки и тем самым добиться возможности доказать на опыте основательность своих взглядов.

В течение последних нескольких столетий в Англии существуют две главные политические партии — *тори* и *виги*, более или менее соответствующие тому, что в других странах называется *консерваторы* и *либералы*, хотя в Англии эти две партии не так противоположны по своим стремлениям, как в других государствах Западной Европы. Главное отличие между ними состоит в том, что первые, т.е. тори, или консерваторы, склонны сохранять привилегии высших классов общества — богатой английской аристократии, которой принадлежит почти вся земля в Англии, так как там совершенно отсутствует класс крестьян-собственников.

Другая партия — виги, или либералы, охотнее, чем тори, идет навстречу требованиям времени и готова постепенно уничтожать завещанную веками крайнюю неравномерность в распределении позе-

мельной собственности в Англии, так же как и вообще улучшать условия жизни английского народа и всячески содействовать его материальному благосостоянию, подымая уровень его умственного и нравственного развития.

* * *

Итак, хлеб дорог, заработки редки. Введение новых усовершенствованных машин еще более уменьшило потребность в рабочих. В это же тяжелое время фабриканты начали усиленно пользоваться дешевым женским и детским трудом: случалось, что семилетние дети работали по 15 часов в день за плату, едва покрывавшую расходы на их пропитание. Тогда в Англии не было еще законодательства о рабочих, которое теперь получило там наиболее широкое развитие и обеспечивает рабочему лучше, чем где-либо, здоровые условия труда и возможность добиться хорошей платы.

Конечно, ввиду описанного положения дел, не было недостатка в возмущениях, в стачках рабочих, не говоря уже о петициях парламенту (так называются просьбы англичан о введении каких-нибудь реформ, подаваемые парламенту и подписанные лицами, сочувствующими этим реформам).

Возмущения подавлялись военной силой, стачки парламент запретил, на петиции не обращал внимания. Недолго, однако, применялись такие меры. Надо отдать справедливость господствующим классам Англии, что они никогда не доводят дела до крайности и в последнюю минуту уступают.

Даже более того: среди той же английской аристократии, которая так ревниво оберегает свои интересы и так эгоистично пользуется своим влиянием на законодательство страны, среди той же аристократии всегда находятся люди, ставящие себе задачей отмену тех самых законов, которые доставляют выгоды представителям их же класса. Они пользуются неограниченной свободой слова в парламенте, чтобы заставить выслушать свои соображения о необходимости реформ тех самых людей, которым предлагаемые нововведения грозят материальным ущербом или какими-нибудь другими потерями.

Так было, например, с парламентской реформой, увеличившей вдвое число лиц, принимающих участие в выборе членов парламента. Еще в 1792 году, когда английская аристократия, опасавшаяся влияния французских революционных идей, начинала свою беспощадную борьбу с Францией, — в это самое время молодой член парламента лорд Грей предлагал встретить ту же опасность более разумным путем, а именно: расширением прав народа и в первую очередь увеличением числа лиц, имеющих право посылать представителей в парламента и таким образом влиять на ход законодательства родной страны. Грей не имел успеха, но с тех пор не переставал от времени до времени обращаться к парламента с требованием реформы, и наконец, через 40 лет после первого своего предложения реформы, будучи уже 60-летним стариком, Грей дождался-таки своего времени и в 1832 году, будучи первым министром, провел билль (закон) о парламентской реформе через обе палаты.

Мы увидим ниже в течение нашего изложения примеры такого же настойчивого, непреклонного стремления к достижению намеченной цели: это чисто английская черта, часто наблюдаемая у выдающихся деятелей Англии и в области политики, и в сфере науки, промышленности или торговли. Молодость Кобдена совпала с эпохой громадного возбуждения общественной жизни в Англии перед парламентской реформой 1832 года. В конце следующего десятилетия Кобден сам стал во главе другого общественного движения, одного из самых значительных, если не самого значительного, из когда-либо происходивших на земном шаре, по крайней мере из тех, которые при всей своей громадности никогда не сходили с законной почвы.

Итак, в 1832 году английский народ получил больший чем прежде контроль над законодательством страны; избирателей стало вдвое больше; кроме того, были уничтожены некоторые крупные недостатки самой системы избрания. Одним словом, улучшилась форма правительственной власти, ее механизм: теперь можно было приняться и за улучшение самого содержания правительственных актов, т.е. надо было заставить обновленный в своем составе парламент исправить путем законодательства ряд общественных зол, от которых страдала вся масса английского народа. За это, т.е. за указание парламенту необходимейших реформ, и принялся Ричард Кобден сначала в упомянутой брошюре, а затем и всеми законом дозволенными путями.

В первой своей брошюре «Англия, Ирландия, Америка» Кобден доказывал, что Англия до сих пор

совершенно неосновательно считала своим долгом вмешиваться в европейские дела и вследствие этого часто вела войны, входила в долги, обременяла народ податями, заставляя его в то же время гибнуть десятками тысяч в войнах, истинных причин которых народ понять не мог. Всякая война есть зло, говорил Кобден, исключая войны для самозащиты. Злом были также, продолжал он, войны Англии. Не странно ли нам сокрушаться о несчастьях итальянцев, говорил Кобден, когда у нас на глазах изнемогают от наших собственных несправедливостей ирландцы? Здесь Кобден нарисовал такую картину современного состояния Ирландии, которая должна была произвести и действительно произвела подавляющее впечатление на англичан.

Вы тратите деньги на вооружения, вы боитесь России, говорил далее Кобден; оставьте Россию в покое, пусть она тратит свои средства на армию, вам она не страшна; вам должна быть страшна Америка (Соединенные Штаты) с ее быстро увеличивающимся богатством, с ее просвещенным населением, с ее нарождающимися фабриками и заводами, которые грозят вам опасной конкуренцией. Англия богата своими фабриками и своей торговлей; на улучшение фабрик, на образование рабочих и должно быть направлено наше внимание. Вместо этого мы, англичане, как будто подрядились платить дань лордам-землевладельцам, обложив для этого иностранный хлеб пошлиной, как будто для того, чтобы наш рабочий голодал и в то же время платил втридорога за то малое количество хлеба, какое позволяет ему купить его скудный

заработок. По причине дороговизны хлеба фабриканты должны платить дорого рабочим; от этого приходится продавать дороже товары иностранцам, иностранцы — и в этом случае надо этого особенно опасаться от американцев — перестают покупать у нас фабричные изделия и начинают производить их сами. Рабочие же лишаются и тех заработков, какие они до тех пор имели. Все это очевидное зло, говорил справедливо Кобден, терпелось до сих пор, потому что оно было выгодно лордам-землевладельцам; все это, заключил он, надо теперь уничтожить.

Брошюра Кобдена произвела сильнейшее впечатление и имела громадный успех: в течение года потребовалось три издания. В следующем году Кобден выпустил другую брошюру, в которой еще убедительнее и еще резче доказывает вышеприведенные мысли. Эта вторая брошюра была полна самых горьких истин для англичан и в особенности для англичан высших и средних классов, тем не менее — и это делает большую честь английскому народу, — резкость суждений автора нисколько не помешала успеху брошюры.

Мы знаем уже, что Кобден много читал и что его интересовали книги весьма разнообразного содержания. Под влиянием некоторых прочтенных им сочинений Кобден глубоко проникся сознанием взаимного влияния души и тела. Он вполне понял, насколько бесполезно говорить о нравственности людям, которые вынуждены несколькими семьями жить в одной комнате, насколько неуместно было бы пытаться внушать любовь к знанию людям, которым нечего есть или которые не всегда в состоянии даже одеться или обуться.

В самом деле, как ни верна пословица: «сытое брюхо к учению глухо», еще вернее была бы та же пословица о брюхе голодном. Нет, однако, недостатка в людях, готовых говорить об умственном и в особенности нравственном совершенствовании тем, которым тяжелая работа едва ли доставляет возможность вполне удовлетворять даже свои потребности в пище, питье и отдыхе и иметь всегда, таким образом, «здоровое тело», без чего, по другому известному выражению, не может быть и здорового духа. Кобден понимал всю бесполезность таких проповедей и впоследствии в одной из своих речей против хлебных пошлин сказал, что даже Господь в Своей молитве повелел нам просить «хлеба насущного» раньше, чем духовных благ.

Вот источник усердия Кобдена в его деятельности по отмене хлебных пошлин. Уничтожение их он считал делом первостепенной важности во всех отношениях: и для обеспечения народу «хлеба насущного», и для поднятия народного благосостояния вообще, а следовательно, и народной нравственности, и для дальнейшего процветания английской промышленности и торговли. Считая, таким образом, что «хлебные законы», т.е. законы, воспрепятствующие ввоз дешевого иностранного хлеба в Англию, являются источниками многих бед для английского народа, Кобден по возвращении из Америки всей душой отдался распространению той же мысли среди английского общества.

Прежде чем перейти, однако, к рассказу об этом наиболее важном периоде общественной деятельнос-

ти Кобдена, скажем несколько слов о внешних обстоятельствах его личной жизни.

Мы уже знаем, что вслед за изданием своей первой брошюры Кобден уехал в Америку, чтобы взглянуть на страну, от которой он так много ожидал в будущем. Он не разочаровался в Соединенных Штатах: он увидел громадное государство с довольным и сравнительно образованным населением. Кобден, однако, понимал все опасности, грозившие великой заатлантической республике от рабства негров — единственного пятна на светлом фоне ее жизни, во всем же остальном он видел залог счастливого будущего.

По возвращении из Америки Кобден принялся усердно за свою работу на фабрике, но уже через год с небольшим опять отправился в путешествие. На этот раз он поехал на Восток и посетил Испанию, Италию, Грецию, Турцию и Египет; к путешествию побуждали его частью любознательность, частью желание изучить на месте экономические условия жизни в тех странах, с которыми Англия в ту пору вела значительную торговлю фабричными произведениями.

В течение всего путешествия Кобден вел деятельную переписку со старшим братом, и его письма показывают, с каким вниманием он всматривался во всё, что видел вокруг себя, как в особенности он интересовался положением простого народа.

«Я не мог, — писал он брату, — любоваться дворцами и пышными садами Константинополя, ни вилами, расположенными вдоль морского берега, ни даже естественными красотами Босфора, так как я знал пороки владельцев этих вилл и нищету констан-

тинопольского населения... Сказать ли правду? Я более склонен восхищаться красотами реки Гудзона в Америке».

По возвращении на родину Кобден, наряду с управлением делами фабрики, не переставал интересоваться и общественными вопросами и был одним из наиболее деятельных лиц, добивавшихся и, наконец, добившихся для города Манчестера права самоуправления и права представительства в парламенте. Благодарность населения выразилась выбором Кобдена на одну из самых почетных должностей вновь организованного городского самоуправления.

Известность Кобдена как человека, преданного общественным интересам, постоянно возрастала, и в 1837 году ему даже предложено было выступить кандидатом в парламент от местечка Стокпорт, где находилась его фабрика. Он не был выбран и был отчасти доволен этим, так как, благодаря этому обстоятельству, он мог съездить на несколько месяцев на континент, чтобы ознакомиться с Германией. Ему это нужно было для собирания сведений по главному вопросу, над которым он работал в то время, по вопросу о хлебной торговле.

В 1839 году Кобден расстался со своими компаньонами по торговому делу и основал собственную фабрику, взяв себе в помощники своих братьев. Он решил на это, имея в виду, главным образом, помочь своим братьям и в особенности старшему брату, Фредерику. Кобден намеревался поставить все дело образцово, что ему, конечно, было нетрудно при его способностях и при его опытности; затем он предполагал

предоставить все братьям, ограничившись самому лишь общим наблюдением за самыми важными делами; за это братья должны были платить ему небольшое вознаграждение, всю же свою энергию Кобден рассчитывал отдать на великое дело уничтожения хлебных пошлин.

В следующем году Кобден женился на подруге своей сестры.

V

Возникновение знаменитой Лиги против хлебных законов

Итак, мы знаем, при каких обстоятельствах английский парламент вслед за окончанием Наполеоновских войн назначил налог на привозной хлеб. Недовольство этой мерой существовало с самого начала, и даже в момент появления нового закона среди палаты лордов нашлось 10 человек, которые подписали протест с выражением крайнего несочувствия этой мере.

С тех пор не переставали раздаваться слабые голоса, требующие отмены хлебных законов; с годами число противников этих законов все возрастало, и после билля о реформе 1832 года в парламенте даже образовалась небольшая группа лиц — решительных противников хлебных пошлин, не упускавших никогда случая напоминать о всем вреде их. Несколько лет спустя (1836) в Лондоне образовалось «Общество для отмены хлебных законов» (Anti-Corn Law Association).

Но не Лондону с его разношерстным населением из всех частей Англии — и даже в известной степени

изо всех частей света — суждено было занять центральное место в предстоящей великой борьбе. Мы уже знаем, что от больших цен на хлеб страдал главным образом простой народ, страдали, однако, и крупные фабриканты, которым вследствие дороговизны хлеба приходилось платить высокую плату рабочим; вследствие того же самого поднималась, конечно, и цена фабричных изделий. Чем дороже были продукты английской фабричной промышленности, тем, конечно, меньше могло быть на них требований за границей. Наконец — и это едва ли не наиболее важное обстоятельство — те государства, которые готовы были покупать английские мануфактурные товары, если бы можно было взамен этого послать в Англию избыток своего хлеба, лишены были возможности делать это вследствие высоких пошлин на привозной хлеб. Итак, в этом случае интересы главной массы населения и интересы крупных фабрикантов совершенно совпадали: и те, и другие страдали от дороговизны хлеба.

Город Манчестер представлял в то время, как и представляет и теперь, один из самых крупных фабричных центров Англии. В описываемое время в Англии выделялось больше бумажных тканей, чем во всем остальном мире, и около Манчестера сосредоточивалось большинство хлопчатобумажных фабрик; там же, т.е. в Манчестере и вокруг него, в 1830 году впервые было организовано вполне регулярное железнодорожное товарное движение.

Понятно поэтому, почему в этом городе суждено было возникнуть «Новому обществу для отмены

хлебных законов», впоследствии преобразовавшемся в знаменитую Лигу (Anti Corn Law League), совершенно затмившую лондонское общество для той же цели.

«Новое общество» возникло в Манчестере в 1838 г. и состояло первоначально из 7 купцов, к которым скоро присоединился Ричард Кобден. Это общество сразу горячо принялось за дело и уже в следующем году составило петицию парламенту, в которой просило об отмене пошлин на хлеб. Кобден принимал деятельное участие в составлении петиции и он же, главным образом, настоял на том, чтобы петиция была о полной отмене хлебных пошлин, а не об уменьшении их, как этого первоначально желало большинство членов общества.

Таким образом уже с первых же шагов общества Кобден сделался в нем центральной личностью, благодаря своей горячей преданности задачам общества, благодаря прекрасному пониманию экономической жизни своего отечества, благодаря, наконец, громадному ораторскому таланту.

Новое общество быстро развивало свою деятельность: состоявшаяся в январе 1839 года подписка для его нужд дала 60 тысяч рублей.

Петиция об отмене хлебных пошлин была послана парламенту, и для представления ее поехали в Лондон несколько делегатов (уполномоченных) общества. Как мы уже сказали, в парламенте была небольшая группа лиц, желавших отмены хлебных пошлин; главой их был Виллье, уже несколько лет подряд требовавший от парламента пересмотра так называемых хлебных законов. Виллье передал петицию и просил

парламент выслушать от делегатов желания манчестерского общества. Парламент, громадное большинство членов которого, несмотря на недавнюю избирательную реформу, принадлежало к землевладельцам, не пожелал выслушать желаний делегатов. Таким же образом, хотя и после прений, продолжавшихся несколько дней, парламент отказался выслушать желания делегатов от 36 других городов Англии; эти делегаты привезли с собой петиции подобного же содержания, под которыми было полмиллиона подписей.

Отказ парламента принять делегатов поверг их в уныние, но Кобден, находившийся среди них, своей воодушевленной речью, выражавшей полную уверенность в близком торжестве идеи о свободном ввозе хлеба, сумел внушить те же чувства и всем другим делегатам. Кобден доказывал, что, как бы ни относился парламент к желаниям делегатов, они (т.е. делегаты) с петициями, подписанными полумиллионом англичан, представляют столь значительную величину, что могут заставить переменить свои мнения даже всемогущий английский парламент, если только будут дружно пользоваться всеми, законом предоставленными, средствами для распространения среди английского народа убеждения во вреде хлебных пошлин.

Нигде в мире, исключая Соединенные Штаты, не умеют люди так быстро образовать между собой общества, как в Англии. Нигде в Европе нет такого количества всякого рода ассоциаций, как в Англии, начиная с самых пустых, вроде обществ велосипедистов или конькобежцев, и кончая такими, которые ставят себе целью добиться крупнейших общественных реформ.

Дальнейшие строки покажут всю справедливость высказанного мнения. Отказ парламента выслушать желания делегатов от различных городов послужил точкой отправления для объединения обществ, рассеянных по всей Англии. Только два месяца спустя после этого события все отдельные и незначительные общества для отмены хлебных законов объединились в одно, охватившее всю Англию. Оно приняло название Лиги (т.е. союза обществ) против хлебных законов; комитет манчестерского общества сделался центром управления всей Лиги.

В Англии такие явления бывают часто; если парламент медлит приводить в исполнение желания народа, всегда находится небольшая группа лиц, ставящих себе целью добиться какого-нибудь полезного закона или же заставить отменить закон, вредный для большинства населения страны. Так было, например, в начале этого столетия с законом о недопущении католиков в английский парламент и ко многим государственным должностям. В 1824 году образовалась, наконец, так называемая «Католическая ассоциация» (т.е. католическое общество) и стала энергично работать для распространения среди английского народа сознания в крайней несправедливости ограничения прав католиков. Всего через пять лет после своего возникновения «Католическая ассоциация» добилась уничтожения всех законов, ограничивавших права католиков. На поучительный пример успешной деятельности «Католической ассоциации» и на некоторые другие подобные движения Кобден указывал в своей речи делегатам, собравшимся в Лондоне, предлагая им соединиться в одно большое общество.

После организации центрального управления в Манчестере началась работа Лиги. Во все концы Англии были посланы миссионеры, которые должны были читать повсеместно лекции о вреде хлебных законов. Этим «миссионерам» весьма часто приходилось выносить оскорбления во время своих чтений; случалось, что им не давали помещения для чтения лекций; иногда «миссионеры Лиги» не только нигде не могли нанять залы для своих чтений, но даже найти себе комнату для ночлега, так как ни одна гостиница не хотела их принимать. Лекция «миссионеров» в Кембридже — небольшом городе с одним из знаменитейших английских университетов — была прервана дракой и кровопролитием.

Надо сказать, что в то время в Англии землевладельцы держали в своих руках не только центральную правительственную власть, но и местное управление; они же выбирали мировых судей, не получавших за свою службу никакого жалованья и, следовательно, тоже принадлежавших к классу богатых землевладельцев. Наконец, не только в деревнях земля принадлежала большей частью крупным собственникам, но даже и в городах она принадлежала им же, и домовладельцы возводили свои постройки на арендованной земле; впрочем, такое положение дел сохранилось в значительной мере и до настоящего времени.

Описанные преследования показывают, как велика была ненависть английской поземельной аристократии к Лиге и ее «миссионерам», как велико было влияние той же аристократии на домовладельцев — арендаторов городских земельных участков, как ве-

лико было, наконец, невежество народа, которому так легко было внушить ненависть к Лиге и видеть в ней лишь затею богатых манчестерских фабрикантов. Что же касается беспорядков в Кембридже, где особенно отличались студенты университета, оскорблявшие делегатов Лиги, то надо принять во внимание, что в то время английское студенчество состояло почти исключительно из сыновей той же поземельной аристократии. Как мы видим, даже молодость не спасала их от слишком эгоистичного взгляда на экономическую политику родной страны.

Газеты — а их в то время в Англии было мало, и они были дороги — обрушились на миссионеров Лиги, давая им самые оскорбительные прозвища, выставляя их врагами всякого порядка и чуть ли не изменниками отечества.

Ничто, однако, не могло уменьшить рвения нового общества, глубоко убежденного в правоте своих воззрений на нужды страны. Нечего и говорить, что Лига сейчас же основала журнал специально для распространения своих взглядов. В этом журнале в числе других авторов писали статьи Кобден и его ближайший друг Джон Брайт, о котором нужно сказать несколько слов.

Это был, подобно Кобдену, человек с самой горячей преданностью общественным интересам, человек, поставивший себе задачей жизни распространение в народе здравых понятий о вопросах государственных и между ними особенно вопросов экономических. Брайт был моложе Кобдена и еще в 1836 году познакомился с нашим героем, явившись в Манчестер, чтобы просить

его произнести речь при открытии общества, основанного Брайтом и преследовавшего образовательные цели. С этих пор и начались дружеские отношения этих двух знаменитых мужей Англии; особенно же сблизились они после основания Лиги.

Как раз около описываемого нами времени Брайт потерял свою жену и был совершенно подавлен горем. Когда при встрече с Кобденом Брайт рассказал ему о своем несчастье, Кобден старался успокоить его и между прочим сказал следующее: «В настоящую минуту в Англии живут тысячи семейств, в которых матери, жены и дети умирают от голода. Когда пройдет у вас первый приступ горя, приезжайте ко мне, и мы с вами до тех пор не успокоимся, пока не добьемся уничтожения хлебных законов».

Брайт действительно поступил таким образом, конечно, не столько по совету Кобдена, сколько по влечению своей самоотверженной природы: с юности он отдавал все свое время общественной деятельности. Со времени описанной встречи с Кобденом Брайт направил всю свою энергию — а это была необыкновенно деятельная натура — и употребил все свое красноречие — а он считается одним из самых замечательных ораторов новейших времен — на распространение идей Лиги. Заслуги его в этом отношении громадны, и в летописях движения к уничтожению пошлин на хлеб его имя должно стоять рядом с именем Кобдена.

Дружба и постоянная совместная работа Кобдена и Брайта никогда не изгладятся из памяти английского народа. В самом деле, почти никогда не нарушаемое

единодушные этих двух общественных деятелей представляет собой нечто совершенно исключительное. Когда впоследствии они оба заседали в парламенте, то в течение 22 лет их одновременного пребывания в нем только два раза они разошлись во мнениях при подаче голосов относительно предлагаемых на утверждение парламента законов.

Итак, Брайт потерял свою жену и в усиленной работе на пользу общества искал облегчения своего горя; Кобден, как мы знаем, лишь за год перед этим женился; но ни богатство, ни общество любимой женщины не помешали ему, однако, с неподражаемой энергией отдаваться интересам Лиги: так живо было в нем — при полном личном благополучии — представление о «тысячах голодных матерей, жен и детей», о которых он говорил Брайту.

Даже более того: в своем увлечении идеями Лиги Кобден забывал свои личные дела, что скоро отразилось на его состоянии. Без его энергичного труда, без его умелого руководства фабрика, оставленная, главным образом, на старшего брата Фредерика, приносила все меньше и меньше дохода и, наконец, через несколько лет стала даже давать значительные убытки.

В самом деле, работа для Лиги поглощала почти все время Кобдена, масса писем каждый день приходила со всех концов Англии со сведениями о ходе дела, каждый день в центральное управление в Манчестер являлись лица, желавшие сообщить что-нибудь полезное для Лиги или, наоборот, просившие объяснений от нее. На все хватало времени у Кобдена — и на корреспонденцию, и на переговоры с по-

сетителями; его громадный ум усваивал все сведения, которые так или иначе освещали вопрос о пошлинах на хлеб; мало-помалу он в этом отношении делался наиболее сведущим в Англии человеком. В этом — т.е. в полном и всестороннем знакомстве с вопросом о хлебных пошлинах — и заключалась сила Кобдена, которая дала себя почувствовать даже в английском парламенте, куда он был скоро выбран представителем от местечка Стокпорт.

VI

Деятельность Лиги до 1845 года — одно из величайших общественных движений новейших времен

Уже несколько лет подряд государственное хозяйство Англии велось из рук вон плохо; в конце каждого года в казне образовывался дефицит, на покрытие которого надо было придумывать новые налоги или заключать займы; всеми чувствовалось дурное экономическое положение страны. Общее неудовольствие отразилось, наконец, и в парламенте и привело (в 1841 году) к падению министерства лорда Мельбурна.

«То было тяжелое время для английского народа», — писали мы в своей биографии другого знаменитого английского деятеля Гладстона. «Государственная казна пополнялась преимущественно посредством косвенных налогов, т.е. налогов на предметы потребления; больше всего, конечно, поступало доходов с налогов на предметы первой необходимости, т.е. такие

предметы, в которых не привыкла себе отказывать даже беднейшая часть английского народа (чай, сахар, спирт, пиво, табак и т.п.). Самым тяжелым бременем на народ ложились, однако, пошлины на привозной хлеб; пошлины эти возрастали по мере удешевления английского хлеба и падали и даже совершенно уничтожались только тогда, когда хлеб в Англии достигал крайне высоких “голодных цен”².

Новый первый министр сэр Роберт Пиль решил изменить торговую политику Англии и частью уничтожил, частью уменьшил весьма многие из пошлин и налогов. Возможную недостачу в средствах казны Пиль не соглашался устранить увеличением тех налогов, которые падали преимущественно на беднейшие классы. «В этом отношении мы уже дошли до границ возможного», — говорил Пиль парламенту. Вместо этого он предложил привлечь к уплате государственных расходов достаточные классы, для чего он предполагал обложить специальным налогом всех, получавших в год дохода 1500 рублей и больше.

Корень всего зла — хлебные пошлины — Пиль оставлял, однако, почти без перемены. Первый министр не захотел даже принять депутации от нескольких сот делегатов, съехавшихся со всех концов Англии просить нового министра об отмене хлебных пошлин.

Речь Пилиа с изложением предлагаемых финансовых реформ была встречена аплодисментами и вызва-

² Мижусев П. Г. Гладстон. СПб., 1893. С. 18.

ла лишь незначительные возражения со стороны противной партии. Тогда встал Кобден и сказал, что считает своим долгом немедленно высказать, что, по его мнению, отношение Пиля к хлебным пошлинам есть злое издевательство над бедствиями народа. В самом деле, после всех предлагаемых реформ английский народ должен был по-прежнему платить пошлину, правда несколько меньшую, за привозной хлеб, мясо, масло, яйца и даже за картофель.

Произнесенные в парламенте слова Кобдена вызвали выражения сочувствия из всех больших городов Англии, тысячи петиций с сотнями тысяч подписей были отправлены Кобдену для передачи в парламент. Во многих городах состоялись многочисленные митинги (собрания), на которых выражалось такое же негодование по поводу слишком слабых мер Пиля, какое в парламенте высказал Кобден.

Но, как это обыкновенно бывает в Англии, дело ограничилось лишь таким публичным выражением неодобрения мерам министерства, но не вызвало нигде никаких беспорядков, где бы понадобилось вмешательство военной силы. Поражение не только не обескуражило Лигу, но придало ей даже большую энергию, как это обыкновенно бывает в Англии — могли бы мы прибавить и в данном случае. «Прежде мы тратили на распространение наших идей тысячу рублей в неделю, теперь мы будем тратить десять тысяч», — говорил, например, Кобден, обращаясь к делегатам Лиги, собравшимся в Лондоне, и выражая чувства, воодушевлявшие всех членов Лиги. В это время около миллиона рублей уже было затрачено

Лигой в Манчестере и в других городах Англии, тем не менее Кобдену и его помощникам удалось в короткое время собрать еще полмиллиона на дальнейшие работы Лиги. Надо сказать, что то был тяжелый год для фабрикантов хлопчатобумажных изделий, однако многие из них жертвовали крупные суммы, будучи уверены, что они вернут свои деньги, как только будет уничтожена главная помеха деятельному обмену товарами между Англией с одной стороны и континентальными государствами Европы и Соединенными Штатами — с другой.

Теперь мы должны объяснить, почему Пиль, один из замечательнейших государственных деятелей Англии настоящего столетия, настаивал на сохранении хлебных пошлин, так как было бы несправедливостью думать, что он хотел служить лишь интересам крупных землевладельцев.

Нет, Пиль имел в виду также благо своей родины, но он *не понимал* так хорошо, как Кобден, ее истинных интересов, он *не знал* столь же хорошо, как Кобден, экономического состояния Англии и других европейских государств. На примере Пилия мы убеждаемся в простой, но, к сожалению, мало понимаемой истине, что недостаточно быть *хорошим* человеком, чтобы делать добро людям; прежде всего надо иметь много ума, а часто и много трудолюбия, чтобы разобрать, что полезно и что вредно для общества; иначе же при самых *добрых* намерениях можно не только не сделать добра, но даже причинить людям много *зла*.

Пиль не соглашался на отмену хлебных пошлин, так как опасался, что после такой отмены прекратятся

посевы на многих земельных участках, которые в то время обрабатывались; он боялся, что вследствие этого Англия окажется в полной зависимости от чужих государств по отношению к обеспечению народа продовольствием, и видел в этом большую слабость в случае внезапной войны.

Пиль не отдавал себе отчета в том, что неразумно ввиду *возможных будущих* бед держать *постоянно* значительную часть населения впроголодь, он недостаточно оценивал весь вред, который терпела Англия вследствие того, что ее хлебная торговля приняла характер азартной игры, так как мы уже знаем, что пошлины на иностранный хлеб то повышались, то понижались в зависимости от колебания цен на хлеб в Англии.

Пиль не отдавал себе вполне отчета во всей справедливости этих соображений; не понимало их и большинство его соотечественников. Некоторые, сознававшие все зло хлебных пошлин, молчали или даже защищали их, так как эти пошлины служили для них источником дохода. Даже рабочие долго относились холодно к деятельности Лиги, увлекаясь так называемым «чартистским» движением, имевшим в виду главным образом политические реформы.

Однако главная сила противников Лиги была в земледельческих округах: фермеры видели свое единственное спасение в хлебных пошлинах, а в деятелях Лиги — своих личных врагов.

На них-то и обратили теперь все свои усилия Кобден, Брайт и другие деятели Лиги. По целым неделям они переезжали из города в город, из местечка в мес-

течко, произнося повсюду речи, вызывая ораторов противной партии на публичные состязания. Часто это были настоящие турниры; три-четыре, иногда даже шесть часов длился спор в присутствии многочисленных слушателей и всегда оканчивался полным поражением сторонников запрещения свободного ввоза съестных продуктов.

Тщетно пытались фермеры ответить Кобдену на главный вопрос: что они выиграли со времени существования высоких пошлин? Выиграли землевладельцы, но никак не фермеры, с которых землевладельцы брали высокую арендную плату ввиду дороговизны хлеба. Особенно же очевидно было, что хлебные пошлины, «покровительствуя» землевладельцам, нисколько не «покровительствовали» земледельческим рабочим, которые за свой тяжелый труд получали плату, едва хватавшую на удовлетворение первых потребностей семьи. Очевидно, хлебные пошлины существовали лишь для обогащения английских крупных землевладельцев.

Деятельность Лиги в это время приняла громадные размеры. В течение 1843 года 500 человек занимались даровой раздачей по всей Англии изданий Лиги; 15 миллионов брошюр было таким образом роздано в Англии и Шотландии, в 150 городах и в 25 местечках были прочитаны лекции агентами Лиги. 500 тысяч рублей было истрачено в 1843 году, на следующий год решено было еще расширить деятельность Лиги и собрать пожертвований на миллион.

Были, однако, обстоятельства, которые парализовали все усилия Лиги. Реформы, произведенные в

1842 году Пилем, имели хорошее влияние на экономическое положение страны; кроме того — и это самое важное — 1843 и 1844 годы были годы очень урожайные, страна не чувствовала всего зла, приносимого хлебными пошлинами, так как своего хлеба оказалось довольно.

Напрасно Кобден требовал в парламенте отмены хлебных пошлин: его не хотели слушать. Обращаясь в 1845 году с речью к многочисленному народному митингу в Лондоне, Кобден говорил по поводу нежелания министров обсуждать требования Лиги: «Они, конечно, уничтожат со временем хлебные пошлины, они понимают, что невозможно будет удерживать их в случае неурожая или голода, а голод легко может наступить, достаточно для этого трехнедельного дождя во время уборки хлеба; но что же это за государственные люди, которые ждут бедствия, чтобы приступить к необходимым реформам?»

Как мы увидим ниже, слова Кобдена оказались пророческими.

Из писем, которые посылал в это время Кобден своей жене, видно, что он работал для Лиги до полного физического изнеможения. Кроме общих заседаний в парламенте он еще должен был участвовать в работах особенной комиссии, состоявшей также из членов парламента, для исследования положения земледельческих округов Северной Англии; вместе с тем он не переставал являться от времени до времени на публичные митинги и произносил там речи, печатал статьи в изданиях Лиги и т.п.

Кобден часто писал домой, что положительно не знает, когда найдет возможность вернуться на время

в родную семью: до такой степени все его время было поглощено работой.

Вот как, например, описывал он свой день в письме к жене от 20 июня 1845 года: «Я сообщу тебе, как я обыкновенно провожу день. От 12 до 4 часов дня продолжаются заседания парламентской комиссии. Затем надо идти в парламент на общее заседание, где прения длятся до 12 часов или даже до 2 часов ночи, как это было, например, два раза на прошлой неделе, так что я в эти дни оставался в здании парламента 11 часов подряд... Ты извинишь меня после этого, — прибавил в конце письма Кобден, — за то, что я не всегда аккуратен в переписке с тобой».

Надо не забывать при этом, что Кобден до такой степени был поглощен общественными делами, когда его личные дела становились из рук вон плохи. Как нам известно, он поручил заведование делами фабрики своим братьям, намереваясь сам приезжать к ним от времени до времени для общего обсуждения наиболее важных вопросов. Братья не сумели повести дело как следует, сам Кобден, как мы видим, не находил совсем времени для своих личных дел; в результате оказалось, что около описываемого нами периода Кобдену грозило полное разорение и даже большие долги. Надо заметить, что члены английского парламента за свой труд никакого вознаграждения не получают.

В таком критическом положении Кобдену оставался лишь один исход — отказаться совершенно от общественной деятельности и попытаться спасти семью от безысходной нужды, взявшись самому за

управление делами фабрики. Узнав о крайнем положении Кобдена, верный друг его Джон Брайт сейчас же помог ему привести в порядок свои денежные дела, горячо протестуя против того, чтобы Кобден оставлял Лигу, притом в такое время, когда для Лиги особенно была нужна его работа.

VII

Роковая осень 1845 г. Голод в Ирландии и отмена хлебных законов

В 1844 году Кобден, обращаясь к парламенту, говорил, что будущие поколения с трудом поверят тому факту, что в то время, когда Ирландия периодически страдает от голода, питаясь самым дешевым из пищевых средств — картофелем, в это самое время в Соединенном Королевстве существуют пошлины на иностранный хлеб, существует закон, запрещающий ввоз или по крайней мере препятствующий ввозу пищевых продуктов.

Прошел год со времени произнесения этих слов Кобденом. Настала роковая осень 1845 года. Дождь шел месяц подряд; пшеница вышла плоха, картофель совсем погиб. Печальные вести приходили отовсюду, министры, однако, не унывали. Но вот распространился слух, что картофель погиб и в Ирландии, а он там составляет главную и чуть ли не единственную пищу всей массы населения: стране грозил формальный голод. Напрасно пытались было скрыть от английского общества размеры наступающего бедствия: оно было слишком громадно.

Первый министр Роберт Пиль раньше своих товарищей понял, что пробил час окончательного уничтожения хлебных пошлин, что пора, наконец, допустить беспрепятственный ввоз съестных припасов в периодически голодающую страну.

К несчастью, товарищи Пила — остальные министры — не желали так решительно отказаться от своих заблуждений и думали ограничиться временной помощью бедствующему населению. Пиль вышел в отставку.

Между тем Лига теперь была более деятельна, чем когда-нибудь, большинство английского общества поняло всю справедливость требований Лиги, всю пользу ее деятельности: десятки тысяч народа соби-
рались слушать ораторов Лиги. Кобден произносил речи в разных концах Англии, и, когда он говорил, например, в Лондоне, его собралось слушать более 30 тысяч человек. На митинге, устроенном Лигой в Манчестере, энтузиазм, возбужденный речами Кобдена и других ораторов, был так велик, важность переживаемого момента настолько проникла в сознание всего собрания, что, когда стали делать подписку на усиленные расходы Лиги, в течение двух часов было подписано пожертвований на 600 тысяч рублей.

Постоянное возбуждение и речи на открытом воздухе перед многочисленными собраниями сломили даже железное здоровье Кобдена: в начале 1846 года он слег в постель, страдая одновременно головными болями, болями в ушах и в горле. С тех пор он на всю жизнь остался с несколько хриплым голосом и глуховат. К счастью, дело, ради которого Кобден пожерт-

вовал своим здоровьем и своим состоянием, было уже близко к осуществлению. Роберт Пиль был снова призван составить министерство и уже прямо повел дело к уничтожению хлебных законов.

Вспомним, что население Ирландии, в 1841 году доходившее почти до 10 миллионов, через 10 лет уменьшилось до 6,5 миллионов. «Население Ирландии, — писали мы в биографии Гладстона, — особенно изменилось в сороковых годах... В эти годы умерло до миллиона людей от голода и столько же ирландцев оставило свою злосчастную родину, эмигрируя большей частью в Америку». Эти факты и числа так красноречивы, что не требуют дальнейших объяснений, и по ним можно составить себе понятие о том количестве человеческих страданий, какое за ними скрывается.

Едва оправившись от болезни, Кобден все-таки принял участие в обсуждении билля об отмене хлебных пошлин, предложенного Пилем. Более двух недель шли горячие прения в парламенте, более 100 речей было произнесено ораторами за и против закона, и, наконец, билль был принят большинством ста голосов.

Когда через несколько дней после этого Роберт Пиль, уже снова подавший в отставку вследствие несогласия парламента на одну из предложенных им законодательных мер, в замечательной речи заявлял парламенту о сложении с себя власти, он между прочим сказал следующее: «Что касается до проведенного нами (министрами) Закона об уничтожении хлебных пошлин, я не хочу лишать заслуги этой меры никого из тех, кому она принадлежит. Я должен, од-

нако, прибавить, что эта честь не принадлежит ни членам оппозиции (противной партии в парламенте), ни мне, ни членам моей партии. Здесь, среди нас, находится человек, которому принадлежит честь этой меры. Да, господа, человек, имя которого должно быть и будет навсегда связано с этим важнейшим государственным актом, единственно из чистых и благородных побуждений с неослабевающей энергией настаивавший на этой мере, обращаясь к уму и сердцу своих сограждан с безыскусственным красноречием, которое может дать только глубокое убеждение в истине своих слов, этот человек, я говорю без колебания, есть среди нас находящийся Ричард Кобден, и ему, несомненно, должна навсегда принадлежать вся слава этой меры».

Несмолкаемые рукоплескания раздались со всех сторон и нашли горячий отклик всего населения страны. Впечатление от слов Пиль было тем сильнее, что всем было известно, что Пиль считал себя оскорбленным одной из речей Кобдена (произнесенной им в парламенте за несколько лет перед этим), в которой Кобден в высшей степени резко порицал министерскую деятельность Пиль. Пиль понял теперь, что лишь глубокая преданность своему отечеству, глубокая «любовь» к своим согражданам могла внушить Кобдену такую «ненависть» к известным законодательным актам, которые Кобден считал источником великих бедствий для страны. Пиль понял, насколько он был несправедлив, видя в нападках Кобдена желание нанести ему личное оскорбление, — и как благородный противник засвидетельствовал свое за-

блуждение перед лицом английского парламента и с ним вместе перед лицом всего английского народа.

Итак, наконец совершился переворот в экономической жизни Англии: она отказывалась от мысли поддерживать свое быстро увеличивающееся население продуктами собственного земледелия; ей давно следовало сделать это для полного процветания промышленности и торговли, которые с течением времени принимали всё большее и большее значение, как главный источник национального богатства.

Как ни очевидна стала наконец необходимость такой перемены, Кобдену и его соратникам по деятельности в Лиге удалось так скоро убедить английское общество в правильности своих воззрений лишь благодаря тому, что интересы богатого и многочисленного класса фабрикантов совпадали с интересами всего общества; поэтому-то, главным образом, фабриканты так охотно жертвовали большие суммы денег и поддерживали деятельность таких бескорыстных ревнителей народного блага, как Кобден, Брайт, уже упомянутый нами парламентский деятель Виллье и многие другие, столь же преданные, но не менее заметные и даровитые работники Лиги.

Трудно описать популярность Кобдена после отмены хлебных законов: все спешили выразить ему свое уважение и поздравить с успешным окончанием дела его жизни, все — начиная с самой английской королевы и кончая массами простого народа. К великой чести английского общества, надо прибавить, что всеобщее признание громадных заслуг Кобдена выразилось и более осязательным образом. Мы уже

знаем крайнее положение, в которое привело Ричарда Кобдена ведение дел фабрики его братьями; помощь, которую оказал своему другу Джон Брайт, позволила Кобдену лишь отдалить роковую развязку.

Среди своей необыкновенной популярности, среди груды писем от незнакомых людей с выражением радости по поводу торжества идей Лиги, Кобден сознавал грядущее ему неминуемое банкротство. Когда, однако, стало известным крайнее положение, в каком очутился Кобден вследствие своей самоотверженной деятельности на благо родины, друзья и почитатели устроили в его пользу национальную подписку; подписка имела громадный успех, и в короткое время было собрано и передано Кобдену 800 тысяч рублей (80 тысяч фунтов стерлингов). Так нация благодарила человека, который пожертвовал всем — здоровьем, богатством и даже в известной мере семейным счастьем (мы знаем, как редко ему удавалось быть среди своих детей и жены) — для уничтожения великого общественного зла.

VIII

Кобден и Брайт во время Крымской войны. Торговый трактат с Францией. Смерть Кобдена

Имя Кобдена перешло в историю Англии XIX столетия в связи с движением к уничтожению хлебных пошлин — поэтому мы и остановились несколько подробно на этом центральном факте всей жизни Коб-

дена, на его главной, неоценимой заслуге. Хотя и впоследствии Кобден не переставал работать на пользу общества, тем не менее никогда его труды не увенчивались таким громадным успехом, не имели такого громадного влияния на судьбы его отечества, как в описываемую эпоху. Впрочем, и в дальнейшей своей деятельности Кобден принес большую пользу своим согражданам, и если его заслуги были менее значительны, чем в описанный нами период, тем не менее сами по себе они были очень велики и могли бы составить славу для всякого другого общественного деятеля.

В 1847 году Кобден уехал с семьей за границу для поправления своего здоровья. «Я решил, — писал он своему другу, — позаботиться наконец о своем здоровье и затем сосредоточить все свое внимание на моей семье. Уверяю вас, что в течение последних лет я был так увлечен общественными делами, что не думал вовсе ни о себе, ни о счастье своей жены и детей».

Однако даже в течение своего путешествия с целью поправления здоровья Кобден не забывал общественных дел. События последних лет в Англии сделали имя Кобдена известным во всей Европе, во многих больших городах для него устраивали торжественные встречи люди, сочувствовавшие его деятельности и его идеям. Кобден воспользовался этим обстоятельством, чтобы внушать всем, с кем он встречался, и в особенности государственным людям, мысль о необходимости последовать примеру Англии и уменьшить, а если возможно, даже и уничтожить, высокие пошлины на продукты иностранных государств.

Вообще Кобден был сторонником самых широких торговых сношений между народами и видел в этом не столько материальную выгоду для всех, но и, в особенности, предохранительное средство против частого повторения войн. Кобден справедливо полагал, что войн было бы меньше, если бы народы — не только их правительства — знали лучше друг друга.

Частые торговые сношения, широкий обмен товаров и должны были, по мнению Кобдена, облегчить народам взаимное понимание, а с ним вместе способствовать взаимному уважению друг к другу; те же сношения должны связать, конечно, и материальные интересы всех стран.

По возвращении из-за границы Кобден купил небольшое имение около родной деревни и снова отдался работе в парламенте. Скоро его популярность подверглась тяжелому испытанию. Франция, т.е. собственно Наполеон III начал войну с Россией и привлек к участию в ней и Англию в качестве своей союзницы. Тщетно в 1853 и 1854 году Кобден и Брайт произносили десятки речей, в которых показывали всю неуместность предстоящей Крымской кампании; тщетно Кобден указывал на массу невежества, бедности, преступлений у себя дома, на борьбу с которыми, по его мнению, и должны были направить свои усилия все истинные патриоты, а не на поход в отдаленную страну, результатом которого могли быть лишь увеличение государственных долгов и гибель десятков тысяч ни в чем неповинных людей.

К сожалению, патриотизм, которого требовали от своих соотечественников Кобден и Брайт, даже в

наше время не по плечу громадному большинству населения Европы; слишком были сильны в то время — мало ослабели они и до сих пор — национальные предрассудки и взаимное непонимание и недоброжелательство народов. Кобден потерял свой авторитет даже среди тех людей, которые так недавно возносили его. Газеты, всегда в такое время старающиеся попасть в тон общественному настроению, несомненно, шли даже дальше того, что могло одобрить общество, не стеснялись позорить имена великих патриотов всякими оскорбительными выходками: сумасброды, фанатики, изменники отечества — вот как нередко называли Кобдена и Брайта газеты того времени. Англию охватил необыкновенный прилив военной лихорадки, скоро, однако, прошедшей, когда стали известными и лишения солдат, осаждавших Севастополь, и нерадение и злоупотребления начальства.

Хотя, как мы видели, Кобдену и Брайту не удалось помешать англичанам принять участие в Крымской кампании, однако слова их не пропали бесследно для страны. Впоследствии многие поняли, что оба «сумасброда» были, пожалуй, правы, и этому сознанию надо в значительной мере приписать то обстоятельство, что Англия с тех пор никогда не вмешивалась — иначе как путем дипломатии — в ряд войн, разорявших Европу в течение последних пятидесяти лет.

По мере того как внимание англичан более и более сосредоточивалось на внутренних вопросах, к Кобдену возвращалась прежняя его популярность. Уже в 1859 году его влияние было настолько велико, что лорд Пальмерстон, взявшись за составление нового

«кабинета», предложил Кобдену занять пост министра. Кобден отказался наотрез, имея в виду свое несочувствие иностранной политике лорда Пальмерстона. Никакие просьбы друзей не могли сломить его решимости: он утверждал, что может быть более полезным своему отечеству в качестве простого члена парламента.

Кобден не ожидал, конечно, и сам, что ему действительно скоро удастся оказать большую услугу стране и что ему при этом много поможет его положение совершенно частного человека. Часть зимы 1859/60 годов Кобден рассчитывал по некоторым семейным обстоятельствам провести в Париже. Один из его французских друзей предложил ему воспользоваться этим, чтобы склонить французского императора Наполеона III уничтожить высокие пошлины на английские товары и вообще заключить с Англией торговый договор, так чтобы между обеими странами завязались деятельные коммерческие сношения.

После совещания с Гладстоном — в то время министром финансов в кабинете лорда Пальмерстона — и с самим Пальмерстоном Кобден решил употребить все свое красноречие, чтобы убедить французского императора и его министров в необходимости заключения торгового договора для взаимных выгод и Франции, и Англии. Кобден заручился от Гладстона обещанием *уничтожения* пошлин на французские товары, если только Франция значительно *уменьшит* свои пошлины на товары английские; при этом Кобден должен был действовать лишь как частное лицо, пока не узнает, есть ли надежда на согласие французского правительства.

В то время Кобден пользовался такой популярностью в Европе, что ему было весьма легко получить аудиенцию у Наполеона III. Какого, однако, великого труда стоило Кобдену добиться согласия Наполеона III на заключение договора, какое нужно было красноречие, чтобы убедить французских министров в выгоде предлагаемых условий для самой Франции, как тяжело было Кобдену несколько месяцев подряд обсуждать каждую статью предполагаемого договора с представителями различных отраслей французской промышленности, вызванными для этой цели Наполеоном III, — обо всем этом могут дать понятие лишь письма Кобдена из Парижа, из которых видно, что он работал в этом случае едва ли меньше, чем в самый разгар деятельности Лиги.

Как бы то ни было, но Кобден добился согласия Наполеона на торговый договор, стал затем официальным делегатом английского правительства и выработал вместе с французскими делегатами проект договора.

Когда Гладстон в качестве министра финансов докладывал этот проект для утверждения парламенту, он заключил свою речь следующими знаменательными словами: «Редко случается, господа, чтобы человек, оказавший однажды великую услугу своему отечеству, через 14 лет снова оказал услугу едва ли менее значительную и, надо прибавить, человек, не украшенный ни титулом, ни каким-нибудь высоким званием, одним словом, ничем, кроме своих великих заслуг, не отличающийся от массы народа, которому он так преданно служит».

В самом деле, значение этого торгового договора было очень значительно для Англии, оно оказалось значительным даже для всей Европы, так как по примеру Франции и Англии и другие государства стали одно за другим заключать такие же трактаты, к общему благополучию договаривающихся.

Для характеристики Кобдена надо прибавить, что в то время, когда он убеждал Наполеона III согласиться на торговый договор для пользы обоих народов, материальное положение его самого сделалось снова критическим, так как большая часть национального подарка, полученного им, пошла на уплату долгов, сделанных братьями при управлении делами фабрики. Когда между друзьями и почитателями Кобдена сделалось известным его положение, они частным образом составили подписку и принудили его взять собранную сумму — около 80 000 фунтов стерлингов. Велик тот народ, среди которого так легко находятся люди, готовые поддержать благородного человека, в чрезмерном увлечении мыслями об общественном благе забывающего и самого себя, и свою семью, рискующего очутиться однажды без средств к существованию!!!

В течение дальнейших лет своей жизни Кобден часто бывал болен и не мог так деятельно заниматься общественными вопросами. Однако он принимал большое участие в волнении, охватившем всю Англию во время Гражданской войны в Соединенных Штатах, и сделал все, что для него было возможно, чтобы возбудить в своих соотечественниках сочувствие к штатам, стремившимся уничтожить рабство негров в Америке.

Весной 1865 года Кобден чувствовал себя очень худо, но тем не менее, как только его состояние несколько улучшилось, поехал в Лондон, чтобы присутствовать при обсуждении в парламенте предложения министра об увеличении расходов на постройку крепостей в Канаде. Верный своему призванию проповедовать людям мир, он и теперь поехал противодействовать излишним расходам народных денег на постройку крепостей в отдаленных колониях Англии.

Судьба, однако, распорядилась иначе. Кобден, страдающий последнее время тяжелыми приступами астмы, был чувствителен к малейшим изменениям погоды. Задул холодный восточный ветер, и вместе с этим значительно ухудшилось и состояние Кобдена; он слег в постель и уже больше не вставал. Через несколько дней Кобден умер в двух шагах от парламента, где так долго раздавался его могучий и красноречивый голос для проповеди англичанам великих слов справедливости и любви не только друг к другу, но и ко всем «великим» и малым нациям, живущим на земном шаре.

Смерть Кобдена глубоко поразила и друзей, и врагов его. Все одинаково почувствовали громадность утраты, и среди ораторов парламента, поспешивших публично выразить национальную горе, особенно удачно выразил охватившее всех чувство Дизраэли, впоследствии лорд Биконсфилд. «Есть одно утешение, — сказал Дизраэли, — когда мы вспоминаем о наших невозместимых утратах; это утешение заключается в том, что не совсем погибли для нас оплакиваемые нами великие люди, что их слова будут часто

приводиться среди нас в парламенте, что на их примеры будут часто ссылаться, что им будут подражать. Есть в самом деле такие члены парламента, которые, правда, не могут более присутствовать в нем, но не перестают тем не менее быть его членами: духовно они всегда среди нас, и в этом смысле они навсегда здесь останутся, не завися более ни от каприза избирателей, ни от воли министров. Я думаю, господа, что Ричард Кобден принадлежит к таким неумирающим членам английского парламента».

Ричард Кобден и свобода торговли

Считаю полезным указать некоторые книги, использованные мною при составлении этой лекции. Прежде всего я укажу на подробную биографию Морли (John Morley. Life of Cobden. 1881). Это сочинение имело такой успех, что в 1882 году Морли выпустил сокращенное издание его. С этого последнего сделан перевод на французский язык Софьей Рафалович, с ее предисловием. Так как она известна своим экономическим образованием, то ей и книги в руки при переводе и комментировании этого сочинения. Она дополнила сокращенное издание биографии некоторыми частями полного ее издания. Но эта книга дает мало выдержек из речей Кобдена. Для ознакомления с ними может служить книга известного французского экономиста Бастиа, сторонника абсолютной свободы торговли (Бастиа Ф. Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2002). Он сделал перевод наиболее значительных речей Кобдена и, главным образом, тех, в которых он говорил против хлебных законов, а также речей других деятелей лиги. Эта книга о Лиге против хлебных законов составляет третий том полного собрания сочинений Бастиа. Речи Кобдена, которые он издал, были переведены на русский язык в издании Поповой. Этому переводу предшествует очень краткое из-

ложение жизни и деятельности Кобдена по Морли (См.: Бастиа Ф. Кобден и Лига: Движение за свободу торговли в Англии. Социум, 2002. С. 692—721). Вот те сочинения, которые могут быть полезны лицам, желающим ближе ознакомиться с предметом.

* * *

Приступая к беседе о деятельности Ричарда Кобдена и того общественного союза, который известен под названием «Лиги против хлебных законов», приходится говорить о споре, который завязался в Англии на практической почве в конце 30-х годов и в начале 40-х между сторонниками свободной торговли и протекционизма. Прежде чем изложить этот спор, нужно в нескольких словах остановиться на тех положениях, которые существуют в экономической науке по отношению к торговле, и на фактах, рисующих то положение дела, в каком оно находилось в тогдашнее время, т.е. во второй четверти XIX столетия в Англии. Тогда мы поймем предмет спора.

Едва ли нужно объяснять, что торговля между частными людьми обуславливается обоюдной выгодой обмена, и если бы обмен был невыгоден, то и торговли не было бы; но когда речь заходит о международных отношениях, то вопрос делается не столь ясным, и хотя давно приводилась сторонниками необходимости широких международных отношений латинская поговорка *non omnis fert omnia tellus* (не всякая почва приносит всё) в объяснение необходимости обмена между народами; но люди, как будто нарочно, когда речь заходит о международных отноше-

ниях, забывают выгоды свободной международной торговли и склоняются к мысли, что достаточно свободы внутренней торговли для удовлетворения нужд населения, что не нужно задаваться мыслью проводить принцип свободы и в международные торговые отношения. Между тем международные торговые отношения имеют то же основание, как и отношения отдельных лиц, т.е. они не могут не быть взаимно выгодны и без таковой взаимной выгоды происходить не могут. Даже в том случае международная торговля выгодна, когда нам известно, что нам было бы выгодно данный продукт производить самим; но тем не менее мы будем предпочитать приобретать его у других, а не будем производить его сами, если взамен получаемого мы можем отдавать продукт, который мы можем производить еще с большей выгодой. Для примера возьмем следующий существующий факт во внутренней торговле. Известно, что приуральские жители могли бы сами производить хлеб, но, однако, они его не культивируют, а предпочитают получать из Вятской губернии для того, чтобы иметь возможность сосредоточить свои силы на металлургическом производстве, которое для них представляется более выгодным, чем часть сил своих обращать на производство хлеба. Еще возьмем пример: представим себе, что данному народу, положим, придется употреблять 100 дней для выделки данного количества полотна и 150 дней затрачивать на производство сукна. Другому народу приходится затрачивать на производство сукна 100 дней, а на производство полотна 125 дней. Что из этого выходит? Если один и

другой народ станет сам производить только данное количество полотна или сукна, смотря по степени выгоды, то один народ затратит на двойное количество полотна 200 рабочих дней, вместо 250, которые он тратил бы, делая и сукно и полотно; а другой народ затратил на то же двойное количество сукна 200 рабочих дней, вместо 225 на сукно и полотно; выходит, что при обмене, дающем возможность сосредоточить свою деятельность на одном, более выгодном продукте, один народ экономизирует 50 рабочих дней, а другой может выиграть 25 рабочих дней. Этот выигрыш был бы невозможен без обмена между предполагаемыми двумя нациями. Из приведенных случаев видно, что выгода вытекает из того условия, что при обмене каждый из приведенных народов занимается делом, наиболее для него выгодным, и что это сосредоточение труда возможно только при свободном международном обмене. Но мы видим еще в международных сношениях, что у каждого народа есть свои особые благоприятные условия, которые помогают ему выделять тот или другой предмет. Кроме того, при международном обмене расширяется рынок для данного производства, а потому оно может вестись в более широком размере и воспользоваться всеми теми выгодами, которые получаются от разделения труда и вообще при ведении дела в крупном размере. Чем обуславливаются международные сношения? Чем свободнее торговые сношения, тем развитее они становятся, тем шире может быть проведено международное разделение труда и улучшение организации его внутри отдельных стран, участвующих в обмене,

а при этом условии продукт становится доступнее для потребителя каждой из этих стран. Что касается выгоды производителя, то сторонники свободной торговли утверждают, что при ней производитель, занимаясь таким делом, которое ему наиболее сподручно, увеличивает производительность своего труда и, таким образом, извлекает из него наибольшую выгоду. Противники свободы международной торговли в защиту стеснения ее разными государственными мерами выставляют и выставляли немало аргументов. Они могут быть сведены к двум группам. В то время, когда еще господствовал взгляд, что главное богатство страны составляют деньги, сторонники этого взгляда — меркантилисты — рассматривали выгоду обмену или его убыточность с точки зрения прилива или отлива денег из страны. Чем более страна вывозит товаров, тем более она приобретает денег и, следовательно, богатеет. Наоборот, чем более она ввозит чужих товаров, тем она более теряет денег и, значит, беднеет. Правительство не может относиться равнодушно к тому, что страна, более сильная в промышленном отношении, наводняет его государство своими продуктами и увозит из него деньги, и потому принимает меры к стеснению ввоза и к поощрению вывоза. Для достижения такой цели надо, чтобы данная страна развила у себя обрабатывающую промышленность, а пока это произойдет, надо затруднить или вовсе запретить доступ в страну соответствующих зарубежных произведений. Более полным выразителем этой системы был французский министр Кольбер, вследствие чего она называется «кольбертизмом», называ-

ясь в то же время «меркантильной». Кольбер не был создателем покровительственной системы, но он придал ей стройный вид в практическом приложении, и потому стал как бы отцом ее.

Когда меркантильный взгляд на деньги был оставлен, выработался новый взгляд на основание покровительственной системы и связанных с ней стеснений международной торговли.

В XIX веке мы видим немецкого экономиста Листа. По его взгляду, задачей каждого народа должно быть развитие всех производительных сил своих. Этого он достигает лишь тогда, когда он развивает не только земледельческую, но и все другие отрасли промышленности. Для этого необходимо временное покровительство. По взгляду Листа, необходимость протекционизма объясняется тем, что не все народы в одно и то же время выступили на поприще промышленности и, разумеется, один народ естественно стоит впереди другого народа в экономическом развитии, а потому надо заботиться, чтобы народ развивался, окреп, и тогда он может войти с другим народом в свободную конкуренцию. До наступления этого момента должны быть употребляемы меры для промышленного воспитания народа. Правительство создает условия, могущие оградить страну от иностранной конкуренции, и это достигается при помощи установления пошлины настолько высокой, чтобы она покрыла ту разницу в цене, которая существует между иностранным продуктом и туземным. Если иностранный промышленник продает сукно за 1 рубль аршин, а наша промышленность, как более бедная в техническом

развитии, дает возможность производить сукно только в $1\frac{1}{2}$ рубля аршин, то нужно наложить такую пошлину на каждый аршин иностранного сукна, чтобы аршин его, будучи привезен в данную страну, стоил бы тоже $1\frac{1}{2}$ рубля и наш производитель мог бы, таким образом, конкурировать с иностранным. Вот в каком виде оправдывал Лист протекционизм, и в таком виде существует теория последнего и сейчас. Само собою разумеется, что можно покровительствовать иначе: можно было бы выдавать, например, премию промышленнику за каждый выделанный аршин сукна, но это представляется более сложным и составляет расход, который пришлось бы разложить на всех, не только на потребителей, но и на производителей вместе; тогда как пошлина, взимаемая на границе, доставляя доход государству, ложится на потребителя, а прибыль от повышения цены товара переходит в карман промышленника. Я наметил вкратце теорию пошлин протекционных. Но пошлины бывают не только покровительственные, но и фискальные, т.е. такие, которые взимаются только в интересах казны.

История пошлины показывает, что она ведет свое начало со времени гораздо более раннего, чем создавалась теория. Фискальная и покровительственная пошлины ведут свое начало от времени, называемого варварским. Историческим зародышем первых был грабеж. В начале средних веков, когда рыцари нападали на караваны купцов, шедших по дорогам или рекам в их владениях, и отнимали их товары, этот грабеж создал фискальные пошлины. Так как купцы в одно и то же время вынуждены были быть купцами и

воинами, то и для феодалов являлся тоже риск при нападении на купцов, а потому купцы и феодалы пришли к соглашению: «Вы не трогайте нас; мы будем вам платить от товара известную часть». Таким образом явился прототип пошлин, составивших доход феодалов. Аналогичное явление мы видим теперь в Маньчжурии. Там хунгузы взимают пошлину с купцов за обещание не грабить их. Во время русской оккупации купцы, почувствовав большую безопасность, перестали платить. Когда же русские ушли, хунгузы снова потребовали и стали получать пошлину от купцов. Далее, горожане XII и XIII столетий, составив отдельные самостоятельные общины, старались защититься от нападений городскими стенами и воротами. Но в эти ворота они не пропускали не только врагов, но и мирных людей, если последние являлись конкурентами местных ремесленников и торговцев, а если и пускали, то взимали с пришельцев известную пошлину. Они оправдывали свою политику соображением: с какой стати мы будем пускать даром чужеземцев, если они будут отнимать от наших ремесленников и купцов прибыль от продажи и производства продуктов. Таков путь создания фискальных и покровительственных пошлин. Из пошлин городских, по мере создания государства, они постепенно превращаются в областные и в государственные, с городских ворот переходят на границы государства, и на пограничных заставах и таможнях они существуют вместе, как фискальные, так и протекционные. Если вы вспомните, какой процесс шел в XIX веке в Германии, где существовали пошлины, сначала в мелких государствах, а

потом образовались северогерманский таможенный союз и южный, пока, наконец, не образовался общий германский тариф, то вы поймете сущность схемы развития системы пошлин. Таким образом, мы видим, что протекционная система не явилась результатом теории, а развилась из боязни конкуренции, боязни обесценить местное туземное производство; но, как всегда, люди, делая что-либо неразумное, стараются объяснить свои действия чем-нибудь разумным, так и меркантилизм, и теория Листа явились в качестве средств обосновать политику, начавшуюся и развившуюся гораздо раньше и по другим мотивам.

Но если протекционизм, как исторический факт, представляется очень древним, то теория его, в той форме, как она выработана меркантилизмом, предшествует теории свободы торговли, о которой впервые систематически заговорил Адам Смит в конце XVIII века, и под влиянием учения которого она водворилась в Англии.

Мы перейдем теперь к рассмотрению положения протекционизма в Англии во 2-й четверти XIX века. Нужно сказать, что в это время, в смысле развития ткацкой промышленности, Англия представляла страну, которая значительно опередила остальную Европу. Изобретенные машины: паровая — Уайтом, прядильная — Аркрайтом и ткацкая — Картрайтом дали сильное развитие прядильному производству и шерстоткацкой, и бумажно-ткацкой промышленности. Изобретения Фултона и Стефенсона, создав средства быстрого передвижения, дополняли промышленные изобретения могучими рычагами соответственного развития торговли. Но так как английское правитель-

ство думало, что следует придерживаться системы, которая была раньше, для ограждения себя от иностранной конкуренции, то в первой половине XIX века таможенный тариф в Англии состоял из 1200 статей, в которых разобраны были самые мелкие отрасли и поставлена пошлина на все продукты, которые могут появиться в Англии и могут оказать конкуренцию английской промышленности. Но в 20-х годах учение Адама Смита переходит в жизнь, и под влиянием его зарождается общественное течение, которое начинает пробивать брешь в системе протекционизма. Представителем этого нового течения является Гусскисон, который в 20-х годах в Англии ослабил протекционную пошлину. В 40-х годах XIX века на тот же путь вступает выдающийся политический деятель Роберт Пиль, который более решительно становится на сторону освобождения английской торговли от таможенных пут, и из 1200 статей тарифа сначала отменил 750, т.е. более чем половину, а потом из оставшейся половины уничтожил, несколько лет спустя, еще 430 статей из английского таможенного тарифа. Но Пиль вступает на почву освобождения английской промышленности односторонне, имея в виду, главным образом, оживление обмена с колониями; хотя он имел в виду также и соображение, что большему ввозу соответствует и большой вывоз, так как торговля заключается в обмене продуктов. Основываясь на этой мысли, он решил открыть больший доступ иностранным товарам. Но, тем не менее, он сохранил большие преимущества за продуктами английских колоний (главным образом, сахаром и кофе) пред иностранными.

Главным принципом английского тарифа была защита интересов земельной аристократии. Земельная аристократия владела большей частью территории Англии, и в XIX веке мы почти не видим мелких землевладельцев, как это было раньше; все то, что касалось защиты интересов землевладельческой аристократии, для ограждения ее от конкуренции было обложено высокой пошлиной. Между тем товаром, который составлял главный интерес населения, был хлеб, и мы видим, что чем более увеличивается значение поземельной аристократии, тем более становится высокой покровительственная пошлина на хлеб. Так, в конце XVIII столетия и затем в начале XIX, а именно в 1815 году, издаются хлебные законы, запрещающие ввоз иностранного хлеба в таком случае, если цена квартера пшеницы в самой Англии стоит ниже 80 шиллингов. Понятно, что хлеб потому облагается высокой пошлиной, чтобы защитить интересы землевладельцев. С ослаблением протекционизма в 1828 году запрещение ввоза хлеба заменяется системой, которую так и прозвали: «подвижная лестница».

По этому новому закону хлеб допускался к ввозу при минимальной внутренней цене в 64 шиллинга за квартал, при которой он был обложен пошлиной в 23 шиллинга, при цене 63 шиллинга за квартал — 23 шиллинга, 60 — $26\frac{3}{4}$, 56 — 30, и при цене 50 за квартал — $38\frac{1}{2}$ шиллинга. Наоборот, при цене в 70 шиллингов пошлина опускалась до $10\frac{1}{4}$ шиллинга и до одного шиллинга при цене 73 шиллингов за квартал. Таким образом, мы видим целую лестницу пошлин, которые изменяются обратно пропорционально к цене

хлеба: чем выше цена хлеба, тем ниже пошлина, чем цена хлеба ниже, тем пошлина выше; цель ясна: надо, чтобы хлеб стоял на высокой цене, при которой обеспечивал бы ее хороший доход землевладельцам. Это воззрение на необходимую высоту цены хлеба менялось. Сначала находили, например, цену в 80 шиллингов обеспечивающей хороший доход землевладельцам, и в 20-х годах правящие классы и землевладельцы клялись и божились, что если цена будет ниже 70 шиллингов за кварталер, то они разорятся; в конце 20-х годов минимальная цена определена была в 64 шиллинга. Когда Роберт Пиль в 1841 году взялся за изменение лестницы пошлин и понижение их, то, в силу только внутренней конкуренции, цена хлеба колебалась между 54 и 56 шиллингами за кварталер. Они приняли эту цену за минимальную, при которой иностранный хлеб должен был облагаться пошлиной, и от этой цены выше он установил новую подвижную лестницу пошлин, которую провел через парламент в 1842 году. В сущности говоря, эта последняя не удешевляла хлеба, ибо на уровне 56 шиллингов за кварталер, при обычных условиях, пошлины стояли в силу внутренней конкуренции; в силу того же обстоятельства понижение пошлины при ценах хлеба выше этого уровня было безвредно для землевладельцев, ибо они все равно не могли получить более 56 шиллингов за кварталер, при среднем урожае. От падения же цены, в силу иностранной конкуренции, ниже 56 шиллингов они были защищены ввозной пошлиной в 16 шиллингов, которая раньше понижалась по мере повышения внутренней цены хлеба.

Лестница пошлины Роберта Пиля представляется в таком виде — причем мы приводим параллельно пошлины по закону 1828 года:

Хлебные пошлины

По закону 1828 года		По закону 1842 года	
Цена хлеба, шилл.	Пошлина, шилл.	Цена хлеба, шилл.	Пошлина, шилл.
50	38 шилл. 6 пенс.	50	20
56	40	56	16
60	26	60	12
63	23	63	9
63	22	64	8
70	10	70	5

Понижая бесполезное покровительство отечественному земледельцу, эта система пошлин мешала, однако, удешевлению хлеба. Вот почему реформа Пиля не удовлетворила общество и не отвергала тех экономических отношений, которые установились в стране под влиянием развития промышленности. Я остановил ваше внимание на хлебных законах потому, что они составляли центральный пункт в обеспечении интересов английской аристократии. Роберт Пиль ослаблял эту сторону только по-видимому. Такой же характер имели отношения в колониях. Целью правительства было дать материальные выгоды колониям, в которых, при господстве системы майората в Англии, находили себе поприще деятельности младшие

члены аристократических семей; правительство, более покровительствуя ввозимым колониальным продуктам, сравнительно с иностранными, тем самым оказывало покровительство и английской аристократии. Младшие члены английской аристократии поступали в духовенство; тут они тоже встречали покровительство государства. В Англии существовала в пользу духовенства десятина, причем она разлагалась не только на одних протестантов, но и на других. В Ирландии, например, ее платили католики. И здесь, как всюду, имелись в виду только интересы аристократического землевладельческого класса.

Если обратить внимание на систему налогов, то мы заметим, что и там действует тот же принцип. Налоги были поземельные, косвенные и налоги на наследство. Налоги наследственные взимались лишь с движимого имущества, но не ложились на землю. Что касается поземельных налогов, то еще в начале XVIII века цифра их составляла в Англии 1 997 000 фунтов стерлингов, а 1½ столетия спустя (1841 год) они составляли всего 2 037 000 фунтов стерлингов; значит, налог поземельный увеличился только на 40 000 фунтов стерлингов за 1½ столетия, т.е. на 2 процента; между тем, если посмотреть на акцизы, то получается такая картина: в начале XVIII столетия акцизы составляли 6792, а в 1841 году — 12 758 фунтов стерлингов; то есть в то самое время, когда поземельный налог поднялся на 2 процента, косвенный налог возвысился на 623 процента, что составляет громадную разницу. Чем объяснить это, как не тем, что власть страны находилась в руках небольшой земельной олигархии, которая

стремилась обеспечить за собой доход и свалила тяжесть налогов на плечи массы населения? Заметим, что земельная рента, т.е. доход землевладельцев, за этот период времени увеличилась в 7 раз. Таким образом ясно, что при данном политическом строе масса народа находилась в тяжелом положении. Политические деятели тогдашнего времени, чувствовавшие потребность оправдать существование хлебных законов, утверждали, что они не могут вредно отражаться на положении рабочего класса на том будто бы основании, что вместе с повышением цены хлеба поднимается и заработная плата, а между тем развитие национального земледелия ставит страну в независимое положение в политическом отношении, так как она не нуждается в чужом хлебе. Они говорили то, что теперь снова начинают говорить сторонники покровительства национальному земледелию в Англии, выставляя на вид соображение, что королевство находится в опасном положении, получая большую часть нужного ему хлеба извне; ибо, в случае войны, подвоз хлеба может быть остановлен иностранными крейсерами, и Англия голодом будет вынуждена сдаться и подчиниться условиям противника.

Оставляя в стороне политический аргумент, достоинство которого весьма сомнительно в практическом отношении, остановимся на тезисе, что заработная плата поднимается вместе с повышением цены хлеба. Действительность не оправдывала этого положения. Так, в 1802 году, когда влияние хлебных законов было незначительно, рабочий получал 13 шиллингов 10 пенсов. (Мы берем наиболее распространенный

тип рабочего в Англии — ткачей. Это наиболее многочисленный класс рабочего населения.) В 1806 году плата была 10 шиллингов 6 пенсов в неделю; в 1812 году — 6 шиллингов 4 пенса, в 1816 году — 5 шиллингов 2 пенса, в 1817 году — 4 шиллинга 3 пенса; между 1830 и 1845 годом она колебалась от 11 до 14 шиллингов в неделю. Интересно теперь посмотреть, какова была цена хлеба. В 1802 году она составляла 69 шиллингов за квартал, в 1806 году — 87 шиллингов; а в 1812 году квартал стоит уже 137 шиллингов. Когда цена хлеба доходит до такого максимума, рабочая плата понижается до 6 шиллингов в неделю. Далее, в 1816 году — квартал стоит 83 шиллинга, рабочая плата — 5 шиллингов; в 1817 году плата рабочему была 4 шиллинга, а хлеб за квартал — 126 шиллингов. Ясно, что рабочая плата не поднималась с ценой хлеба, а происходило совершенно обратное явление.

Само собою разумеется, что при таких условиях нужда рабочего класса должна была возрасти и хозяйственная жизнь страны должна была быть подорвана. До такой степени была она подорвана, что доктор Маршан, на свидетельство которого ссылался в одной своей речи Кобден, показал, что в 40-х годах среди населения Англии 5 миллионов человек питалось исключительно картофелем, еще другие 5 миллионов — овсяным хлебом. Тяжелы были условия жизни фабричного рабочего; но не менее тяжело, если не хуже, было положение земледельческого рабочего. Плата фабричному колебалась между 11—14 шиллингами в неделю, между тем как плата сельскому рабочему была около 5—6 шиллингов (на своих харчах, со

всей семьей). Нужда взрослого рабочего, естественно, распространялась на детей. Родители вынуждены были отдавать их в наем подрядчикам, которые поставляли их группами на сельскохозяйственные работы. Это были маленькие рабы, которых заставляли работать до изнеможения. Как им жилось вдали от семьи, как они питались, где спали (вповалку где-нибудь в пустом хлеву или сарае), как их морили голодом и били, мы можем себе представить, зная, что это были беззащитные существа. Еще хуже было положение детей на фабриках. Попечительства о бедных, на иждивении которых находились родители, отдавали детей в наймы на фабрики. Собрав партию, их грузили на возы и отправляли туда. Там они поступали в бесконтрольное распоряжение хозяина. Работали они наравне со взрослыми, не исключая и ночных смен. Плеть поднимала их от сна, плетью будила тогда, когда они засыпали от изнеможения на работе; голод, холод были неизбежными спутниками их детской жизни, и только преждевременная смерть избавляла их от страданий, созданных общественной несправедливостью. Смертность между ними достигала огромных размеров. Если рабочие дети на сельскохозяйственных работах находились, по крайней мере, днем, на чистом воздухе, то дети на фабрике находились и днем, и ночью среди пыли и срада.

Таким образом, хлебные законы, которые, как предполагалось, должны обеспечить политическую независимость страны и не должны вредить благосостоянию массы населения, разрушительно действовали на последнюю. Технические изобретения, которые, ка-

залось, должны были, увеличивая производительность человеческого труда, облегчить существование человека, произвели, временно по крайней мере, обратные последствия. Эти последствия были обусловлены не только тем, что общественная организация не приспособилась к новым условиям промышленной жизни, но и теми же самыми хлебными законами, о которых мы только что говорили. Переворот в промышленном мире, произведенный упомянутыми изобретателями, сосредоточил орудия производства в руках меньшего числа капиталистов, сократил временно потребность в труде и в особенности в труде взрослого мужчины, привлекая на фабрику женщин и детей, тем самым поставил рабочих в большую зависимость от капиталиста-фабриканта, а между тем общество не стало между нанимателем и нанимаемым и не оградило еще последнего от эксплуатации первого.

С другой стороны, сильный размах, сделанный промышленностью под влиянием изобретения пара, ткацкой и прядильной машин, наталкивался на стеснение сбыта, причиняемое протекционизмом и, главным образом, хлебными законами. Загораживая доступ иноземным продуктам, они тем самым затрудняли сбыт английских и потому понижали их цену. Таким образом, промышленники Англии должны были требовать отмены этих законов и вступить в борьбу с интересами земледельческой олигархии. Положение последней было поколеблено парламентской реформой 1832 года. Вторым этапом в этой борьбе была отмена хлебных законов. Таков смысл Лиги против хлебных законов и поднятого ею движения. Центральной фигурой последнего является Ричард Кобден.

Оригинальна была его жизнь. Родился он в маленькой деревушке западной части Суссекса 3 июня 1804 года. Он был четвертым из одиннадцати детей Вильяма Кобдена, фермера по профессии. Дела его сначала были недурны, когда цены хлеба между 1809 и 1813 годами были в среднем 5 фунтов стерлингов за кварталер и когда не только землевладелец, но и фермер извлекал большой доход; но в 1813 году, ввиду приближающегося мира с Францией и большого урожая, цены стали падать, и отец Ричарда Кобдена разорился. Он не был из числа людей сильной воли и больших способностей. Вся семья содержалась в это трудное время матерью, которая была женщиной сильной воли и больших способностей. Живя в такой многочисленной и нуждающейся семье, мальчик пас стадо овец своего отца, и будущность Кобдена не обещала ничего. Так продолжалось бы и далее, если бы не дядя его, который своей помощью дал ему возможность получить некоторое образование в пансионе. Описывая свое пребывание там, Кобден вспоминал о частом голодании, грубом обращении и очень плохом учении. При этом детей в три месяца раз заставляли письма родителям письма, вроде следующего:

25 марта 1817 года

Уважаемые родители!

«...Вот уже три года, как мы разлучены, но я вас уверяю, что я думаю с большим удовольствием об этих трех годах, чем о всякой другой поре моей жизни. Я благодарю вас за то, что вы мне предоставили образование, которое даст мне возможность честным образом зарабатывать кусок хлеба, когда я вступлю в житейские затруднения».

Так писались эти прописные сентенции под диктовку лицемерных наставников. Когда Ричард подрос, дядя взял его к своему торговому делу, и так как приказчиком он оказался энергичным и трудолюбивым, дядя был им доволен; одна беда была: как только улучал он свободную минуту, то брался за книгу, стараясь пополнять пробелы своего образования, которое он получил в пансионе. Времени для занятий и денег на книги было мало. Так, быть может, продолжалось бы долго, если бы он не нашел себе лучшего положения в одном торговом доме, в качестве разъездного приказчика; благодаря этому, он получил возможность видеть людей, новые места, наблюдать, собирать впечатления, которые вызывают ум на размышления, и потому положение разъездного приказчика значительно способствовало его образованию. Между тем, будучи приказчиком, он приобрел знание дела и знакомство со многими фирмами, благодаря чему он стал не просто человеком служащим, а человеком, которым стали уже интересоваться. И вот со знакомыми людьми он составил компанию для ведения торгового дела и основал ситцевую фабрику. Положение Кобдена становится лучшим и в материальном отношении; он старается помогать своей семье, которая осталась у него на плечах после смерти матери. Но это несколько не заставляет его роптать; напротив того, ему доставляет удовольствие отдавать заработок своим, выдвигать своих сестер и братьев, и мало-помалу эта практика жизни, вместе с природным задатком его характера, развивает в нем способность работать на пользу других. С этого времени уже

в нем обнаруживаются черты альтруизма, которым он в высшей степени был проникнут в течение всей своей жизни. Достаток и свободное время он употреблял на путешествия, причем побывал во Франции, Германии, Испании и Италии, наблюдая жизнь и закрепляя на бумаге свои впечатления. Нам это видно из писем, которые он писал, так как он любил писать письма своим родным отовсюду. Эти письма дают много материала для его характеристики как наблюдательного и мыслящего человека. Когда он был в Германии, то тогда уже обратил внимание на то, что германские промышленники и купцы по своему образованию стоят выше английских, явление, которое теперь составляет силу германской торговли и промышленности.

Через несколько лет Кобден отделяется от своих компаньонов, оставив им торговое дело в Лондоне и приняв себе ситцевую фабрику. Он и здесь остается альтруистом и, не в пример другим фабрикантам, заботится о своих рабочих и о школьном образовании их детей.

Постройка народной школы и забота о ее развитии были первым камнем в общественной деятельности Кобдена, которая должна была впоследствии принять такие громадные размеры. И это дело было вполне сознательным актом человека, у которого к этому времени сложились определенные воззрения на общественную жизнь.

Кроме упомянутых нами путешествий, в построении последних большую роль играли и постоянные усилия над самообразованием. Относительный досуг и благосостояние идут на чтение и научные занятия.

Он старается изучить математику, занимается историей, политической экономией, географией, статистикой, ища в них ответы на запросы своей любознательности и разъяснения окружающего мира. Особенно сильное впечатление произвело на него сочинение Комба «Организация человека», появившееся в 1828 году, в котором автор доказывает истину, ставшую теперь общепризнанной, о связи, существующей между физическим и моральным здоровьем человека. Эта мысль дала Кобдену вывод, с одной стороны, о важности экономического благосостояния, а с другой — о возможности путем его нравственно усовершенствовать человека. С этой точки зрения он становится в родство с Тюрго. Его памфлеты, с которыми он выступает в середине 30-х годов, проникнуты тем же духом, который изгнал грубость и жестокость из воспитания детей, из обращения с сумасшедшими и из системы уголовных наказаний и заменил эти способы, хотя и освященные временем, но бессильные, разумной умеренностью и просвещенной гуманностью.

В своих экономических воззрениях Кобден был учеником Адама Смита и потому был сторонником свободы экономических отношений и свободы торговли. Но он был учеником сознательным, понимавшим связь этого учения с современными условиями английской жизни. «В известные эпохи истории, — говорил он в своем памфлете в середине 30-х годов, — нации необходимо произвести пересмотр принципов своей внутренней политики, чтобы приспособить их к прогрессу, совершившемуся в народной жизни». Он

думал, что именно потому, что «Англия так могущественна и богата своими ресурсами, своими учреждениями, своим географическим положением, она может быть нравственной и ранее другого правительства в Европе быть образцом нации, идущей по пути справедливости и мира». Разумея связь ее прогресса с промышленным переворотом, отметившим конец XVIII века, он не был восторженным энтузиастом этого переворота и вовсе не помышлял о том, как его упрекали впоследствии, чтобы превратить всю Англию в одну сплошную фабрику. «Я был далек от того, чтобы поддержать такой классовый предрассудок, — говорит он в одном из своих памфлетов, — напротив, мои вкусы совершенно противоположны. Я воспитался среди прелести полей юга Англии. Я должен признаться, что у меня такое влечение к занятиям наших предков, что если бы от меня зависело распределить роли на житейской сцене, я бы не допустил ни фабрики, ни завода... Но все цивилизованные нации усвоили мануфактурную систему, которая обязана своим существованием механическим изобретениям, и напрасны усилия остановить ее развитие, отвечающее потребностям страны. Все, что мы можем сделать, это ослабить, сколько возможно, недостатки этого нового общественного элемента, против которых, вероятно, есть средства». В этом искании средств для лечения общественных зол лежит основание его деятельности. Он видел их в свободе экономической и политической и в господстве международного мира. Коммерческой монополии и преобладанию в законодательстве земельной аристократии он противопоставлял тезис, что

все это не соответствует более потребностям промышленного развития страны, которое никакой государственной человек, никакой класс не может вернуть вспять. С этой точки зрения система торговых стеснений, многочисленные пошлины, и главным образом хлебные, подлежат устранению.

В то же время, по его мнению, Англия не должна вмешиваться в дела других наций, так как таковое не оправдывается справедливостью и возлагает на массу английского народа тяжести, увеличивающие его бедность. Теперь, в период своей юности, так же как и впоследствии, на закате дней своих, Кобден был убежденным сторонником мира и оправдание войны даже цивилизаторскими соображениями считал нелепостью.

В политическом отношении, как и в экономическом, он считал свободу лучшим средством для развития и отмену монополии одного класса считал необходимой; но устранение этой монополии он считал возможным, главным образом, путем подъема просвещения масс. «Единственное средство прогресса, — писал он в конце 30-х годов одному издателю в Эдинбург, — лучшее образование масс. Каковы хвост и тело, такова и голова. Природа не производит таких чудовищ, каковым были общество невежественное и порочное, с правителями мудрыми и добродетельными... Я надеюсь, что вы присоединитесь к нашему крику в пользу народных учителей и что в нем вы усмотрите первый шаг к радикализму». В другом месте он говорил, что у него беспредельная вера в народ. «Я предпочел бы завтра же всеобщее голосо-

вание теперешней избирательной системе. Мы можем достичь этой цели двумя путями: революцией или школой. С последней мы будем производить постоянные реформы; первая же после преходящих перемен кинет нас, как Испанию и Италию, в деспотизм и анархию».

Таким образом, мы видим в Кобдене в конце 30-х годов человека с сильно развитым общественным инстинктом, сторонника экономической и политической свободы, склонного к демократии и занятого мыслью о подъеме благосостояния массы народа. Надо всем этим царит мысль о необходимости приспособить государственную жизнь к изменившимся условиям промышленной и торговой жизни Англии путем создания свободы торговли и, на первом плане, отмены хлебных законов; но не путем насилия, а путем просвещения масс. В письме к брату своему Фридриху в 1838 году он писал: «Если он (народ) ошибается, мы должны наставить его на путь истины; если он неосторожен, мы должны умерить его, но никогда не говорить об оставлении корабля (ответ на совет брата оставить общественную деятельность ради своих интересов)». «Я думаю, — продолжал он, — что разрозненные элементы могут быть объединены вокруг вопроса о хлебных законах. Мне кажется, что этот предмет можно трактовать в духе нравственном и даже религиозном. Если здесь агитировать так же, как агитировали в вопросе о невольниках, то это движение станет непреодолимым».

После всего сказанного, нам станет понятным, что Кобден не просто присоединился, но и всей душой отдался движению, которое началось в конце 30-х годов

в пользу отмены хлебных законов. Вторая половина этого десятилетия была моментом сильного общественного движения, вызванного разочарованием непосредственными результатами парламентской реформы 1832 года. Это было время, когда Арнольд старался ввести новые основания в школьное образование и хлопотал о народном образовании, о союзах ремесленников, когда Дж. Ст. Милль старался ввести новую жизнь в радикализм, когда Карлейль клеймил аристократическую систему тюрьмы и виселицы, когда Диккенс привлекал общественное внимание к типам униженных и оскорбленных в своих первых романах, в которых он выводил злые порядки школы, жизнь сельского подмастерья и типы обитателей тюрьмы и рабочего дома. В это же время в Манчестере зарождается среди тамошних негоциантов движение против хлебных законов.

В 1838 году семь негоциантов в городе Манчестере, обсудив вопрос, составили ассоциацию против хлебных законов. Вскоре к ней примкнули другие лица, в том числе Кобден, Брайт и другие. Эта ассоциация стремилась к решению реальной задачи, при помощи которой можно было бы изменить экономический строй Англии. По мнению Кобдена, для того чтобы привить народу правильный взгляд на хлебные законы, нужно просветить страну, чтобы все отчетливо понимали необходимость реформы, чтобы все общество объединилось в движении к одной цели. Свою реформу он думает осуществить путем всеобщего распространения идей выгоды свободной торговли и вреда существующих законов для всего насе-

ления. Для достижения цели нужно действовать объединенными силами путем издания и распространения брошюр, устройства митингов, чтения лекций и установить связь между всеми однородными ассоциациями, трактовать вопросы на собраниях. Его мысль о союзе ассоциаций была принята, и таким образом осуществилась и Лига против хлебных законов в 1839 году. Серьезность ее намерений и энергия ее деятелей выразились в тех денежных пожертвованиях, которые собирались для достижения намеченных целей: в 1838 году было собрано 5000 фунтов стерлингов, потом 8000 фунтов стерлингов; в 1843 году — 100 000 фунтов стерлингов, потом в 1845 году, для увеличения доходов Лиги в решительный момент, когда нужно было собрать крупную сумму, было собрано 250 000 фунтов стерлингов. Интересно то душевное движение, которым были охвачены все люди. В 1845 году, когда в собрании в Манчестере нужно было немедленно собрать крупную сумму, то только и слышалось: «Я даю тысячу! Я даю тысячу!» И в два часа было собрано 60 000 фунтов стерлингов. В Манчестере в шесть недель была выстроена зала на 10 000 слушателей. Административная сторона Лиги процветала; у нее была устроена канцелярия, откуда направлялись шедшие в огромном количестве письма, так как в то время, благодаря введению железных дорог и почтовых марок, Лига могла вести без задержки колоссальную корреспонденцию со всеми членами союзных ассоциаций, причем входящих писем у них было до 300 000 в год, что указывает на энергичную деятельность совета и ее широкое распространение. Письма, выходявшие от

центра Лиги, распространялись по всей стране и всюду давали знать об экономическом положении страны. Совету ассоциаций было известно, что было нужно тут или там. Такая широкая деятельность показывала, что в стране образуется общественная сила, которая получает действительно большое значение. Один немецкий путешественник, Коль, побывав в Англии, рассказывал о впечатлении, которое он вынес из посещения совета Лиги. «Когда я явился туда, — рассказывает он, — меня встретило много людей очень любезно, рассказавших о своем деле откровенно, не делая секретов. Потом повели меня в помещение Лиги, в отделение брошюр, где указали мне на целый склад сочинений, которые были приготовлены к отправке в разные концы страны для пропаганды идей Лиги. Я увидел их канцелярию, в которой получалось в год 300 000 писем. Когда я увидел это громадное движение, возрастающее с каждым годом, я невольно вспомнил о своем бедном отечестве, подумав: “Что если бы у нас, в Берлине, собрались такие люди, задумав так энергично и так открыто нападать с такой талантливостью и смелостью на основные законы государства? Уже давно они стонали бы в темных казематах, вместо того чтобы работать при дневном свете свободно и смело над своим великим делом”».

Но вначале к затее Лиги относились очень скептически. Когда в начале 1839 года из Манчестера от Лиги явилась депутация в Лондон с петицией об отмене хлебных законов, то один из видных политических деятелей сказал депутатам: «Вы скорее низвергнете монархию, чем отмените хлебные законы — эту

твердыню Англии». В парламенте после пяти дней дебатов петиция была отвергнута, и из 541 членов английской палаты только 197 высказались в ее пользу.

Одним из главных средств Лиги для пропаганды ее идей были митинги, устраиваемые ею в различных концах страны, на которых говорили речи представители Лиги, разъясняя присутствующим значение хлебных законов и необходимость их отмены. Этими собраниями создавалось общественное течение, все более и более широкое и глубокое. Законы страны допускали такую форму движения; но противники Лиги старались разными придирками затруднить деятельность ее членов. Так, например, в одном городке Лауте, когда явился представитель Лиги, чтобы устроить митинг в думском помещении, мэр города не позволил его устроить, по мотивам личного свойства. В городе не нашлось какого-либо трактира, в котором можно было бы устроить собрание, так как трактирщики боялись городского головы. Таким образом, митинг мог состояться только на улице. Достали телегу, и она сослужила службу кафедры. Хотя митинг не могли запретить по законам Англии, однако же устроителю пришлось ответить за загромождение улицы и заплатить штраф в несколько фунтов. В Петерсфильде, маленьком местечке недалеко от родины Кобдена, страх и боязнь политических последствий были так сильны, что когда делегат Лиги вернулся с лекции, которую он читал на базарной площади, в гостиницу, то хозяин потребовал от него, чтобы он немедленно очистил свою комнату и уходил вон. В других местах на лигистов делали нападения, встречали

их оскорблениями и шумом на митингах заставляли их удаляться. Студенты Кембриджа произвели во время лекции беспорядок, сопровождавшийся кровопролитием. Газеты в благочестивых выражениях поздравляли «молодых людей, исполнивших свой долг, выказавших себя истинной опорой хорошего правительства и защитниками религиозных учреждений их страны». Трудны были первые шаги пропаганды против господствовавших предрассудков.

Пресса сначала не обращала внимания на усилия Лиги; но потом, когда в конце 1839 года влияние ее стало заметно, она отнеслась к ней по большей части враждебно: лигистов объявляли врагами нравственности, революционерами, говорили, что вся Лига состоит из плутов коммерческих и плутов политических. Газета «Морнинг пост», высмеивая стремления Лиги, писала: «Мануфактуристы кричат: “Почему мы не можем обменивать продукты нашей промышленности на наибольшее количество пищевых средств, которое мы можем за них получить?” Мы отвечаем: “Отчего нет? Кто вас удерживает? Убирайтесь вместе с вашей мануфактурой и обменивайте ее где хотите, от Тобольска до Тимбукту. Если вы хотите есть непременно иностранный хлеб, убирайтесь вон вместе с вашими произведениями, и дал бы Бог нам больше вас не видеть”». «Куортели ревю» объявлял Лигу самой бесстыдной и опасной шайкой новейших времен. «Таймс» называл Кобдена и Брайта и их друзей «безумными наемниками, летающими по всей стране». Такой просвещенный человек, как Грэхем, говорит в палате по поводу хлебных законов и рисует идилли-

ческую картину душистого, светлого утра, призывающего к труду работника, живущего в хорошеньком домике, крытом соломой и окруженном цветущим садиком и веселыми лугами. «И это хотят заменить, — восклицает он, — печальным звоном фабричного колокола и шумом городской улицы, куда неминуемо попадет сельское население с отменой хлебных законов».

Нелепость этих доводов и ложность картины сельского благополучия не чувствовались. Степень озлобления со стороны правительства по отношению к Лиге была такова, что Кобдена и лучшего его друга Брайта оно трактовало как людей, которые поднимали движение, будучи подкупленными и действующими не для общей, а для личной выгоды. Если, с одной стороны, консервативные журналы бросали тень на деятельность Кобдена, то, с другой стороны, интересно, что чартисты, добивавшиеся всеобщей подачи голосов, в реформе, которой добивалась Лига, видели организованный обман, направленный против рабочих со стороны капиталистов. Однако известно, что люди, принадлежавшие к Лиге, не были ни революционерами, ни обманщиками. Они были людьми умеренными и, как это часто бывает, служили предметом нападков как со стороны крайней правой, так и стороны крайней левой. Но нужно сказать, что энергия Лиги, несмотря на все препятствия, развивалась и достигала больших размеров. Я уже сказал, сколько было собрано за два года на собраниях в Манчестере.

Один из членов Лиги, по словам самого Кобдена, перебивал в двадцати тысячах домов, всюду раздавал брошюры, сея слова истины. Таких энергичных и

скромных тружеников в Лиге было немало. Нужно сказать, что главное руководство и поддержание энергии Лиги скоро стали принадлежать Кобдену. Если идея ассоциации, как системы нового движения, принадлежит не ему, то распространение ее посредством союза отдельных ассоциаций было его делом; также организация распространения брошюр, устройство митингов, воздействовавших на общественное мнение, принадлежат Кобдену.

По его же мысли было произведено расширение деятельности Лиги, с распространением ее на земледельческие округа. Когда миссионеры Лиги, побывавшие в Девоншире, сообщили совету между прочим о бедственном положении тамошних земледельческих рабочих, когда они рассказали о том, что рабочий получает там 7 шиллингов в неделю и что у него, за уплатой за квартиру и за расходом на хлеб, остается на всю семью только шесть пенсов в неделю на картофель, одежду и все прочие расходы, Кобден догадался, что успех пропаганды Лиги в земледельческих округах при таких условиях весьма возможен и оценил все значение такого успеха для дела. Он убедил своих товарищей направить усилия Лиги на земледельческое население. Победа там вырывала у земледельческой аристократии из рук главное ее оружие; она уничтожала аргумент, что хлебные законы полезны земледельцам и что против них кричат только мануфактуристы из своих эгоистических видов. Успех оправдал решение Кобдена. Очень скоро лекции и дебаты Лиги так заинтересовали земледельцев, что они стали стекаться на митинги ее толпами. Так как фер-

меры боялись своих господ, то они не смели показываться у себя дома на собраниях лигистов; но зато они отправлялись на них за 30—40 миль в такие местечки, где их не знали, чтобы там принять участие в обсуждении дела. Не на одном из таких собраний, даже вопреки влиянию могущественных хэндлордов, принимались резолюции, благоприятные лигистам, и каждое такое решение производило большее впечатление, чем несколько других таких же, постановленных горожанами и фабричными. Далее Кобден понял, что как ни важен Манчестер, как значительный промышленный центр, но его влияние не может идти в сравнение с Лондоном. Привлечь на свою сторону общественное мнение столицы — это значило получить большой выигрыш. Поэтому, по его совету, Лига решила открыть ряд лекций в столице. Эти собрания происходили в разных местах, главным образом, в театрах, как, например, в Опере и в Ковент-Гардене. Место собраний приходилось менять, так как иногда, под влиянием недоброжелателей Лиги, у нее под тем или иным предлогом отнимали занятое ею помещение; мало-помалу, однако, эти лекции овладели общественным интересом и получили огромное влияние на общественное мнение столицы не только в средних кругах, но и в аристократическом обществе. Лучшие ораторы Лиги: Фокс, Брайт, Томсон — фигурировали на этих митингах, но центральное место принадлежало Кобдену. Появление его имени на афише привлекало такую толпу, что театр наполнялся за несколько часов до начала митинга сверху донизу и масса жаждущих попасть на собрание оставалась на

улице. Появление Кобдена сопровождалось всегда громом рукоплесканий, говоривших красноречиво о симпатии, какой он стал пользоваться в массе публики.

Такое огромное влияние этого политического деятеля досталось ему вполне заслуженно. Редко встречаются деятели, так бесконечно преданные общественному делу, как Кобден. Еще в начале деятельности в Лиге его брат Фридрих, которому он поручил ведение своей ситцевой фабрики, указывал ему, что дело страдает от его отсутствия. Тогда он ему отвечал, что он и думать не смеет об оставлении корабля. Но тогда, положим, Кобден мог предполагать, что работа в Лиге скоро кончится победой ее идей и что он вернется к своему делу и поправит свое состояние, простиравшееся в начале его участия в Лиге до 900 тысяч рублей. Но потом дело изменилось, работа в Лиге затянулась, и его личные дела приходили все в худшее и худшее положение, и он знал это. Он не был из тех храбрых людей, которые в пылу боя не замечают опасности и действуют очертя голову. Нет, он был из числа тех храбрых людей, которых так ярко обрисовывает граф Лев Толстой в своих кавказских рассказах и которые, вполне понимая опасность и признаваясь, что они ее боятся, все же остаются твердо на своем посту. Этих людей граф Лев Толстой называет действительно храбрыми людьми. Таким был Кобден. Он сам говорил в начале 1844 года на митинге: «Если бы я мог предвидеть пять лет тому назад, что я незаметно и постепенно дойду до того положения, которое я занимаю теперь и которое я не могу покинуть ни одним честным путем, если бы я мог предвидеть, говорю я, все, чем

должен был пожертвовать этому делу, в смысле времени, денег и домашнего отдыха, то я думаю, что, несмотря на всю мою преданность ему, я не осмелился бы принять роль, которая мне выпала на долю, принимая во внимание мой долг по отношению к себе самому и мой долг по отношению к тем, кому природа дала священные права на мое существование». Искреннее признание, свидетельствующее о том, что он понимал тяжесть своего положения! Но он не мог оставить дела «ни одним честным путем» и еще два года с лишком после того оставался на своем посту.

Эта преданность делу чувствовалась его соратниками, а его огромная энергия увлекала их за ним и обеспечивала успех ему и делу. Его личная работа была велика; иногда по несколько раз в день приходилось ему говорить в собраниях и не при спокойной обстановке, а нередко и среди бушующих страстей враждебно настроенной аудитории. Рядом с этим приходилось изучать дело, собирать данные из огромной корреспонденции Лиги, чтобы почерпать оттуда и аргументы, и указания направления работы. С этой же целью он принимал в помещении Лиги множество миссионеров ее и выслушивал их сообщения. В 1844 году, 17 января он пишет жене из Дунди: «Я изнемогаю от усталости. Два собрания в Эбердиче в понедельник; во вторник мы поднялись в четыре часа и затем проехали 35 миль до Дунди, где в тот же вечер был митинг. Завтра едем в Куперфайф, послезавтра в Лейт и затем в Иедбург». В своей речи 13 мая 1843 года он говорил на митинге в оперном театре: «Сегодня я только в пять часов утра вышел из заседания парламента, где я при-

существовал при сцене... Как бы ее назвать?.. сцене, достойной диких животных Эфеса», — а вечером в тот же день он должен был говорить на митинге. Так было в течение всех семи лет деятельности в Лиге. Он сам объяснил свою огромную работоспособность тем, что после самых бурных дебатов, стоило ему только добраться до постели, как он засыпал мертвым сном. Может быть, эта способность была результатом его душевной доброты и хладнокровия. Его биограф говорит, что ни у кого не было так мало горечи в характере, как у Кобдена. После семи лет энергичной агитации, во время которой, как он говорит, единственное средство, которое им не было пущено в ход, это кулаки и насилие, он мог сказать справедливо, что он не думает, чтобы он создал хотя бы одного врага или задел чье-либо личное чувство. И действительно, у него не было личных врагов. Даже те люди, которые в пылу страсти оскорбляли его, не вызывали вражды с его стороны, и все чувствовали, что его добродушие недоступно для чувства злобы. Это чувствовалось и примиряло с теми нападениями, которые он делал во имя защищаемой идеи.

Его преданность делу была равна его смелости. Он не боялся являться среди враждебно настроенной толпы даже тогда, когда его пугали личной опасностью. Так, в Эксбридже фермеры решили устроить митинг, с целью посрамления лигистов, и пригласили Кобдена говорить на нем; они озаботились о том, чтобы на собрании были только их сторонники, и тщательно роздали билеты на вход. Вперед возвещали поражение «пророка Лиги». Кобден принял приглашение. Четыре оратора покровительственной системы

были выставлены против него. Пять часов длился диспут, и в конце концов собрание почувствовало, что нет аргументов против оратора Лиги, и подавляющим большинством вотировало немедленную отмену хлебных законов. В Бедфорде у Кобдена не было ни друзей, ни знакомых, а население было настроено против Лиги. Он возвестил только о своем желании говорить в городе на митинге и отправился туда один-одинешенек. Протекционисты созвали фермеров и убеждали их протестовать против сторонников свободы торговли. Нельзя было найти залы достаточно обширной, и митинг собрался на поле. Приготовили три повозки вместо кафедр; ими овладели протекционисты. Кобден подождал, чтобы ему привезли четвертую. Лорд Чарльз Рассел, столп протекционизма, председательствовал на митинге. Прения продолжались с трех часов дня до девяти часов вечера, несмотря на несколько ливней. Сначала аргументы Кобдена слушали с видимым нетерпением, но мало-помалу он воодушевился, и присутствовавшие стали чувствовать силу его доводов. В конце концов председатель должен был признать, против своей воли, что большинство собрания высказалось в пользу свободы торговли.

Тут мы видим не только смелость, но и силу убеждать людей. В этой убедительности был главный рычаг красноречия Кобдена. Кто только слышал его речи, говорит Морли, все отвечали на вопрос: «В чем была его сила?» В убедительности и в ясности доводов. Ему приходилось постоянно почти говорить с людьми, стоявшими неизмеримо ниже его в умственном отношении, и он всегда умел снизить до их по-

нимания и изложить предмет с такой ясностью, что речь его становилась понятной даже ребенку. И однако его красноречие никогда не спускается до тривиальности и сохраняет хороший стиль. Морли говорит по поводу последнего, что Кобден служил лучшим аргументом, который можно выставить против фанатиков латыни и греческого языка. Эти последние любят утверждать, что только классические занятия могут создать хороший стиль. Было бы более справедливо сказать, что наше классическое воспитание есть наиболее действительное средство, чтобы остановить развитие великого писателя или великого оратора. Качества, необходимые для того, чтобы хорошо писать или хорошо говорить, заключаются в известной свободе и вольности языка, как равно и в большей внимательности к предметам, а не к словам. Это как раз такие тенденции, которые наш способ преподавать латинский и греческий языки подавляет и парализует во всех тех, у кого литературная способность ненепреодолима.

Не останавливаясь на этом вопросе, скажем, что если Кобден был чужд в своем красноречии правильности классических периодов, то он был неисчерпаемо богат в выражениях, которые точно соответствовали данному предмету, понятию и настроению. В качестве агитатора он не должен был бояться повторять одну и ту же мысль пред своими слушателями или, как говорил его друг Брайт, повторять в течение семи лет рассуждение о том, лучше ли человеку иметь целый хлеб или только половину хлеба. Но он должен был бояться наскучить своим рассуждением в его однооб-

разии. Читая речи Кобдена, мы видим, что каждый раз, хотя он говорит о том же предмете, он умеет найти новые и новые аргументы для выяснения той же мысли и привести каждый раз новый и не менее остроумный пример для ее иллюстрации. Так, например, сколько раз ему приходилось, нападая на протекционизм, говорить о пошлине, которая взималась с сахара в английских колониях в размере вдвое меньшем, чем с сахара иностранного. Эта разница мотивировалась тем, что в иностранных государствах, производящих сахар, он выделяется трудом невольников, поэтому допускать его — значит поощрять рабство, что грешно. Говоря об этом аргументе в одной речи в Лондоне в октябре 1843 года, Кобден придумывает такой пример. «Его Превосходительство, посланник Бразилии, является к нашему министру торговли и допущен со всей вежливостью, подобающей его сану. Он предъявляет свои верительные грамоты и заявляет, что прислан, чтобы заключить торговый договор. Я как сейчас вижу, министр принимает сразу сосредоточенный, торжественный и благочестивый вид¹ и говорит: «Вы из Бразилии, мы были бы очень рады вступить в обмен с вами; но, по совести, мы не можем получать рабских продуктов». Его Превосходительство знает дела. В таком случае, говорит он, мы посмотрим, нельзя ли платить вам чем-либо другим. «Что вы можете нам продавать?» — «Бумажные

¹ Он имел в виду Гладстона, отличавшегося благочестием, и даже изобразил его мимику.

ткани; мы в этом отношении самые большие поставщики мира». — «Хлопчатую бумагу! — восклицает посланник. — А откуда вы ее получаете?» — «Из Соединенных Штатов». — «Она производится свободными людьми или рабами?» — «Я предоставляю вам, — продолжает Кобден, — вообразить себе ответ и положение нашего председателя министерства торговли». (В это время в публике среди аплодисментов происходит замешательство, ибо одна скамья провалилась). «Не пугайтесь, — говорит Кобден, — это предзнаменование и символ падения монополистов». Общий смех встречает это удачное замечание. Оратор продолжает: «Есть ли кто-либо между вами, чье гуманное чувство и симпатии затронуты этими декларациями о рабском сахаре? Знаете ли вы закон на этот счет? Мы посылаем наши фабрикаты, например, в ту же Бразилию и обмениваем их там на рабский сахар. Этот сахар мы рафинируем в наших таможенных складах, т.е. в таком месте, где только одни англичане не могут покупать его. Оттуда теми самыми купцами, которые разглагольствуют про рабский сахар, он посылается в Россию, в Китай, в Турцию, в Египет, словом, на все четыре стороны света. Он распределяется между пятью миллионами людей, и только вы одни не смеете к нему прикасаться, а почему? Потому что вы не то, что другие люди: вы рабы вашей олигархии. О, лицемеры! Лицемеры!»

В другой раз, говоря в том же месяце снова о пошлине на сахар и обращаясь к торговцам Лондона, Кобден сказал: «А вы, лавочники, ремесленники, рабочие и булочники Лондона. Что на вашу долю приходится

от этой монополии? Монополия — это таинственное лицо, которое садится вместе с вашей семьей за чайный стол, и когда вы кладете кусочек сахара в чашку, оно мигом забирает другой из сахарницы, но когда ваша жена и дети протестуют и требуют этот кусок, который они заработали и считают своим, эта мошенница монополия им говорит: “Я беру его, чтоб оказать вам покровительство”».

В третий раз, говоря о том же самом предмете в Лондоне и рассуждая о боязни «рабского» сахара, он приводит такой аргумент: «Разве есть что-нибудь в области морали, похожее на то, что мы видим в мире физическом, так что можно было бы заключить, что один предмет хороший проводник нравственности, а другие плохие? Например, кофе это не проводник безнравственности рабства, а сахар — хороший проводник, а потому его есть не следует. Я встречал таких филантропов без логики, и они призывали меня лично отвечать на их возражения против рабского сахара. Я помню, что мне раз пришлось рассуждать на эту тему с одним добродушным джентльменом, на котором был великолепный белый муслиновый галстук. «Ни полслова не прибавляйте, — воскликнул я, — не сорвав предварительно с вашей шеи этот галстук». Он мне сказал, что это неудобно. «Я настаиваю, — возразил я, — это удобно, ибо я знаю одного джентльмена, который отказывает себе в бумажных чулках, даже летом, и который не надел бы платья, сшитого бумажными нитками, если бы он это знал. Но, прибавил я, если для вас, стоящего передо мной с рабским продуктом, обернутым вокруг вашей шеи, неудобно

обойтись без этого продукта, то удобно ли обойтись без подобного продукта всему английскому народу?»

По этим речам можно было бы составить себе одностороннее представление об ораторском таланте Кобдена. Он не только увлекал своих слушателей силой логики и убедительности, но и развлекал их остроумием и шуткой. В одной и той же речи он часто переходит от делового тона к сарказму и шутке и от последних — к высокому пафосу; то он увлекает слушателей широтой горизонта деятельности Лиги и высотой ее цели; то он трогает аудиторию до слез картинами человеческих страданий, обусловленных несправедливостью. Так, в речи в Манчестере он указывает, что цель агитации касается всего человечества, «так как вы не можете восторжествовать, — говорил он, — в этой борьбе без того, чтобы результаты вашей победы не отозвались во всех концах земного шара. Осуществление вашего учения коснется не только интересов промышленных и торговых классов, но отзовется на материальных и нравственных интересах человечества на всем земном шаре».

Когда ему пришлось говорить о проекте обязательной эмиграции бедных людей, который выставили лица, старавшиеся уверить и себя и других в том, что бедность в Англии происходит не от общественной организации и, в частности, от хлебных законов и вообще покровительственной системы, а от слишком большого роста населения, он сначала в насмешливом тоне изобразил Роберта Пиля, видящего невозможность осуществления такого дела и не желающего раздражать отказом людей своей партии, а потом пере-

шел к доказательству того, что уж если устраивать эмиграцию в Канаду, то надо устроить ее так, чтобы в колонии были все классы делового мира и в том числе послать туда лондонских банкиров. После хохота, вызванного идеей, что лондонских банкиров пошлют в Канаду для исполнения их банкирских обязанностей, он переводит внимание своих слушателей на страдания, связанные с расставанием с родиной, и рисует потрясающую картину. Те, кто подал петицию, подумали ли они серьезно о том, что они затевают? Человеку, говорят, из всех существ труднее всего расстаться со своей родиной. Оторвать его от его страны так же трудно, как вырвать дуб с корнем.

«Подписавшие петицию, были ли они когда-нибудь на доке св. Екатерины в тот момент, когда эмигрантский корабль готовился отправиться в свой печальный путь? Видали ли они, как эмигранты в последний раз садятся на плиты набережной, как будто для того, чтобы в последнюю минуту уцепиться за эту землю, на которой они увидели впервые Божий свет? Видели ли вы их лица, а если видели, то вам не надо было спрашивать о волнующих их чувствах, так как их сердце отражается на их лицах. Видали ли вы их прощание с друзьями? Если вы видали, то вы не говорили бы легким сердцем о подневольной эмиграции. Что касается меня, я был не раз свидетелем этих раздирающих душу сцен. Я видел почтенных женщин, говоривших своим детям последнее прощание. Я видел мать и деда, оспаривавших друг у друга последнее объятие их сына и внука. Я видел эти эмигрантские корабли отчаливающими от набережной Мерси

в Соединенные Штаты, когда взоры всех сильных, собравшихся на корме, устремлены к любимому берегу, потерянному навсегда; и последний предмет, который поражал их взор в те минуты, когда родная земля погружалась во мглу, это были хлебные склады, эти гордые зернохранилища, где под караулом — я бы сказал королевы, — но нет, под караулом аристократии сложены горами предметы пищи, привезенной из Америки, единственные предметы, которые эти печальные изгнанники отправились искать за море. Я не имею обыкновения выражать свое чувство; меня считают человеком положительным, человеком действия и фактов, чуждым игре воображения. Я рассказываю то, что видел. Я видел человеческие страдания, и я их чувствовал». После эти слов вся зала разразилась криками негодования.

Нередко так бывало во время речей Кобдена. Эта речь 13 мая 1843 года, из которой мы взяли выдержку, интересна в двух отношениях: во-первых, ее произносил человек, который в этот день только в пять часов утра вернулся из заседания парламента, и тем не менее в его речи не чувствуется утомления; во-вторых, в ней ярко сказывается особенность таланта Кобдена: он импровизатор. В начале речи он как будто сам не знает, о чем говорит, повторяется и заминается, но потом, воодушевляясь, становится все сильнее в своем слове; речь его льется быстро и резко, логика и находчивость поражают и увлекают слушателей, а юмор вызывает их смех, так что вся зала то смеется, то рукоплещет, то раздражается бурными возгласами, то, наконец, превращается во внимание, и

слышны только иногда замечания: «Слушайте, слушайте!»

И кто бы поверил, что такой первоклассный оратор начал свое ораторское поприще самым жалким образом? А между тем это факт. Когда Кобден произносил свою первую речь в Манчестере в 1835 году, он так был сконфужен, что не мог довести свою речь до конца, и председатель должен был извиниться за молодого оратора.

Кобден в 1841 году был выбран в члены парламента. И там он сохранил основные черты своего отношения к людям. Его первая речь в парламенте произвела хорошее впечатление своей простотой и ясностью и тем, что он не занимался словами, а предметами, и объявил, что он считает вопрос о хлебных законах стоящим вне партии. Чем далее, тем его влияние на членов палаты и на первого министра становилось сильнее. Убедительность доводов Кобдена производила на Роберта Пиля сильное впечатление. Хотя между ними и произошло раз, вследствие недоразумения, личное столкновение, но никогда Кобден не нападал на него и только настаивал на необходимости отмены хлебных законов, которые Пиль, как и многие другие, считал краеугольным камнем английского государственного хозяйства. Но он, видимо, поддавался влиянию народного трибуна. Характерным эпизодом в этом отношении служит речь Кобдена в парламенте 11 марта 1845 года, в которой он со всех сторон разбирал вопрос о хлебных законах. Он готовился к ней с большим волнением. Он писал своей жене: «Я очень волнуюсь по поводу моей речи к четвергу. Вы найдете

это странным для такого старого демагога, как я, если я вам скажу, что я в таком же волнении, как молодая девушка накануне свадьбы. Причина этого, как я предполагаю, в том, что от меня многого ожидают, и я боюсь причинить разочарование другим, а себе сделать прочет. Я просил Латимера провести со мной вечер, чтобы изложить мне во всей полноте точку зрения, на которую становятся друзья фермеров». Один из друзей встретил Кобдена в день речи в коридоре парламента бледного, нервного и уверенного, что он станет на середине речи. Но это была лучшая из его речей. Вначале Пиль собирался отвечать Кобдену и с этой целью делал заметки; но, по мере развития аргументов оратора, лицо его становилось все серьезнее и задумчивее, и, наконец, он отложил в сторону бумажки и карандаш и, обратившись к своему товарищу по министерству Сиднею Герберту, сказал: «Отвечайте вы, если можете, а я не могу».

Сам Кобден высказал раз на митинге летом 1845 года догадку, что Пиль, в сущности, убедился в невозможности удержать хлебные законы и что он только ждет повода к их уничтожению.

Но не таково было его мнение еще год тому назад. На митинге 4 июня 1844 года он говорил: «Очевидно, что наши усилия в деле свободной торговли должны длиться долее, чем мы полагали... только время может совершить реформу. Ее нельзя взять приступом, как мы ошибочно думали». В догадке своей относительно настроения Пила в 1845 году Кобден не ошибался. Он действительно понимал невозможность сохранить хлебные законы и ждал только повода, когда эта не-

возможность обнаружится. Таким поводом явился неурожай 1845 года, сказавшийся с наступлением осени. Лето было дождливое, на картофеле появилась болезнь, от которой он пропал, хлеб попортился, цены быстро пошли в гору. В Ирландии урожай пропал целиком, и нужда народная была страшно велика. Все эти обстоятельства сильнее возбудили внимание общества к хлебным законам, и голос Лиги стал раздаваться громче. Ее вожаки поняли благоприятность момента и удесятирили свои усилия для агитации. Мы упоминали выше, что в это время члены Лиги собрали между собой 250 000 фунтов стерлингов для целей усиленной агитации. Виги тоже поняли значение момента в их партийной борьбе с теориями, и их вожак Джон Рассел стал решительно на сторону отмены хлебных законов.

В ноябре месяце он опубликовал письмо к своим избирателям, в котором он решительно высказался за необходимость немедленной отмены законов. Это письмо показало Роберту Пилю, что наступил момент сделать решительный шаг. Увидев, что он не может выступить с этой мерой от имени тори, он вышел в отставку. Королева поручила Джону Расселу составить министерство; но он убедился в невозможности исполнить эту миссию, не заручившись поддержкой тори, и отказался. Королева предложила Роберту Пилю вновь составить министерство. Приняв это поручение, он проводит отмену хлебных законов вместе с Кобденом и его сторонниками, а также при содействии вигов.

Ричард Кобден принимал горячее участие в прениях по вопросу об отмене хлебных законов и, между

прочим, трактуя его с разных точек зрения, затронул вопрос о значении английской аристократии. В одной из своих речей, обращаясь к членам парламента, он говорит: «Английский народ видит в аристократии и дворянстве страны вождей своих. Я вам не свой, но я не колеблюсь сказать, что в нашей стране есть в вашу пользу предубеждение, глубоко укоренившееся и переходящее от отца к сыну. Не борьбой с духом времени вы приобрели его и не тем его сохраните. Если вы останетесь равнодушны к новым средствам употребить с пользой людей, населяющих ваши земли, если вы будете препятствовать успехам, которым суждено теснее связать народы мирными узами торгового обмена, если вы будете бороться с открытиями, которые, можно сказать, одушевляют вещество, если вы будете останавливать преобразования, предназначенные судьбой, тогда вы перестанете быть дворянством Англии, другие займут ваше место. Я предупреждаю вас, вы в опасном положении. В обществе заронилось подозрение, что в настоящем случае воспользовались добрым расположением и прямодушным доверием ваших избирателей и не оправдали их надежды на вас. Вам предстоит случай доказать, что вы не исключительно политики. Политики восстанут против моего предложения; они не хотят следствия, но вы последуете за мной в комитет. Там я берусь привлечь к вам большинство членов вашей партии. Я прошу вас только добросовестно разыскать причины бедствий нашего населения. Что бы ни было, мои или ваши убеждения возьмут верх, следствие во всяком случае принесет важные и благотворные результаты».

В конце 1845 и в начале 1846 года мы видим господствующий на общем фоне всех течений жизни вопрос об отмене хлебных законов; к ускорению решения его направил свои усилия Ричард Кобден со своими сторонниками, начав ряд интересных митингов, кончавшихся резолюциями в пользу отмены хлебных законов.

Кобден, обыкновенно очень сдержанный, не отступал от делового тона; но в некоторых заседаниях он позволял себе уйти в более широкую сферу философских обобщений, и тогда его аргументы оцвечивались волновавшим его чувством.

Такова была речь его в ночном заседании 16 февраля, когда он показал членам палаты свое понимание возвышенного значения текущих прений. В этой речи он между прочим говорил: «Эта ночь решит между движением вперед, к свободе торговли, и возвращением к запретительной системе. В эту ночь вы изберете девиз, который обозначит торговую политику Англии: «вперед» или «назад». Которое же из этих слов удобнее применить к великому государству? Сообразитесь с нашим положением, с преимуществами, дарованными нам Богом и природой, с нашими судьбами в будущем. Мы стоим на окраине Западной Европы, как главное звено, соединяющее Старый Свет с Новым. Благодаря открытиям науки и усовершенствованиям мореплавания, мы теперь в десяти днях пути от Петербурга и скоро будем в десяти днях от Нью-Йорка. Протяжение наших берегов в соразмерности с нашим населением и с поверхностью страны нашей несравненно больше приморья всех других го-

сударств, и это обстоятельство упрочило нашу силу и наше преобладание на море».

«Железо и уголь, эти главные деятели промышленности, предоставляют нашим фабрикам значительные преимущества перед фабриками наших соперников. У нас более денег, чем у них. Мы не уступим никому в изобретениях, в искусстве и энергии. Наш национальный характер, наши свободные учреждения, наша свобода мыслей и действий, книгопечатание нестесненное, быстро распространяющее открытия и успехи, все эти обстоятельства ставят нас во главе наций, способствующих взаимному развитию свободной торговли. Должно ли государство наше опасаться состязания? Разве стране нашей суждено процветать не иначе, как в искусственной атмосфере запретительных мер? Выбирайте девиз свой: «вперед» или «назад»... Советую вам подать другим странам пример бескорыстия. Последуйте моему совету, и вы дадите большинству населения новые гарантии довольства и благосостояния. Поступите так, и вы сделаете все, что может сделать человеческая мудрость для успехов торговли. Вы можете встретить неудачи. Ваши меры могут оказаться недействительными. Они не могут вас заверить, что процветание промышленности и торговли не прервется. Неурожай, неблагоприятные зимы, времена бедствий могут возвратиться; может быть, вам снова придется успокаивать народ бесполезными уверениями в вашем сочувствии и увещаниями сносить терпеливо свою участь. Спросите сердца ваши и отвечайте мне на такой вопрос: менее ли будут утешительны ваши уве-

рения в сочувствии и наши увещания к терпению, если в то время хлебные законы не будут уже существовать? Не утешительно ли будет для вас самих подумать, что вы добровольно сложили с себя ответственность за установление цен на народное продовольствие? Не скажете ли вы себе тогда с отрадным чувством, что ныне, в это время относительного благосостояния, уступая не ропоту, не страху, а только тому предусмотрительному опасению, которое служит залогом безопасности, вы предупредили злые дни и еще задолго до их наступления устранили препятствия к свободному обращению даров Всевышнего?»

Вольный или невольный восторг овладел всеми: радикалы предались ему с увлечением. «Почтенный баронет, — воскликнул Брайт, — произнес речь более сильную и более достойную удивления, чем все речи, которые за человеческую память были произнесены в этом собрании. Я наблюдал за ним, когда он выходил из палаты, и впервые завидовал его чувствам».

После длинных и жарких прений отмена хлебных законов была принята нижней палатой большинством 98 голосов. 18 мая билль перешел в палату лордов. Шансов на принятие билля там было меньше ввиду состава палаты. 53 лорда участвовали в прениях менее страстных, чем в нижней палате, но не менее настойчивых. Веллингтон, защищая законопроект, указал, что в случае, если он будет отвергнут, королева распустит парламент и назначит новые выборы, а потому советовал лучше теперь же принять билль. Лорды последовали совету и приняли его большинством 47 голосов. Никогда не думал Кобден, что земельная

аристократия, так мало симпатизировавшая народному движению, так легко склонится пред последним, — но общественное движение, возбужденное Лигой, было так сильно, что внушило страх аристократии перед перспективой борьбы. Таким образом кончилось это дело, которое и признано делом Лиги; дальнейшая судьба и значение этой реформы определили значение личности Кобдена в истории Англии и в истории Европы.

Месяц спустя, как была принята отмена хлебных законов, Роберт Пиль вышел в отставку, потерпев поражение на предложении исключительных мер против ирландцев. Оставляя свой пост, он обратился к парламенту с прощальной речью, в которой сделал обзор совершенных реформ. Говоря о хлебных законах, он сказал: «Что бы ни думали об опасности, которой нам угрожал недород одного из главных предметов продовольствия, я могу по праву сказать, что, предлагая меры торговой политики, которые лишили правительство доверия многих почтенных людей, среди которых оно встречало постоянно поддержку, правительство ее величества не было руководимо никаким иным мотивом, кроме заботы об интересах страны. Мы желали ее избавить от опасностей, которые мы считали неминуемыми, и положить конец столкновению, которое, по нашему убеждению, повело бы скоро к борьбе между великим и могущественными классами нашего общества. Желание сохранить власть не входило ничуть в наши предложения; мы знали, что, встретит ли их успех или неудача, верным последствием их будет падение кабинета. Может быть, в выгодах общественного интереса таков и дол-

жен быть исход. Естественно, что многие из наших друзей лишили нас своего доверия. Когда министры предлагают меры, по-видимому, противные тем принципам, которые они до сих пор поддерживали, может быть и хорошо для блага страны и для чести общественных деятелей, чтобы такое поведение навлекло на них соответствующее наказание, потерю власти. Поэтому я не жалуясь вовсе. Лучше лишиться власти, чем сохранить ее без полной уверенности в доверии палаты.

Я сказал когда-то, что, предлагая наши меры торговой политики, я вовсе не желал умалять заслугу тех, кому она принадлежит. Я скажу за почтенных членов палаты, сидящих против меня, а также за себя и за моих друзей, что ни им, ни нам не принадлежит честь этого дела. Партии, обыкновенно противоположные, соединились, и это единение и влияние правительства повели к успеху наших мер. Но имя, которое стоит и будет стоять во главе этого успеха, это не имя благородного лорда, руководящего партией, содействием которой мы воспользовались, и это не мое имя; это имя человека, который по мотивам, как я уверен, совершенно чистым и с неутомимой энергией призывал к разуму всех нас и заставил нас себя слушать своим красноречием, тем более удивительным, что оно чуждо всякой претензии и приукрашивания: это имя Ричарда Кобдена. Я кончаю на этом мои замечания, с которыми мой долг повелевал мне обратиться к палате... По всей вероятности, через несколько часов власть, которую я держал, перейдет в другие руки, без жалобы и без сожаления с моей стороны, с воспоминанием гораздо более живым о доверии и поддержке, кото-

рыми я пользовался столько лет, чем об оппозиции, которую я встретил недавно. Покидая власть, я боюсь, что я оставляю имя, сильно порицаемое многими людьми, которые без всякого личного интереса, единственно в виду общественного блага, горько оплакивают разрушение партийных уз... я оставляю имя, ненавидимое монополистами, которые по мотивам менее почтенным взывают о покровительстве, которым они пользовались. Может быть, я оставлю имя, которое будет иногда произносимо с чувством благоволения в жилищах тех, кто в поте лица своего добывает хлеб свой; они вспомнят обо мне, когда будут восстанавливать свои силы пищей обильной и свободной от налога и тем более приятной, что никакое чувство несправедливости не будет примешивать к ней своей горечи».

Эта речь первого министра, политического противника Ричарда Кобдена, не только констатирует, что главная роль в этом деле принадлежит ему, но раскрывает и благородство характера самого Роберта Пиля.

Что же случилось с самим борцом против хлебных законов? В то время, когда он вступил в дело Лиги, он думал, что ему придется затратить года два-три, что борьба будет недолго продолжаться. Свое промышленное дело он оставил на своего брата Фридриха.

А дело его было большое. Он обладал капиталом в 80 000 фунтов стерлингов, имел кредит в 25 000 фунтов стерлингов, обладал значительной ситцевой фабрикой. В его отсутствие дело начало приходить в упадок, и брат, так как он не обладал достаточными качествами для ведения этого дела, звал его, как мы упоминали выше, возвратиться. Кобден отказывался

вернуться к своему делу и мотивировал отказ невозможностью оставить общее дело.

В 1846 году, когда борьба с хлебными законами была закончена, финал борьбы был в то же время моментом его окончательного разорения. Но то общество, которое сочувствовало ему и встречало его всегда со знаками энтузиазма и глубокого уважения, те люди, которые все, как один человек, вставали при его появлении, в это тяжелое для него время не оставили его и решили поддержать. В пользу его открылась подписка среди его друзей и соратников, давшая 80 000 фунтов стерлингов, которые были ему поднесены, как награда, мотивированная тем, что деньги эти служат вознаграждением за те усилия, которые он употребил, чтобы вести общее движение, и возмещением сознательно понесенных им потерь. Трудно было принять Кобдену эти деньги, но он принял их, оправдывая себя в своих глазах тем, что у него есть обязанности по отношению к семье, которую он забросил ради общественного блага.

«Мне неприятно получить деньги, — пишет он своему другу Комбу, — в награду за услугу, оказанную нации, и я чувствую, что мое нравственное влияние будет уменьшено тем фактом, что я принял приношение от публики. Я бы предпочел от него отказаться или же сделать из него какое-нибудь хорошее употребление, например, основать училище, но как честный человек, как отец и муж, я не могу отказаться от этих денег. Вы, может быть, будете удивлены, когда я вам скажу, что я разделил участь всех тех, которые были вожаками революций или же двигателями великих ре-

форм, и что я пожертвовал делу всем моим состоянием. Одним словом, в конце агитации я был разорен. Я не буду входить в подробности, которые вызывают тягостные воспоминания, но в то время как герцог Ричмонд попрекал меня большими барышами, которые я будто бы получал в Манчестере, я терял то, что у меня было. Я не боюсь признаться вам, что физическое здоровье и мой душевный мир страдали больше от моего личного беспокойства в течение последних двух лет, чем от моих усилий на общее дело. Будучи одарен сильным семейным чувством, большим чувством порядка, я особенно страдал от безнравственности, заключающейся в том, что я рисковал, хотя бы и для общего счастья, счастьем тех, которые имеют на меня преимущественное право. Я бы желал, чтобы вы знали факты, так как из всех людей вы тот, которого я желал бы поставить в возможность судить правильно мотивы, заставляющие меня действовать, по-видимому, противоположно чувствам бескорыстия и чистоте наших намерений».

Но не только этой потерей денег отделался Ричард Кобден; в этой борьбе он потерял здоровье: общественная деятельность, расшатав его нервы, вызвала у него глухоту и охриплость голоса, оставшиеся на всю жизнь. Его нервная система была расшатана; но это скрашивалось чувством удовлетворения, тем, что в душе его раздавались звуки торжества одержанной победы. Он поехал на юг Европы и в Алжир. Состояние здоровья его несколько поправилось. Вскоре после того для него и его друга Брайта наступили тяжелые времена, в которых высказалась вся душевная

сила этих людей. Я не раз упоминал в деятельности Лиги имя Брайта. Я говорил, что это ближайший друг Кобдена. Небезынтересны обстоятельства, при которых они сблизились. Сначала они были просто знакомы и вместе работали. Но вот Брайта постигло несчастье, у него умерла жена. Кобден пришел навестить и утешить его. Придя к нему, он обратился к нему с такими словами: «Ваша печаль неизмерима — это верно. Но вспомните, какая масса есть несчастных семейств, в которых матери видели смерть своих детей от недостатка питания, семейств, в которых царит вечная нужда, и может быть, память о той, которая лежит там внизу, заставит вас прийти на помощь и отдать все свои силы на служение народу, участь которого мы можем облегчить своей борьбой». Брайт был тронут этими словами, и с тех пор они жили не только как друзья, а как родные братья.

Наступил период Крымской войны — тяжелые дни для Кобдена и Брайта вдвойне: война противоречила их убеждениям. Они были убежденными сторонниками мира, высказывали это много раз в своих памфлетах, говоря, например, что небольшая потеря будет в том, что Константинополь и Балканский полуостров отойдут к России и что ведь лучше, если правление, которое существует там, будет заменено лучшим. Кобден высказывает желание, чтобы Россия развивалась в культурном отношении и чтобы в этой стране тоже водворилась политическая свобода. С этой точки зрения он действовал против правительства и общественного мнения, враждебного России; он не только мечтал лишь об общем благе, он говорил

теперь об этом открыто, как и тогда, когда он боролся против хлебных законов, и против него восстало теперь общественное мнение, представителем которого, как выражением народного негодования, явилась пресса. Половина газет называла Брайта и его «врагами отечества и изменниками» и выражала сожаление, что с ними нельзя расправиться, как с таковыми. И это обвинение повторялось чуть ли не ежедневно. Люди, привыкшие действовать через посредство общества, видели не только то, что оно их оставило; оно слепо, враждебно к ним относится. Изображение Брайта было сожжено толпой. Кобден на одной сходке своих избирателей был свидетелем принятия резолюции, направленной против него. Но Кобден и Брайт не падали духом под тяжестью общественного негодования и выступали с речами против войны, не пугаясь криков толпы, настроенной враждебно. Это время было для Кобдена тяжелым еще и по другой причине.

К его тяжелому душевному состоянию примешалось еще и семейное горе. В то время, когда он однажды утром сошел вниз, когда у него был в гостях полковник К. Фицмайер, вернувшийся из Крыма и ожидавший его в столовой, — он получил письмо, из которого узнал о смерти своего пятнадцатилетнего сына, учившегося недалеко от Гейдельберга — в Вейнгаме, которого еще недавние вести изображали как наиболее здорового и сильного из учеников школы. Первым движением Кобдена было ехать к жене. Он решил приготовить ее постепенно к страшному известию; но он не в силах был это сделать. Он

застал ее в кругу семьи, весело читающей длинное письмо погибшего юноши, писанное за несколько дней перед тем, когда он еще был совершенно здоров. Лишь только она увидела лицо мужа, искаженное горем, как, еще ничего не зная, поняла все, и у нее вырвался крик ужаса. Он не мог не сказать всего. При этом ее поразила столбняк, продолжавшийся несколько недель, в течение которых она была неподвижна, как мраморная статуя. В несколько часов она совершенно поседела. Когда она стала проявлять кое-какие признаки жизни, приходилось употреблять все старания, чтобы поддерживать это едва теплящееся существование, и у постели своей жены Ричард Кобден оставался очень долго; и эти месяцы, проведенные в душевной муке, оставили след у них обоих на всю жизнь. Несколько времени спустя, когда Ричарда Кобдена звали на общественную деятельность, он отказывался, объясняя свой отказ невозможностью оставить жену без своего ласкового ухода.

Он говорит в письме к одному из друзей: «Она не героиня, но ее горе так ужасно, что оно подвергло бы жестокому испытанию энергию самого сильного характера ее пола. Я уверен, что те, кто не относится к ней с достаточным терпением и участием в ее печали, не понимают того, что она перенесла. Она нуждается в снисхождении и нежном уходе, как ребенок. Это правда, как говорит Брайт (у которого самое нежное сердце, какое я знаю), что мы только весьма мало понимаем глубину страдания матери в таком положении... С тех пор, как поразила нас этот ужасный удар, я решил подчинить все другие свои обязанности (даже

до оставления, если это нужно, места в парламенте) заботе об облегчении ее страдания. Ни одно человеческое существо, кроме меня, не может ей принести облегчение. Я сомневаюсь, чтобы с сегодняшнего дня в течение шести месяцев я мог бы оставить ее хотя бы на сутки».

Через несколько лет обстановка меняется. Прекратилась война, и начинаются другие отношения. Министерство пало, и Пальмерстону было поручено составить новое; он пригласил Кобдена на пост министра торговли (1859 год). Во время перемены министерства Кобден был на пути из Америки в Европу. Многие друзья его собрались в Ливерпуле, чтобы встретить его и уговорить принять предлагаемый пост. Но он решительно отказался, по мотивам нравственного свойства. Он писал 30 июня 1859 года своей жене по этому поводу: «Мне в самом деле кажется, что все с ума сошли, ибо при том мнении, которое я нередко в течение 12 лет высказывал о политике Пальмерстона и которое я не изменил, я бы потерял, войдя в его министерство, уважение к себе и уважение тех, которые теперь, в минуту возбуждения, заставляют меня принять предложение министра. Давление, которое они на меня оказывают, так сильно, что если бы лорд Грэнвиль или даже лорд Рассел стояли во главе министерства, я бы вынужден был, помимо моей воли, стать «достопочтенным» (right honourable²). Я отправлюсь к Пальмерстону и объясню ему откровенно причину моего отказа». Действительно, он отправился к Пальмерстону, и между

² Обычное титулование министра в Англии.

ними произошел интересный диалог: «В течение 12-ти лет я систематическим образом нападаю на вашу иностранную политику; я считал вас воинственным, задорным, вечно ссорящимся; я думал, что ваши принципы нас вовлекут в войну с другими нациями. Я выражал в то же самое время мое недоверие к тому направлению, которое вы дали бы и внутренним делам. Может быть, я ошибался, но я вас спрашиваю искренно, могу ли я выразить перемену моего мнения о вашей политике, будучи в вашем кабинете, в котором я буду занимать почетный пост и получать большое жалованье, которым я буду обязан вам». Пальмерстон настаивал, указывая ему, что, находясь среди министров, он может влиять и на иностранную политику, и что, если он хочет иметь влияние на нее, он должен принять его предложение. Видя, что Кобден остается тверд в своем решении, он спросил его, смеясь: «Зачем вы вступали в парламент?» — «Я сказал, что, право, я этого не знаю». Пальмерстон: «Но зачем вы вступили в общественную жизнь?» — «Едва ли я и это знаю, — ответил Кобден. — Случайно, для специального дела, и может быть, лучше было бы для меня и моей семьи, если бы я остался прежним, незаметным человеком». Пальмерстон и его товарищи были удивлены отказом Кобдена, так как он отказывался не только от власти, но и от значительного дохода, связанного с положением министра. Но Кобден оставался тверд в своем решении. Он думал, что он еще может быть полезным своей стране, оставаясь простым членом парламента, и это вскоре оправдалось.

Когда он в том же году поехал во Францию, он виделся перед этим с Гладстоном, и последний воз-

ложил на него неофициальное поручение от имени министерства и уполномочил, если он найдет возможным, склонить Луи-Наполеона к заключению торгового договора с Англией. Кобден с удовольствием принял это предложение, видя в нем средство привлечь Францию к принципам свободной торговли и тем повлиять на укрепление международного мира. Надо добавить, что и само поручение явилось результатом бесед по этому вопросу с Гладстоном, инициатива которых принадлежала Кобдену, ухватившемуся, в свою очередь, за мысль о торговом договоре под влиянием, с одной стороны, Брайта, а с другой — французского экономиста Мишеля Шевалье. Переговоры сначала велись частным образом. В Париже Кобден виделся с министрами Фульдом и Руэром, а затем с самим Наполеоном, на которого он произвел сильное впечатление, не отвечавшее, впрочем, впечатлению, произведенному им на Кобдена. Он писал по этому поводу Брайту: «Чем более я вижу властителей мира, тем более я нахожу, как мало нужно ума и величия для того, чтобы управлять человечеством». Переговоры его прошли благополучно, и в 1860 году был заключен торговый договор Англии с Францией. После этой удачи Кобден мечтал, что со временем удастся привлечь и другие государства к системе торговых договоров, являющейся ступенью к свободной торговле.

Мы знаем, что теперь торговые договоры в ходу, и распространением своим они обязаны в значительной степени этому акту 1860 года, путь к которому был проложен Кобденом. Заключение торгового договора с Францией было таким важным делом для

Англии, что правительство пожелало вознаградить эту услугу Кобдена, тем более что она оказана была совершенно безвозмездно. От имени королевы ему предложен был титул баронета; но он отказался от этой награды, находя, что он вступил бы в противоречие со всеми своими убеждениями, если бы принял этот титул. После этого он недолго жил. Его здоровье не поправлялось, его дела были тоже плохи, и к тому же они оба с женой не могли забыть потери сына. Однажды, когда они ехали по железной дороге, жена сказала: «Может быть, лучше было бы, если бы мы не знали славы, если бы мы жили в каком-либо уголке Канады, лишенные всего того, что теперь имеем, и жили бы иным образом». Повернувшись к окну, Кобден сказал: «Может быть, вы и правы». Я не думаю, чтобы фраза эта, которая вырвалась у него в этом случае, была выражением его постоянного настроения. Это скорее объясняется мимолетным, преходящим чувством, навеянным настроением данного момента. Не мог человек, создавший большое и сильное движение в обществе, боровшийся в течение 7 лет за свою идею, раскаиваться в том, что создал его. Он сам в одном письме к товарищу по Лиге, писанном вскоре после отмены хлебных законов, признается, что эта долгая общественная деятельность уничтожила в нем вкус к покойной и тихой жизни. «Сравнивая, — говорит он, — свои тогдашние чувства с теми, которые я испытываю теперь, я чувствую, сколько я потерял, выиграв славу. Непрестанная буря уничтожила во мне вкус к покою; я боюсь, что я не способен бросить якорь: мне кажется, что месмерическая рука легла на мой мозг и

что мной овладел беспокойный демон, который толкает меня вперед. В четверг я думал, отправляясь на собрание, что завтра я буду счастлив и покоен. А завтра принесло мне внушение одного из друзей русского императора, уведомляющего меня, что если бы вместо Италии и Египта я поехал бы в Петербург, я бы мог оказать влияние на ум императора Николая. И вот я снова очарован видением и готов отправиться в Россию». 2 апреля 1865 года Кобден скончался, не удержавшись за несколько дней перед тем (21 марта) принять участие в одном митинге по поводу постройки укреплений в Канаде. Там он простудился, и это его доконало.

В 1850 году оставшиеся еще статьи таможенного тарифа были отменены, за исключением 15, имевших фискальный характер. Таким образом оправдалось предположение, что хлебные законы составляют ключ в своде здания протекционизма и что с отменой их рухнет и весь протекционизм и уступит место свободе торговли. Какой же результат для английской торговли дали новые пути экономической деятельности? Это выясняется торговыми оборотами: в 1820 году торговый оборот внешней торговли достигал 68 миллионов фунтов стерлингов, в 1856 году — 332 миллиона фунтов стерлингов, в 1900 году — 685 миллионов фунтов стерлингов. Мы видим, что торговые обороты не только не уменьшились, как предполагали протекционисты, а увеличились почти в 10 раз. Заработная плата поднялась, а с нею и народное благосостояние, о чем, между прочим, можно судить по увеличению потребления сахара. Ранее на человека приходилось

20 фунтов сахару в год, а теперь эта цифра значительно выше. Выгоды землевладельцев и фермеров, которые так яростно отстаивали монополию в хлебной торговле, значительно увеличились. Доказательством является то, что поземельная рента сильно поднялась. В 1799 году она равнялась 20 шиллингам за акр (19 рублей 45 копеек с десятины), в 1850 году — 38 шиллингам (37 рублей с десятины), в 1885 году — 2 фунтам стерлингов (38 рублей 90 копеек с десятины). Нельзя не признать, что 40 рублей ренты с десятины — очень и очень крупный доход. Весьма вероятно, что в истории возрастания капитала перемена произошла еще большая, и сама-то она была результатом усилия воли торгово-промышленных классов, не стесненных прежними ограничениями и запрещениями. Что касается благосостояния масс земледельческого и рабочего класса, то экономическая эволюция, без сомнения, оправдала надежды, которые на нее возлагались борцами против хлебных законов.

Не только, однако, в этом заключалось значение реформы. Она имела и большое политическое значение. Отмена хлебных пошлин знаменовала некоторое понижение господства поземельной аристократии по сравнению с тем, что было до 1846 года, и переход этого господства к торгово-промышленному классу, значение которого еще более поднялось под влиянием свободы торговли. С этим переходом господства связано было изменение характера государства в демократическом направлении, тем более что за возвышением значения капиталистов следовал подъем политического значения рабочего класса. Этот последний был

следствием увеличения благосостояния рабочего класса. Избирательная реформа, проведенная Дизраэли в 1867 году, отразила в себе этот подъем общественного значения рабочего класса совершенно так же, как парламентская реформа 1832 года была отражением усилившегося значения капиталистов. Эта реформа была значительным шагом на пути демократизации Англии, и, по всей вероятности, дело не остановилось еще на этом. Но уже и теперь монархическая Англия представляется мне по существу более демократической, чем ее соседка Франция, хотя там и выписаны на стенах общественных зданий слова: «Свобода, равенство и братство».

Но, само собой разумеется, что все указанные перемены нельзя поставить на счет работы Лиги против хлебных законов. Тут действовали более отдаленные исторические причины. В самом деле, в конце XVIII и в первой половине XIX столетий произошел сильный рост промышленности и торговли. О росте этом, происшедшем в силу экономической революции, я в настоящую минуту не могу говорить подробно, но это быстрое усиление роста создало новую силу: промышленные и торговые интересы. Создался сильный торгово-промышленный класс. Рост промышленности столкнулся с интересами поземельной аристократии, законы которой были враждебны интересам промышленных классов, и между ними должно было произойти столкновение. Торгово-промышленный класс был силен, и в этом столкновении он, естественно, одержал верх. Таким образом, отмена хлебных законов и падение протекционизма являются

следствием развития торгово-промышленных классов в Англии и вместе с тем роста класса капиталистов. Мы присутствуем тут при глубоком изменении, совершившемся в структуре общества и проявившемся в рассказанных нами фактах. Это были главные причины. Но для того, чтобы известная причина могла оказать свое действие и произошла бы реформа, для этого надо, чтобы сознание сложившегося общественного положения и путей к выходу из него было бы налицо в данном обществе. Иначе может произойти бунт от недовольства сложившимся положением, насилие над существующими учреждениями, коверканье страны, но не реформа. Положительных результатов такое отрицательное движение, как разиновщина или пугачевщина, дать не может. Но раз сознание необходимости известных мер распространяется в обществе, то создается такая сила, противостоять которой ничто не в состоянии, и перемена происходит, так сказать, сама собой.

Лига за отмену хлебных законов провела в сознание правящих классов и всего общества и мысль о страданиях народа, и идею тех мер, которые нужно было осуществить в интересах промышленности и общественного благосостояния. Роль Лиги и ее заслуга заключаются в этом повороте общественного сознания, произведенном ею в Англии и обусловившем реформу. Оценивая деятельность Лиги, мы не должны, однако, забывать того, что она действовала в стране, уже веками нажившей известный уровень политической свободы. Без этого, так сказать, нравственного, или, вернее говоря, культурного капитала, нажитого

предыдущими поколениями Англии, едва ли была возможна та широкая и покойная пропаганда мысли, свидетелями которой вы были.

Лига произвела движение, но главным руководителем этой силы, вынесшим на плечах своих все движение, был Кобден. Сила его убеждений и настойчивость проявлялись настолько, что даже те, кто был с ним не согласен по вопросу об отмене хлебных законов, потом пошли за ним. Ярким примером является Роберт Пиль, противник Кобдена сначала и побежденный его доводами потом. Но нельзя сказать про многих членов его партии, что они не шли рядом с Кобденом; не умаляя их заслуги, нельзя, однако, отрицать, что главная огромная роль по проведению идеи свободной торговли в общественное сознание принадлежит Ричарду Кобдену. Это признавали все современники, а с ними признает и история. Ему принадлежит также и заслуга распространения в других государствах Европы свободной торговли, хотя и в ограниченном виде. Еще и в наше время его идея отражается в системе торговых договоров, несмотря на волну протекционизма, охватившую Европу в последние два десятилетия. Всей совокупностью этой работы определяется историческое значение Кобдена и освещается в известной степени роль личности в истории. Различны мнения, существующие по этому предмету. Одни утверждают, что личность не играет роли в истории и что направление и совершение событий обуславливается всей совокупностью причин, действующих по определенным историческим законам. Другие, напротив, думают, что именно силами

великих людей совершаются более или менее важные исторические события, что они, так сказать, «делают историю». Придавая значение личности в истории, как одной из действующих причин, я позволяю себе высказать мысль, что тем значительнее участие личности в событиях, чем крупнее ее духовные силы. Это участие становится заметным особенно в тех случаях, когда в обществе образовалось течение, во главе которого становится крупная личность. Само собою, в силу вещей, она становится во главе его и ускоряет его силой своего сознания, освещая предстоящий путь и увлекая за собой колеблющихся и медлящих. В другом случае, когда общественные течения находятся в состоянии равновесия и когда общество может от того или иного толчка пойти по тому или иному направлению, сильная личность, пристав к одному из этих течений, дает перевес ему и тем самым определяет дальнейшее направление истории, по крайней мере, на ближайшее время. Таково было значение Наполеона на рубеже между XVIII и XIX веками во Франции. Таким же крупным лицом, ставшим во главе уже наметившегося течения и сильно ускорившим движение в данном направлении, был Петр Великий. К группе деятелей последнего рода надо отнести и Кобдена.

Когда мы останавливаемся на созерцании личностей, подобных Кобдену, то это не только приятно для нашего умственного взора, но вызывает наше удовольствие еще и в том отношении, что мы переживаем лучшие гуманные чувства и в нас укрепляется вера в человечество и прогресс его. Когда видишь такую хрустально-чистую личность, как Кобден, беззаветно

жертвующую своими личными интересами для общественного блага, у самого поднимается душа в груди и зарождается желание следовать по стопам таких людей. Тогда невольно покидаешь пессимистический взгляд на людей, который порой овладевает нами под давлением тяжелых впечатлений несуразной общест-венности. Но скажут нам: «Разве можно заурядному человеку помышлять идти в ногу с такими гигантами и подражать их общественному делу?»

На такое сомнение я позволю себе ответить сло-вами биографа Кобдена Джона Морли. Он говорил в одном из общественных собраний: «Нам ясно, что не только благосостояние масс, но и шансы появления в привилегированной части общества гения умствен-ного или нравственного более высоки в том обществе, в котором интеллигентность, любознательность и способ-ности среднего человека возросли. Мы не можем, по-добно Бетховену или Генделю, силой божественной мелодии возносить души на седьмое небо несказан-ных видений и бесконечных надежд; мы не можем, подобно Вольтеру, жечь пламенным глаголом то, что жестоко и лживо, ни, подобно Мильтону и Берку, возбуждать в сердцах звук трубный... Но есть вещь, которую мы все можем сделать, есть вещь, на которую способен самый слабый из нас в этой большой зале: он может, с рвением пользуясь своим разумом и усердно ища случая помочь другим в их развитии, со-действовать расширению того потока, сила и направ-ление которого решают судьбу благополучного дви-жения человечества».

Обсуждение тронной речи 1841 года

Первая парламентская речь Кобдена *Палата общин. 25 августа 1841 года*

Кабинет вигов под председательством лорда Мельбурна, отвергнутый большинством в один голос, распустил парламент. Кризис произошел как раз во время обсуждения бюджета при следующих обстоятельствах. Лорд Рассел, отвечая на вопрос лорда Сендона, высказался за замену существовавшей тогда «скользящей шкалы» тарифа введением определенной умеренной пошлины на зерно. Спустя несколько дней, 7 мая 1841 года, в дополнение к своему заявлению, он привел и предложенные им нормы сбора, а именно: 1 шиллинг — для пшеницы, 5 шиллингов — для ржи, 4 шиллинга 6 пенсов — для ячменя и 3 шиллинга 6 пенсов — для овса. Вскоре после этого, 21 мая, предложенное сэром Робертом Пилем выражение недоверия к кабинету вигов, прошло большинством 312 голосов против 311. Тогда-то лорд Мельбурн распустил парламент, и Кобден, за 4 года до того безуспешно выставлявший свою кандидатуру в Стокпорте, на этот раз был избран от того же округа значительным большинством голосов. Спустя шесть дней после своего избрания, 25 августа во время обсуждения тронной речи Кобден произнес в палате общин свою первую парламентскую речь, которая и приводится здесь. Прения окончились победой консерваторов, получивших большинство в 91 голос, — 360 против 269. Разбитый вторично, кабинет лорда Мельбурна вынужден был уда-

литься от дел, и власть перешла к сэру Роберту Пилю, получившему, таким образом, возможность защищать хлебные пошлины. Он оставил пост премьера только спустя 5 лет, 29 июня 1845 года, добившись полной отмены тех самых хлебных законов, защитником которых был в 1841 году.

«Приступая к обсуждению вопроса, стоящего на очереди, я испытываю некоторое затруднение, так как мне кажется, что палата не надлежащим образом понимает задачу, возложенную на нее страной. Нам пришлось выслушать здесь несколько различных мнений о сущности полномочий, данных почтенным членам палаты при их избрании, и о значении последних всеобщих выборов. Судя по тому, что здесь говорилось, выборы были якобы выражением общественного мнения не по вопросу о монополиях, но лишь по вопросу о доверии к министрам его величества. Такое мнение было выражено, например, почтенным депутатом от Тэмворта [сэром Робертом Пилем], и его политические единомышленники расположены, по видимому, считать это мнение его лозунгом. А между тем нас избирали в палату вовсе не для защиты интересов монополии, и странно было бы, если бы большинство представителей высказалось в том смысле, что они посланы сюда “английским народом” с такими именно полномочиями.

Правительство вошло в палату с предложением, оно дало ей совет заняться непосредственно понижением хлебных пошлин, присоединив к своему предложению выражение уверенности, что это не только не поведет к сокращению доходов, но даже явится одним

из способов увеличения средств государственного казначейства. Таков был, в сущности, характер поручения, данного палате перед роспуском последнего парламента. Как же это так случилось, что депутаты, сидящие на противоположных скамьях, явились на этот раз в палату уже как бы специально для того, чтобы, вопреки всему, что здесь говорилось от их имени, поддерживать закон о хлебных пошлинах во всей его силе и со всеми его плачевными последствиями. И для чего же? Для того, чтобы добиться его введения как в интересах покровительства самой монополии, так и в интересах государства? Поистине, остается только радоваться, что не все еще заражены увлечением монополией.

Есть еще одна причина, по которой трудно говорить в палате в данный момент. Нам говорят, что задача наша состоит не в том, чтобы решить, нужны ли отмена хлебных законов и уничтожение монополии, а в том, чтобы вотировать поправку к тронной речи. Почтенные депутаты противоположной стороны, обсуждая этот вопрос, говорили о войнах в Сирии и Китае и о положении дел в Канаде и Нью-Йорке, но ни разу не коснулись вопросов, на которые собственно было обращено их внимание в целях облегчения народных тягостей. Отдавая полную справедливость той сдержанности, с которой сидящие по ту сторону депутаты стараются исключить из обсуждения эти важные предметы, я все-таки не понимаю, почему депутаты, сидящие по одну сторону со мной, должны следовать их тактике. Ведь чувствуют же они в самом деле, насколько такие вопросы, как вопрос о хлебных

пошлинах, больше интересуют народ, чем войны в Сирии или Китае, или другие отдаленные вопросы того же порядка. Почему бы им не высказаться по этому поводу, или почему бы нам, если даже это и не вызовет отклика со стороны наших противников, не исполнить своего долга по отношению к народу и не высказать должного почтения к Ее Величеству, приступив к обсуждению этих вопросов и вынеся по ним свои решения? Существует, кажется, обыкновение смотреть на тронную речь, как на нечто очень близко соприкасающееся с достоинством монархической власти, — обыкновение, составляющее предание старого порядка и особенно консервативной части этого собрания. Не думаю, чтобы это предание требовало, кроме особенно важных случаев, решения вопроса о доверии или недоверии к стоящим у власти министрам; скорее оно требует ответа на тронную речь, как на акт, тесно связанный с достоинством короля и долженствующий вызвать спокойное обсуждение, в которое, однако, джентльмены противоположной стороны палаты отказываются вступить с самым милостивым и, со времени короля Альфреда, самым популярным королем Соединенного Королевства.

Утверждали также, что английский народ поступил неискренне, потребовав полной отмены налогов на продукты питания. С безусловной искренностью заявляю, что я стою за полную отмену налогов, действующих на цены хлеба и разных других продуктов, и не допущу, чтобы говорили, не выслушав формального опровержения, что три миллиона человек, приславших в палату петицию с ходатайством о полном

уничтожении этих налогов, были неискренни в своих требованиях. Что такое эти налоги на продукты питания? Это сборы, взимаемые с основной массы народа, и наши почтенные противники, те именно, которые выражают столько симпатии к рабочим, предварительно сделав их нищими, надеюсь, не откажут мне в праве потребовать от их имени прежде всего обсуждения вопроса о преобразовании этих сборов. Я слышал, что они называли эти сборы “покровительственными пошлинами”, тогда как они — ни что иное, как налоги, и я всегда буду называть их этим именем, сколько бы времени я ни удостоился чести заседать в этой палате. Налог на хлеб — это налог, лежащий главным образом на беднейшие классы населения, — налог, увеличивающий, по минимальным расчетам, на 40% ту цену, какую мы платили бы, если бы пользовались совершенно свободной торговлей зерном. Отчет о положении ткачей, занимающихся ручным трудом, определяет приблизительно в 10 шиллингов недельный заработок каждой рабочей семьи, причем расчет этот считается верным для всех частей Соединенного Королевства. Отчет устанавливает, кроме того, тот факт, что из заработанных 10 шиллингов каждая семья тратит на хлеб 5 шиллингов. Следовательно, сбор в 40% цены хлеба составляет налог в 2 шиллинга на каждую рабочую семью, зарабатывающую 10 шиллингов в неделю, т.е. 20% ее недельной заработной платы. Посмотрим теперь, какую роль играет этот налог на различных ступенях общественной лестницы. Человек, получающий 40 шиллингов в неделю, платит налог, составляющий 5% его дохода; получающий 250 ф. ст.

в год платит только 1%, а *нобльмен* или миллионер, получающий 200 000 фунтов годового дохода, и семья которого съедает не более хлеба, чем семья земледельца, платит менее 1 су на 100 фунтов (*Смех*). Я не знаю, относится ли этот смех к чудовищности сообщенного мной факта или к скромной личности того, кто удостоверяет его перед вами; но повторяю — налог, падающий на *нобльмена*, составляет менее 1 су, а налог, падающий на рабочую семью, составляет 20 ф. ст. на 100 ф. ст. дохода. Я уверен, что ни один из членов этого собрания не решился бы внести проект закона о взимании в таком размере подоходного налога со всех классов общества, и все-таки утверждаю, что налог на хлеб ложится именно таким бременем на *неимущих* плательщиков и взимается при этом не в интересах государства, а в пользу наиболее обеспеченной части общества. Вот что, в сущности, представляет из себя налог на хлеб! Я способен понять недоверие, выражаемое нашими почтенными противниками; если бы они знали факты, как они есть, если бы они понимали их значение так, как это возможно лишь при полном знании дела, они поняли бы и то, что невозможно безмятежно пользоваться покоем и благосостоянием, подав голоса за проведение такого закона. Ни в одной стране, кроме Англии и Голландии, ни при каком правительстве, в каких бы затруднительных обстоятельствах оно ни находилось, не прибегали к такой чудовищной несправедливости, как налог на хлеб. Нам укажут, без сомнения, на законы, введенные во Франции, Испании и Северо-Американских Соединенных Штатах, для того чтобы затруднить ввоз зер-

новых хлебов; но ведь эти страны в общем являются экспортерами зерновых продуктов, в чем легко убедиться, познакомившись с их торговой деятельностью за целый ряд лет, а при таких условиях ввозные пошлины не могут иметь там того значения, какое они имеют у нас.

Но, говорят, рабочие классы извлекают из закона о хлебных пошлинах свою выгоду, так как он распространяет свое покровительство и на них. Наши почтенные противники очень много распространялись на своих избирательных собраниях о принятом ими твердом намерении взять под свое покровительство неимущие классы, а мой благородный противник (лорд Стэнли) на выборах в Северном Ланкашире явился энергическим поборником покровительственной системы. Я собственными ушами слышал речи благородного лорда, и скажу вам, в чем состоит его теория покровительства рабочим. По словам благородного лорда, мануфактуристы требовали отмены хлебных пошлин ввиду своего намерения уменьшить размеры заработной платы: если они после отмены налога на хлеб не понизят заработной платы, они не в состоянии будут бороться с иностранной конкуренцией, если же они уменьшат заработную плату, это будет, конечно, не в пользу рабочим.

Позвольте мне напомнить палате, что заинтересованные стороны, терпеливо боровшиеся в течение трех лет за право быть выслушанными в этом собрании, никогда не допускались к открытому изложению своего положения. Когда почтенный депутат из Вулвергэмптона [г-н Чарльз Виллье], к которому я на-

равне с миллионами моих сограждан проникнут благодарностью за его неустанные и великие заслуги, — когда он, говорю я, предложил выслушать в палате описание положения этих миллионов людей, то его предложение было отвергнуто с презрением и насмешками, причем отказавшиеся выслушать человека, выступившего в защиту этих людей, позаботились даже исказить его основные побуждения.

Постараюсь посмотреть на дело с точки зрения гипотезы самого благородного лорда. Если мне удастся доказать, что, несмотря на свои блестящие таланты, он ошибся в оценке значения вопроса, тогда да простят мне остальные почтенные противники предположения, что и они ошибаются не менее его. Вот что говорит благородный лорд. Те, кто требует отмены хлебных законов, уже неоднократно заявляли, что цель их состоит в обмене продуктов местного производства на продукты других стран, и что все «покровительственные пошлины» (как он их называет), взимаемые с предметов, производством которых они занимаются, должны быть тоже повсеместно отменены в целях установления свободных и беспрепятственных сношений между всеми народами земного шара, согласно очевидным предназначениям самой природы. Но благородный лорд, депутат от Северного Ланкашира, объяснил нам, что это повело бы к уменьшению заработной платы. Насколько я могу судить, это вызвало бы нечто совершенно иное, — например, расширение торговых оборотов. Кроме того, это дало бы нам право обменивать, в свою очередь, наши мануфактурные товары на зерновые продукты

других стран, что повело бы к значительному развитию нашей торговли. А как достигнуть всего этого, если не увеличением общей суммы труда? И как увеличить спрос на труд без увеличения при этом заработной платы?

Еще одна очень распространенная ошибка вкралась в доводы благородного лорда. По его словам, конечной целью является в данном случае уменьшение заработной платы, для того чтобы дать нашим фабрикантам возможность успешно бороться с иностранной конкуренцией. Я утверждаю, что мы и в настоящий момент выдерживаем эту конкуренцию, — что и теперь мы продаем наши товары на нейтральных рынках, конкурируя с другими странами, что и теперь, продавая товары, например, в Нью-Йорке, мы конкурируем со всеми странами земного шара. Вы говорите о покровительстве местным производителям, но вам не следовало бы забывать и того, что цены на внутреннем рынке определяются обыкновенно под влиянием цен, существующих на иностранных рынках. Иначе, кому пришла бы в голову мысль посылать за три тысячи миль товар, который может найти более выгодный сбыт на местном рынке?

Я знаю, что вопрос о заработной плате является обманчивым аргументом, на котором зиждется обыкновенно оппозиция против отмены хлебных законов. Многие вполне добросовестные сторонники современной системы защищают эти законы, как средство сохранить заработную плату на ее теперешнем уровне. Что же касается меня, то я решительно не вижу никакой связи между ценами на жизненные припасы

и вообще на те или иные предметы потребления и ценой на труд в его естественном и нормальном виде. Я понимаю, что на острове Кубе или в рабовладельческих штатах Америки цена на труд еще может находиться в зависимости от цены на жизненные припасы. Я легко могу себе представить рабовладельца, сидящего за конторкой и подсчитывающего стоимость селетки и риса. В этом случае, когда стоимость труда поступает всецело в его распоряжение, его, очевидно, могут сильно интересовать цены на жизненные припасы.

На рынке труда есть еще одна область, в которой размер заработной платы упал до действительного минимума жизненных потребностей рабочих, — я говорю о труде рабочих земледельческих округов. Этим несчастным говорят, что размер их заработной платы повысился бы, если бы повысились цены на жизненные припасы. Почему? Разве увеличение цены жизненных продуктов вызовет увеличение спроса на труд? Или, может быть, это повышение заработной платы будет не более как актом частной благотворительности? Но, переходя к такому состоянию рынка труда, которое не остается без воздействия на производство различных предметов нашей мануфактурной промышленности, — а одному Богу известно, как долго еще будет оказывать это воздействие при господстве законодательства, подобного нашему! — я категорически утверждаю, что при таких условиях рынка размер заработной платы так же мало зависит от цены жизненных продуктов, как, пожалуй, от фаз луны. В этом случае он всецело зависит от спроса на

труд, причем цена продуктов питания не играет никакой роли в оценке труда; в этом случае рынок труда отличается, к счастью, большой изменчивостью и будет становиться все более и более эластичным, если вы не поставите этому преград. Но если вы будете по-прежнему регламентировать условия рынка в том же направлении, которое так давно воодушевляет вас, вы достигнете в конце концов того, что низведете наше торговое и промышленное население на ту же ступень, на которую вы низвели уже наших земледельцев. Тогда торговцам и фабрикантам можно будет смело обратиться к своим несчастным рабочим с предложением милостыни; тогда, может быть, можно будет сказать, что «наряду с увеличением цены жизненных продуктов увеличивается и размер заработной платы». Но это увеличение будет милостыней; оно примет форму простого акта милосердия; оно не будет уже вытекать из права рабочего как свободной личности требовать за свой труд соответственного вознаграждения.

От вопроса о заработной плате — вопроса, который, приходится сказать, необходимо было бы почаще возбуждать в этой палате, — я перехожу теперь к одному из наиболее важных вопросов, возбуждавшему уже ваши симпатии, и к которому мне необходимо еще раз привлечь ваше внимание. Я говорю о современном положении наших мануфактурных и земледельческих рабочих. На днях я имел возможность частным образом познакомиться с отчетом о положении рабочих во всех частях нашей страны. Восемь дней тому назад в Манчестере происходило собрание

первостепенной важности, — вроде синода, состоявшего исключительно из представителей духовенства (*Иронические аплодисменты*). Я понимаю значение этих аплодисментов, но к объяснению по этому поводу возвращусь лишь впоследствии, а теперь не стану прерывать начатого мной изложения. Итак, я присутствовал в Манчестере на собрании священнослужителей, представителей различных религиозных исповеданий, съехавшихся в числе не 620, как говорят, а 650 человек, со всех частей нашего государства; съезд этот стоил от 3000 до 4000 фунтов, причем расходы приняли на себя соответственные религиозные конгрегации. Эти люди собрались на съезд не только из Йоркшира или Ланкашира, не только из Дерби и Честершира, но из всех графств Великобритании, — от Кетнеса до Корнвалиса, они раскрыли нам наиболее важные факты, относящиеся к положению рабочего населения в их округах. Я имел возможность лично ознакомиться с письменными документами их сообщений. Не стану останавливаться на подробностях и злоупотреблять временем и вниманием палаты; скажу только, что, как относительно мануфактурных, так и относительно земледельческих округов, в сообщениях этих собраны самые неопровержимые доказательства того, что положение громадного большинства подданных Ее Величества, принадлежащих к рабочему классу, в продолжении десяти и, главным образом, последних трех лет страшно ухудшилось, причем благосостояние народа уменьшилось ровно в той же пропорции, в какой увеличилась цена продуктов питания. Я просматривал данные, собранные относительно ссуд-

ных касс, тюрем и больниц рабочих домов, и опять-таки везде находил неоспоримые доказательства, что условия жизни основной массы подданных Ее Величества, принадлежащих к низшим классам общества, быстро ухудшаются, и что рабочие находятся в настоящее время в худших условиях и получают меньшую заработную плату, чем прежде, и бедственное положение их повлекло за собой гораздо больше болезней, хронических немощей и преступлений, чем это было когда-нибудь установлено для какой бы то ни было эпохи в истории нашей страны.

Теперь скажу несколько слов по поводу смеха, которым встречено было мое сообщение об этом собрании духовных лиц. Не стану делать здесь оценки поведения этих христиан, собравшихся для общего обсуждения такого важного вопроса, — они найдут более достойных судей в представителях своих конгрегаций. Я укажу только на то, что в собрании находились как члены господствующей церкви, так и индепенденты, баптисты, члены римской и шотландской церквей, диссиденты, методисты и вообще представители различных вероисповеданий, какие только я знаю. Если мои уважаемые сочлены расположены умалять достоинство этих почтенных личностей, они тем самым обратят свое порицание против главной массы христианского диссидентского населения нашей страны. Может явиться предположение, что эти почтенные лица вышли в данном случае из пределов своей компетенции. Но после того, как мне пришлось выслушать их сообщения о плачевном положении населения; после того, как я узнал от них, как многие из

их паствы стараются проскользнуть в какую-либо ветхую верхнюю одежду и выскользнуть оттуда на рассвете, чтобы, таким образом, скрыть под покровом ночи свое материальное убожество, и как другие, повергнутые в абсолютную нищету, вовсе не имеют возможности посещать храм Божий; после того, как я узнал, что воскресные уроки отменялись, потому что обнищавшие прихожане не имели возможности на них присутствовать; после того, как я слышал все это и убедился, что монополия на продукты питания лежит в основе тех бедствий, под давлением которых чахнут все эти несчастные, то я по совести не могу согласиться с тем, чтобы эти священнослужители вышли из пределов своих повседневных интересов. Когда люди, принадлежащие к высшим общественным классам, не проявляют по отношению к бедному населению ничего, кроме притеснений и несправедливости, я могу только радоваться, видя между нами людей, способных, как некогда Нафан, выступить вперед с обличительной речью: «Ты — человек!» Представители религии в нашей стране возмутились против чудовищной несправедливости этого налога на хлеб, осужденного непреложным нравственным кодексом Св. Писания. Они составили и подписали петицию в палату с заявлением, что хлебные законы являются нарушением воли Верховного Существа, промысел которого печется о его голодных детях. Не настаивайте на своем заблуждении; будьте уверены, что наше время изобилует знамениями, которыми не следует пренебрегать. Ведь не только эти 650 священнослужителей, но еще 1500 других служителей Евангелия, письма которых

читались на собрании в Манчестере, ежечасно возносят свои молитвы к Небу о том, чтобы благоугодно было Тому, Кто повелевает земными государями и правителями, обратить их сердца к справедливости и милосердию.

Теперь, когда я вам сообщил, что сделали эти люди, и в каком духе они действовали, можете ли вы хотя бы на минуту сомневаться в том, что они руководствовались при этом искренними побуждениями? Тем не менее мы можем сомневаться, что они способны тщательно выполнить взятую на себя великую миссию. Вспомните, что происходило, когда страну волновал вопрос об отмене рабства. Какую разницу находите вы между присвоением себе человека с целью завладеть его трудом, и присвоением себе плодов труда добровольных работников? Благородный лорд, сидящий на противоположной стороне [лорд Стэнли], знает кое-что о том могущественном влиянии, которым воспользовались тогда эти люди, чтобы доставить успех своим убеждениям. Когда благородный лорд внес в 1833 году билль об эмансипации, он заявил, что так как духовенство взяло этот вопрос под свою защиту, его можно считать решенным в утвердительном смысле. Мне думается, что и в данном случае можно ожидать таких же результатов.

Я позволю себе напомнить моим уважаемым сочленам, чем особенно можно повлиять на умы наших сограждан. Сograждане наши питают большое, может быть, даже преувеличенное, уважение к власти, почестям и богатству; кроме того, они очень сильно привязаны к законам и установлениям нашей страны. Но

нужно помнить также, что есть еще одно чувство, составляющее неотъемлемую особенность именно английского духа, это — почтение к некоторым освященным веками принципам, превосходящее даже преклонение перед авторитетом человеческой власти. Нарушите хоть раз эти священные принципы, и уважение к вам и к вашим сторонникам рассеется, как пыль, развеянная ветром. Какое чувство должна испытывать страна после того, как Ее Величеством было сделано вам всемилостивейшее, благосклоннейшее и великодушнейшее предложение — приложить ваше просвещенное внимание к обсуждению хлебных законов в целях облегчить тяжелое бремя, под которым изнывает ее бедный народ, и принять меры против уменьшения спроса на труд и недостаточности жизненных припасов, — что скажет она, когда узнает, что милостивое державное приглашение было встречено лишь насмешкой и пренебрежением со стороны большинства членов этой палаты? Какое чувство негодования испытает она, когда увидит, что преимущество перед вопросом такой первостепенной важности отдано вопросу о том, кто из двух — человек ли в серой шляпе, заседающий по ту сторону палаты, или человек в черной шляпе, сидящий на скамьях с этой стороны, получит преимущество перед другими. Наш народ усмотрит в этом поступке, — если только можно так выразиться, говоря парламентским языком, — наиболее пагубный из всех, какими когда-либо отличались действия этой палаты.

И если я не мог не высказать своего неодобрения, в одном месте которого, повинуюсь правилам палаты,

я не стану называть, когда слышу утверждение знатного лорда, что положение рабочего населения в нашей стране можно считать завидным, сравнительно с положением его в любом государстве Европы, и что у нас всякий рабочий, если только он отличается сметливостью и трезвостью, легко может достигнуть обеспеченного положения, то является вопрос: какие чувства должно вызвать такое утверждение в народных массах? Неужели мои уважаемые товарищи способны разделять такую точку зрения и видеть в ней выражение своего собственного образа мыслей? Нам не следовало бы забывать, что около 10 лет тому назад, когда к нашему величайшему огорчению старый парламент запятнал себя торговлей голосами, тот же самый благородный лорд указывал на этот парламент, как на образец совершенства. Я нисколько не удивился бы, если бы вопрос, поставленный на очередь теперь, испытал такую же, если не более замечательную участь, сделался предвестником перемен, гораздо более серьезных, чем те, которые предусматривают министры Ее Величества.

Позвольте мне сказать еще несколько слов почтенному баронету [сэру Роберту Пиллю], моему противнику. Я слышал, как он упоминал несколько раз об идеях Гаскиссона. Достопочтенный баронет, депутат от Тэмворта, очень любит прикрываться авторитетом этого замечательного государственного мужа. Я очень опасюсь, как бы он по ошибке не нарядился в какую-нибудь забракованную одежду Гаскиссона, воображая, что кутается в его плащ, и как бы он, напоминая нам последнюю волю этого замечательного

государственного деятеля, — его, так сказать, политическое завещание, — не оказался незнакомым с одной очень важной припиской к этому завещанию. Я слышал, как он ссылался на взгляды, высказанные Гаскиссоном в 1828 году. К величайшему сожалению, присоединившись позднее к правительству герцога Веллингтона, Гаскиссон одобрил этим самым политику, которой раньше сам сильно противился. Но когда он 25 марта 1830 года в последний раз говорил в этой палате о хлебных законах, по поводу предложения мистера Паулетта Томсона, он высказал свои взгляды в следующих выражениях: «Я положительно уверен, что мы не можем сохранить в силе действующие хлебные законы и в то же время обеспечить стране неизменное благосостояние и всеобщее довольство. Эти законы могут быть отменены без всякого ущерба для наших финансовых интересов; это мое глубокое убеждение». Вот какова была последняя приписка к завещанию Гаскиссона. Я протестую от имени этого во многих отношениях замечательного, но не всегда безупречного человека против превратного толкования его взглядов. В 1830 году, когда Гаскиссон произносил свою речь, с которой я усердно рекомендую познакомиться моим уважаемым товарищам, нищета далеко еще не достигала в нашей стране таких ужасающих размеров, и будущее не рисовалось еще в таких мрачных красках, как в настоящее время. Но что сказал бы Гаскиссон, уже тогда говоривший таким тревожным тоном, если бы ему пришлось дожить до 1841 года, если бы он собственными глазами увидел все те тяжелые условия, в которых бьется теперь наша страна,

и если бы он констатировал в кассе английского банка, вместо 10—12 миллионов фунтов и многочисленных вкладов под 3%, едва ли половину этой суммы в наличности и, кроме того, увеличение платежей по вкладам до 5%? Какого мнения, спрашиваю я, стал бы он держаться о хлебных законах, если бы дожил до нашего времени и увидел все это? Не могу удержаться, чтобы не сослаться опять на уже приведенное мною торжественное заявление, в котором он выразил свои убеждения относительно хлебных законов.

Достопочтенный баронет, мой противник, мог бы в настоящее время оказать громадную услугу своей родине. Пусть он обратится к 1830 году и посмотрит, каково было тогда положение нашей страны сравнительно с теперешним. Что же извлекло нас из того состояния оцепенения, в котором мы находились в 1830 году? Уж, конечно, не развитие правильной торговли, якобы начавшейся в то время. С 1831 по 1836 годы превышение ввоза над вывозом составляло по официальным данным 20 млн ф. ст. Но все эти товары отправлены были в Америку, где, вместо того, чтобы сделаться предметами продажи или потребления, поступили в обмен на банковские и железнодорожные бумажные ценности и государственные фонды. Это — не правильная торговля, а отчаяннейшая спекуляция, никакой платы за товары получено не было.

Можно было бы также подумать, что в период с 1831 по 1836 годы наши банки получили особенное развитие, увеличившее число их почти на 100, а их капиталы почти на 60 млн ф. ст. Развитие внутренней и внешней торговли, созданное этими искусственно-

ми средствами и сопровождаемое случайным совпадением целого ряда беспримерно урожайных годов, способствовало тому видимому благосостоянию страны, благодаря которому правительство спокойно присоединилось к биллю о реформе и к исправлению закона о бедных. Но благосостояние это было только кажущееся.

Может ли достопочтенный баронет похвастаться, что у него есть план, — я не стану просить сообщить нам его сейчас, — который позволил бы ему надеяться на возможность водворить в 1841 году действительное благосостояние в стране? Если нет, то, может быть, он надеется вызвать хотя бы видимое благосостояние? Если это ему удастся, то он только подготовит этим в будущем период упадка, бесконечно более губительного, чем тот, от которого мы страдаем в данный момент.

К счастью, министры в нашем отечестве нуждаются в деньгах и не могут добыть их себе иначе, как благодаря процветанию торговых и промышленных интересов. Земельный собственник, расточающий свои капиталы в Париже или Неаполе, уже не может служить источником дохода для министром. Ресурсы бюджета увеличиваются только в зависимости от увеличения благосостояния торговых и промышленных классов. Когда же, с одной стороны, землевладелец обогащается на счет лишений народных масс, а с другой, фермер стонет под гнетом чрезмерных бедствий, тогда ресурсы государства могут только падать.

Изложив все эти соображения, чуждые, — я позволю себе сказать это, — малейшего духа партий-

ности, так как я выступаю не в качестве вигга или тори, а лишь в качестве сторонника свободной торговли, каковым я всегда готов себя признать, — я могу сказать в заключение лишь следующее: как ни горжусь я мужеством, которое проявило министерство виггов, бросив ряды монополистов и почти на $\frac{3}{4}$ пути приблизившись к занимаемой мной позиции, тем не менее, если бы почтенный баронет, сидящий по ту сторону, сделал по направлению ко мне хотя бы одним шагом больше, я первый пошел бы ему навстречу и протянул бы ему руку».

Кобден перед своими избирателями

Рочдейл, 26 июня 1861 года

Непосредственно после заключения торгового англо-французского договора 1860 года Кобден, здоровье которого было сильно расшатано, уехал в Алжир, не заезжая в Англию. Во время его пребывания в Алжире лорд Палмерстон письменно предложил ему от имени королевы титул баронета или звание члена тайного совета.

Кобден отказался от всех почестей и в своем письме Палмерстону просто ответил следующее: «Так как отказ мой от титула является в моем положении скорее делом чувства, чем рассудка, то я не стану останавливаться на его объяснении».

После возвращения в Англию Кобден сделался предметом самых восторженных оваций. Но он торопился отдать отчет в своих действиях и успехах своим избирателям. Он прямо направился в Рочдел, где произнес 26 июня 1861 году следующую речь:

«**Я** выступаю здесь, подчиняясь почтенному обычаю вашего округа, по которому ваш представитель обязан ежегодно отдавать отчет о результатах возложенного на него поручения. Это дает вам возможность обсудить сообща с ним все вопросы и расспросить его обо всем касающемся его общественных обязанностей и интересов его доверителей. Что касается вас, то существование подобного обычая обуславливается, мне кажется, присущим вам чувством независимости и

собственного достоинства, доказательство которых вы всегда проявляли при выборе своих либеральных представителей в парламент. Но сегодня меня заставляют появиться перед вами обстоятельства не совсем обычного свойства, и не в своей парламентской деятельности и собираюсь отдать вам отчет, так как последние почти 1½ года я провел за границей, частью ради исполнения возложенных на меня общественных дел, частью для поправления своего здоровья.

Как вам уже передавал ваш почтенный мэр [г-н Дж. Г. Мур] я вел переговоры по заключению торгового договора с Францией. Меня, как вам известно, почтила доверием наша государыня, причем я имел деятельных сотрудников в лице моих товарищей, и я никоим образом не хотел бы быть заподозренным в желании присвоить себе их заслуги. Я употребил все усилия, чтобы заключить договор, долженствующий создать новые отношения между двумя великими государствами, которые как бы самим Провидением предназначены оказывать друг другу взаимное содействие, но которые, в силу людских заблуждений, а может быть и злобы, слишком часто в течение минувших веков старались только вредить друг другу. Я старался найти возможность соединить эти две страны узами обоюдной зависимости и, надеюсь, также узами будущей дружбы. Как вполне справедливо передавал вам ваш мэр, Франция до сих пор держалась принципов ограничения торговых сношений, принципов, от которых мы, англичане, только очень недавно освободились, и которым так долго оставались верны, что потребовалось целых 30 лет не-

устанного труда для нашего освобождения от них. Благодаря энергии и преданности делу трех или четырех из наших наиболее выдающихся государственных людей, мы достигли той относительной свободы торговли, которой пользуемся в настоящее время. Французы, напротив, едва успели сделать несколько шагов в этом направлении, и возможность дальнейшего разрешения этой задачи в тех размерах, в каких мы этого достигли, выпала на долю нынешнего императора, который, впрочем, один имел возможность сделать это. Его министр торговли, который в течение $1\frac{1}{2}$ года не воспользовался ни одним днем отдыха, разделил с императором участие в этом деле. Менее чем в два года им удалось выполнить во Франции такую задачу, осуществление которой у нас, англичан, потребовало более 30 лет. Я отмечаю этот факт из желания, причину которого я сейчас укажу, — из желания, чтобы нами были приняты во внимание все те громадные затруднения, с которыми пришлось считаться французскому правительству в данном случае, и над которыми оно восторжествовало. Оно должно было преодолеть сильное и до тех пор ничему не поддававшееся противодействие и выступить в поход против целой армии монополий, тогда как, если вы помните, наши общественные деятели начали с того, что стали подкапываться под представителей самых мелких интересов, чтобы, победив их, образовать затем из них же союз против крупных монополий. Наконец, во Франции все должно было быть окончено в $1\frac{1}{2}$ года. Несомненно, что многое еще остается сделать, но многое, надеюсь, осуществится в непродолжительном

времени. Я хочу, чтобы для вас была очевидна вся грандиозность задачи, которую пришлось разрешить французскому правительству, так как по поводу всего этого сочинена целая история, послужившая почвой для вывода, о котором я собираюсь сказать вам сейчас несколько слов.

В условиях французской промышленности существует особенность, дающая нам право надеяться на упрочение отношений между двумя нациями, выгодных как для той, так и для другой. Организация промышленности во Франции совершенно своеобразна. По своему социальному устройству и политическим принципам французы представляют из себя нацию, может быть, наиболее демократическую в мире, а между тем народ этот, за незначительными исключениями, занимается производством предметов роскоши и утонченного вкуса, почти исключительно предназначенных для потребления аристократией и богатыми классами. Англия же, наоборот, является наиболее аристократической страной, а население ее, почти всё без исключения, занимается производством предметов, необходимых для обиходного пользования и благосостояния масс. Таким образом, эти две страны как бы созданы, в силу различия своего производительного духа, для взаимного обмена продуктами своей промышленности, а из этого я вывожу то же заключение, какое сделал ваш мэр — что французский народ извлечет для себя большие выгоды из только что заключенного с нами договора. Во Франции, по сравнению с Англией, рабочий класс одевается очень плохо. Проезжая в зимнее время между

Кале и Дувром, вы не можете не обратить внимания на контраст между синими блузами французских рабочих и более удобным, в смысле защиты от холода, шерстяным или вязаным платьем, которое носят в это время года английские рабочие.

Положение французского населения, страдающего от недостатка в одежде, несколько напоминает мне положение английского населения, испытывавшего такой же недостаток в пище 25 лет тому назад, до изменения хлебных законов. В то время наш народ питался плохо, употребляя в пищу в несоразмерном количестве корнеплодные растения. Страна потребляла на 6 или на 8 млн кварталов зерна меньше, чем следовало и чем она стала потреблять впоследствии, когда ей была предоставлена возможность приобрести его. Подобно тому, как нашему народу введение свободного обмена дало возможность лучше питаться, оно доставит французскому народу, путем того же процесса, который имел место у нас, в Англии, возможность иметь лучшую одежду: во-первых, потому что мы станем ввозить во Францию более значительное количество предметов первой необходимости, а во-вторых, потому что само производство французских фабрик получит при этом благодетельный толчок. Так происходило дело и у нас: увеличению количества хлеба на наших рынках способствовал, с одной стороны, ввоз иностранных продуктов, а с другой стороны — важное влияние возникшей при этом конкуренции для развития нашей собственной земледельческой промышленности. Что касается нас, то мы уже давно извлекаем и впредь будем извлекать пользу из

этой перемены. Преобразованием нашей политики в этом направлении мы обязаны самим себе, а французы — своему правительству. Признаюсь, исполняя возложенное на меня поручение, я все время придерживался той точки зрения, что для Англии большая выгода заключается в праве ввоза иностранных, чем в праве вывоза собственных продуктов. Я стремился доставить нашему населению возможность приобретать посредством ввоза из-за границы большее количество полезных предметов. Именно в интересах ввоза нашим правительством были изданы последние постановления, и всю честь этой прекрасной меры, — я говорю об отмене покровительственных законов — завершившей здание свободного обмена, я приписываю настоящему правительству и его великому канцлеру [лорду Гладстону]. Они стерли из нашего тарифа последние следы протекционных законов. Итак, вникните, я вас прошу, в те преимущества, которые представляет для нас, как народа торгового, подобная политика — преимущества, которые, по правде сказать, еще недостаточно оценены. С упразднением безусловно всех пошлин на все предметы иностранного производства, мы открыли свободный доступ в Англию всем продуктам фабричного производства подобно тому, как раньше открыли доступ в нее хлебу и сырию. Что же оказывается следствием этого? То, что все продукты иностранной промышленности могут теперь вполне беспрепятственно проникать к нам. Мы находим для них у себя широкий сбыт; иностранцы, а также австралийские, канадские и американские колонисты могут получить в наших магазинах

не только продукты нашего производства, в которых они нуждаются, но также и продукты швейцарской, немецкой и французской промышленности, что избавляет их от надобности отправляться за ними на материк. В этом и заключается для нас, народа торгового, та выгода, которую я считаю громадной, но которая только постепенно будет оценена впоследствии; пока же ей не придают должного значения. Но есть еще и другая выгода: она состоит в том, что мы получаем теперь возможность привозить к себе из Франции такие продукты, ввоз которых был до сих пор воспрещен, что принесет пользу не только французам, но и нам. Возьмем, например, вина. Всем нам известно, что в продолжение целого столетия, если не более, в силу нелепого договора с Португалией, в стране нашей действовал запретительный закон, не допускавший ввоз к нам французских вин. Следствием такого мероприятия было извращение вкуса наших соотечественников и то, что мы до сих пор совсем не знали напитка, который по своим природным качествам является в своем роде лучшим напитком в мире.

Помимо запрещения, наложенного на французские, а также на многие другие вина, за исключением португальских, мы обложили ввозимые в Англию вина такой массой пошлин, что только самые крепкие вина, моментально бросающиеся в голову, стали цениться, как стоящие того, чтобы платить за них большие деньги. Раз уж приходилось платить 6 или 9 пенсов за стакан вина, все содержимое которого едва равнялось нескольким наперсткам, то являлось желание получить, по крайней мере, что-нибудь способное

горячить мозг. Прекрасные натуральные, но относительно слабые французские вина были у нас в полном пренебрежении, хотя в других странах они считаются лучшими винами в мире. Вкус англичан испортился, и жители нашей страны, или скорее люди, имевшие достаточно средств, чтобы удовлетворять свой вкус, пили предпочтительно наркотическую смесь, известную под названием портвейна или хереса.

Один из моих друзей заинтересовался в последнее время собиранием народных баллад, с целью сделать из них выбор для составления сборника застольных песен. Я заметил, говорил он мне, что во всех этих песнях воспевалось французское вино — шампанское, бордо, бургундское, что всё это были старинные песни, сложенные еще в то время, когда наши предки употребляли преимущественно французские вина, и что с той поры, как мы потеряли возможность получать их, исчезли и застольные песни. Из всего этого он вывел то заключение, что французское вино внесло веселье и располагало к пению, употребление же портвейна и хереса являлось располагающим к отупению и сонливости.

Я не думаю вдаваться по этому вопросу в такую крайность, как один из наших друзей, потерю которого я оплакиваю, — бывший мэр города Бордо, который, приехав в Англию повидаться с нами и присутствовать на банкете в Манчестере, высказался таким образом: «Господа, — сказал он в ответ на предложенный за его здоровье тост, — когда я путешествую, у меня есть один неизменный пробный камень, помогающий верно судить о развитии цивили-

зации посещаемых мной стран. Я предлагаю вопрос: употребляют ли в этой стране кларет?» — то есть вино из Бордо. Я не стану вдаваться в такую крайность, но все же скажу следующее: с какой бы точки зрения выгоды торговли с Францией, которая дает нам возможность сбывать продукты нашей промышленности в самой обширной и самой богатой из континентальных стран, с точки ли зрения интересов народной трезвости или народного здоровья, — желательно, чтобы англичанам была предоставлена свобода вернуться по крайней мере к прирожденным вкусам и склонностям, которые проявляли наши предки, когда им была доступна, как и нам в настоящее время, возможность приобретать французские вина с уплатой умеренных пошлин или, во всяком случае, таких же умеренных пошлин, как и на другие вина. Я не льщу себя надеждой на непосредственное развитие обширных торговых сношений между Францией и Англией с завтрашнего же дня или хотя бы с будущего года. На это потребуется время; но по крайней мере мы вполне добросовестно и искренне отворили к ним дверь, и когда, по истечении некоторого времени, мы успеем исправить промахи наших отцов, я нисколько не сомневаюсь, что это великое предприятие, как и многие другие, при помощи которых нам удалось достигнуть уничтожения таможенных ограничений, будет признано вполне соответствующим самым жизненным интересам как Франции, так и нашей страны.

Сознаюсь, что задача, которой я посвятил себя, имела бы для меня лишь очень ограниченный интерес, если бы единственным результатом ее осуществления

было доставление населению возможности потреблять больше вина. Я задавался иной, более высокой целью. Цель, которую я преследовал, — ясная для всех, знающих меня, — состояла не только в увеличении материального благосостояния обоих народов, хотя сама по себе и эта цель заслуживает глубокого интереса с нашей стороны, я имел в виду, кроме этого, еще и другую цель и лелеял надежду на осуществление таких перемен, результатом которых могло бы явиться водворение более полной гармонии, как в политическом, так и в духовном отношении, между обеими странами.

Сказанное выше возвращает меня к вопросу, составляющему, как я уже сказал, предмет моего настоящего доклада. Ваш уважаемый мэр указал нам на усиленное вооружение, которым заняты в настоящее время обе нации. Занимаясь этими приготовлениями, по крайней мере, вооружением своего флота, каждая из этих стран преследует плохо замаскированную, — что я говорю? Нисколько не скрываемую цель — или нападения на соседа, или самозащиты от него, и ничего более.

Нам небызвестно, что в этом усилении наших вооружений обвиняют французское правительство и французского императора. Относительно этого-то я и хочу сегодня сказать несколько слов вам, моим избирателям, считая вполне уместным обсудить вместе с вами этот вопрос теперь, когда я впервые появляюсь перед вами после того, как в собрании, состоявшемся 1½ года тому назад, вы отказались сформировать отряд добровольцев. Я был в Париже во время этого

собрания, но это не мешало мне с громадным интересом следить за всеми его подробностями. Это был единственный митинг, на котором, среди всеобщего возбуждения и беспримерного волнения, было постановлено решение подобного рода. Не высказываясь по вопросу о добровольцах вообще, — так как я не уверен, что мне хватило бы на это времени, я хочу только сказать вам, что припоминая все виденное мною во Франции, — а я видел там очень многое, в этом вы можете мне поверить на слово, — припоминая, что никакая опасность со стороны Франции не может служить оправданием подобных приготовлений, я с уверенностью могу сказать вам, что, по моему мнению, вы поступили вполне разумно.

Я уже упоминал о тех затруднениях и препятствиях, с которыми принуждено было считаться французское правительство, чтобы довести до конца задуманную 1½ года тому назад меру — преобразование всей французской торговой системы. Обращаясь к вашему здравому смыслу, я спрашиваю вас: не служит ли это очевидным доказательством отсутствия всякой мысли о войне? Неужели вы верите в правдоподобность или вероятность слухов, распространяемых некоторыми адмиралами — один из них, к сожалению, уже умолк навсегда [герцог Веллингтон] — о французском правительстве и о намерениях Франции завести войну и овладеть Англией? Перед нами правительство этой страны, которое теперь всецело поглощено предстоящим решением труднейшей для него задачи — полного преобразования всей своей торговой системы, с целью открыть полный доступ на рынки своей страны

продуктам нашей промышленности, с одной стороны, и продуктам французской промышленности на рынке Англии, с другой. Повторяю, нет ли во всем этом чего-то такого, что должно бы заставить вас задуматься и отнестись критически к простому ipse dixit какого-нибудь слишком самонадеянного адмирала, не указавшего, однако, ни одного факта в подтверждение своих слов о намерениях французского императора пойти на нас войной, не имея к этому никакого видимого повода.

Но я не прошу вас основываться только на вероятностях. Я говорю о фактах, в которых вполне убедился, и которые я лучше, может быть, чем кто-либо другой имел возможность узнать и проверить. Утверждают, будто Франция предприняла с некоторых пор усиленное вооружение своего флота. Ну, так вот первый вопрос, с которым я и обращаюсь к вам по этому поводу: какую сумму затратила Франция на вооружение своего флота и какую сумму затратила Англия на тот же предмет? Между Францией и Англией всегда существовало как бы безмолвное соглашение, выражавшееся в известной соразмерности сумм, предназначаемых обеими странами на их вооружение. Если вы сравните флоты этих стран за последнее столетие, вы убедитесь, что в мирное время силы французского флота немного превышали половину сил английского флота. Если вы обратите внимание на издержки, то опять-таки увидите, что суммы, затраченные на морское вооружение Франции в течение данного периода, по тому же безмолвному соглашению, несколько превышали половину сумм, затрачен-

ных на этот предмет Англией. Теперь возьмем десятилетие, оканчивающееся 1858 годом. Оказывается, что и за этот период времени расходы Франции немалым превышали половину расходов Англии. Я останавливаюсь на периоде до 1858 года включительно, потому что, руководствуясь только данными французских смет, имеющих за последний период времени, мы не могли бы получить полных итогов действительных расходов. Это объясняется тем, что во Франции существует обыкновение сначала представлять в парламент смету расходов на целый год, а потом уже открывать по мере надобности дополнительный кредит, который увеличивает, конечно, общие итоги. Но по прошествии двух лет, когда балансы и окончательные счета государственного бюджета Франции рассмотрены в расчетной палате и опубликованы в так называемых «окончательных определениях бюджета» (*reglements definitifs du budget*), получают циффы, заслуживающие такого же доверия, как и всякие другие циффы. Не было примера, чтобы какая-нибудь политическая партия, — а во Франции, как вам известно, отношения партий еще более обострены, чем у нас, — или кто-либо из иностранцев усомнились без достаточных данных, после опубликования этих окончательных бюджетов, в том, что заключающиеся в них росписи расходов заслуживают полного доверия. Дождавшись опубликования последних отчетов, заключающих в себе все данные по 1858 год включительно, я и на этот раз убедился, что расходы Франции в течение последнего десятилетия, т.е. в продолжении всего царствования настоящего императора и даже до

его восшествия на престол, составляли немного более половины расходов Англии. Но в Англии стоимость военных судов на 20 процентов меньше, чем во Франции, стоимость паровых машин — на 30 процентов меньше, топливо обходится на 40 процентов дешевле, а боевые запасы — на 20—30 процентов. Каким же образом — если расходы Франции по 1858 год немногим превышали половину наших расходов, — каким образом, спрашиваю я вас, мог распространиться в 1859 году внезапный слух, будто Франция готовится напасть на нас и делает необыкновенные морские вооружения, и что для нас недостаточно уже почти удвоить свои расходы, пожертвовав крупные суммы на содержание постоянного войска, а понадобилось еще призвать мирных жителей к оружию и сформировать отряды добровольцев? Такого рода положение дел должно же иметь какое-нибудь разумное основание. Я слишком глубоко уважаю своих сограждан, даже вступая в борьбу с их очевидными для меня заблуждениями, чтобы желать пройти мимоходом, не дав объяснения, способного удовлетворить и успокоить общественное мнение. Я думаю, что буду в состоянии ответить на вопрос, которым не раз и сам задавался, предположив в устройстве нашего флота существование особенностей, способных служить кажущимся основанием для этих тревожных слухов. Эти особенности — в том, что наше адмиралтейство организовано из вон рук дурно. Этого не станет отрицать никто из находящихся в курсе деятельности этого учреждения. В прошлом году была образована комиссия, получившая от королевы поручение произвести исследование

того, как устроено заведование нашими арсеналами. Доверенные лица, участвовавшие в комиссии, произвели ревизию лесных дворов и арсеналов. Они осмотрели их тщательно. И знаете ли, какое вынесли оно впечатление? Вот сущность их доклада, изложенная в каком-нибудь десятке строк, я прочту их вам.

«Учрежденная в истекшем году королевская комиссия пришла к заключению, что контроль и администрация арсеналов не соответствуют своему назначению по следующим причинам: во-первых, вследствие несостоятельности совета адмиралтейства; во-вторых — вследствие неправильной организации подчиненных ему учреждений; в-третьих — вследствие недостаточно точного определения ответственности; в-четвертых — вследствие полнейшей невозможности произвести основательный контроль расходов ни за настоящее, ни за прошедшее время, за отсутствием точных отчетов».

Вникните поглубже, и чтобы вполне уяснить себе значение этого приговора, представьте себе, что он относится к делам какого-либо частного торгового дома. На первом месте стоит плохой состав совета адмиралтейства; это значит, что представители администрации, иначе — лица, стоящие во главе торгового предприятия, — не сведущи в нем и избраны несоответственно своему назначению. Далее следует неправильная организация подчиненных ведомств; иначе выражаясь, помощники не знают своего дела. Потом отсутствие ясно и строго определенной ответственности, иначе говоря, так называемые руководители делом, отвечая на вопрос — почему такое-то дело не

сделано? — говорят, что они в этом не ответственны. И наконец, четвертый недостаток состоит в небрежности, с которой ведутся отчеты, следствием чего является полная невозможность войти в курс дела.

Вот результат, получившийся при исследовании нашего адмиралтейства королевской комиссией в истекшем году, но и в настоящее время в палате общин учрежден комитет, которому поручено произвести новые расследования по делам адмиралтейства на основании прежних и новых показаний и раскрыть недостатки этого плохого учреждения.

Итак, я сказал, что французское правительство в десятилетний период, оканчивающийся 1858 годом, израсходовало немного больше половины суммы, затраченной нами на наш флот. Естественно возникает следующий вопрос: куда пошли эти деньги? Как распорядились члены этого адмиралтейства громадными суммами, которые они вынудили у нашего народа, изнемогающего под бременем податей? Я хочу прочесть вам одно место из показания моего уважаемого товарища, лорда Кларенса Педжета, состоящего в настоящее время секретарем адмиралтейства. В своей речи, произнесенной весной 1859 года, — я мог бы с точностью указать вам даже день произнесения этой речи, — он нападал на лиц, входивших тогда в состав адмиралтейства, а спустя несколько месяцев и сам вступил в отправление своей теперешней должности. Итак, он заявил парламенту, что, тщательно рассмотрев отчетности за одиннадцать лет, предшествовавших 1859 году, он нашел там сумму в 5 млн ф. ст., назначенную на постройку военных кораблей, но в израсходовании

которой невозможно дать точного отчета. Постарайтесь правильно понять меня. Ни лорд Кларенс Педжет, ни я вовсе не хотим сказать, что деньги эти были украдены. Люди, действия которых мы разбираем, вполне достойны уважения, с точки зрения их личной честности. Я хочу этим сказать, что они не способны спрятать себе в карман общественные деньги. Я иначе смотрю на это дело и явился сюда затем, чтобы выяснить его вам. Деньги эти просто израсходованы на бесполезные предметы. Когда представители учреждения не ответственны, когда помощники их не сведущи, когда нет заслуживающей доверия отчетности, легко предвидеть, как при таких условиях пойдет дело. Я приведу пример, который поможет вам разобраться в этом вопросе и найти объяснение занимающей нас тайны. Около 1850 года морские министерства обеих стран признали и постановили, что, благодаря применению пара к движению судов, нельзя уже рассчитывать в случае войны на употребление старых парусных судов. Вследствие этого Франция и Англия пришли к заключению, что впредь линейные корабли должны снабжаться винтовыми двигателями. Что же предприняла Франция? Во главе французского флота стоит министр, а не коллегиальное учреждение, как у нас, на членов которого даже полицейский комиссар затруднился бы возложить какую-либо ответственность. Император и министр действуют по обоюдному согласию, и они говорят следующее: так как деревянные линейные парусные суда на будущее время бесполезны, то не будем их больше строить, и они их уже не строят. Мы же, наоборот, никогда не прекра-

щали и продолжаем строить их до сих пор. Французы к своим кораблям старой конструкции, которые у них уже были, приспособили паровые двигатели и винты и таким образом сделали эти суда пригодными на случай войны. У нас, в Англии, продолжали строить новые корабли и в то же время переделывали старые, и мы, не прекращая этих переделок, принялись усиленно строить новые суда; между тем Франция, ограничиваясь лишь покупкой паровых двигателей для приспособления их к своим судам старой конструкции (в то время как мы занимались и постройкой парусных судов, и приобретением паровых двигателей), достигла своей цели с гораздо меньшей затратой времени и денег. Но почти тотчас же было замечено, что Франция, применяя этот способ, обладает, по-видимому, — по утверждению одного из членов нашего адмиралтейства, — почти одинаковым с нами количеством линейных судов. Если бы мы приняли их во внимание, то убедились бы, что относительное количество наших линейных судов настолько же преобладает над количеством французских судов, как и в 1850 году. Вот каким образом была отчасти непроизводительно истрачена та громадная сумма денег, о которой я вам говорил.

Перехожу ко времени пять лет спустя. Во время крымской кампании было замечено, что устройство железной брони для канонерских судов соответствовало своему назначению, служа прекрасной защитой для военных судов от гранат и метательных зажигательных снарядов, составлявших последнее изобретение военного искусства. Сейчас же вслед за этим от-

крытием последовало распоряжение французского императора — построить два фрегата и оковать их железной броней. Нам это не осталось неизвестным, и английское адмиралтейство представило даже доклад по этому поводу. Франция не прилагала больших стараний для ускорения постройки *Gloire*. Постройка этого судна началась в 1858 году, а окончательное снаряжение его было окончено только в 1860 году. Что же делало тем временем наше адмиралтейство? Один состав его сменялся другим, и каждый новый состав то и дело производил опыты то в Шоберинессе, то в Портсмуте, то обращался к Уитворту с просьбой, не может ли он изобрести такую пушку, которая обладала бы достаточной силой, чтобы ядром своим пробить железные щиты неприятеля. Иногда такой же вопрос предлагался сэру Вильяму Армстронгу. Вот каким забавам предавалось наше адмиралтейство. Что же делали тем временем император и военный министр во Франции? Они говорили: «Для нас самое существенное состоит в изыскании способа защиты наших деревянных судов от сыплющихся на них градом полых гранат», т.е. от тех самых взрывчатых снарядов, от которых приходится защищаться и нам. Сказав это, французское правительство принялось доканчивать постройку двух своих военных броненосцев. Но в этом не было еще никакого основания, чтобы эти броненосцы были спущены в море раньше наших. Мы назначили на это крупные суммы, мы обладаем большим количеством железа и рабочих, способных строить такие чудеса, чем Франция; нашему адмиралтейству стоило только пожелать воспользоваться всеми этими преимущест-

вами. Но у нас нет людей ответственных, нет людей, знающих свое дело, а потому ничего не было сделано. Французы окончили постройку своих броненосцев раньше нас, и вот почему со всех сторон поднялись крики, что император готовится напасть на нас.

Итак, я исследовал этот вопрос, я сам лично тщательно ознакомился с ним, а потому утверждаю, без малейшего колебания, что французское правительство никогда не помышляло соперничать с нами в морских силах и еще менее — напасть на нашу страну; говоря по чистой совести, я глубоко убежден, что это не что иное как заблуждение, как мистификация, такая же грубая и пагубная, как и все те, о которых упоминается в истории. Я уже привел вам заключение королевской комиссии относительно адмиралтейства. А вот несколько слов, произнесенных в прошлом году г-ном Гладстоном в палате общин о преобладающих чертах в характере нашей администрации общественных работ вообще.

Оратор, не колеблясь, высказался, что этими и многими другими аналогичными фактами мы были всецело обязаны плачевной организации нашего управления общественными работами. Неуверенность, нерешительность, расточительность, сумасбродство, и наряду с этим всевозможные другие недостатки соединялись, по его мнению, в нашей системе общественных работ. Во всех тех случаях, когда необходимо было принять какое-нибудь определенное решение, всегда оказывался абсолютный недостаток в направляющей и руководящей власти. Прежде чем предпринять что-либо, приходилось переходить из одной ко-

миссии в другую, из палаты общин в комитет, из комитета в комиссию, потом снова из комиссии в комитет и т.д., так проходили годы, народные ожидания не оправдывались, и общественные деньги бесполезно растрчивались. Недостатки нашей системы были таковы, что ничем, кроме полного и коренного преобразования ее, невозможно было их исправить.

Так высказался г-н Гладстон об администрации общественных работ по поводу постройки Британского музея. Но самым значительным из ваших национальных строительных учреждений является кораблестроение. Ваши кораблестроительные заводы представляют собой обширнейшие из государственных мастерских, в них на постройку судов и на машины расходуется наибольшая часть ваших денег, из них же производятся и наиболее крупные непроизводительные затраты. И как ни плоха организация нашего главного управления общественными работами, все еще мне кажется, что единогласное мнение общественных деятелей всех партий, за исключением разве полдюжины прежних и полдюжины теперешних членов адмиралтейства, состоит в том, что из всех общественных учреждений наиболее плохо организованным является то, в котором не существует строго определенной ответственности, в котором царит наибольшая расточительность, т.е. наше адмиралтейство.

Я считаю вполне уместным и своевременным говорить с вами о распространившихся ложных слухах относительно намерений и поведения французского правительства и, в частности, французского импера-

тора, так как посредством этой лжи хотят выманить из ваших карманов несколько миллионов фунтов стерлингов ежегодного налога. Но я обращаюсь к вам также в качестве вашего представителя, которому пришлось принимать деятельное участие в этом именно деле и занимать при этом очень щекотливое и ответственное положение. Я находился в Париже в то время, когда в Англии происходили все эти митинги, на которых обсуждался вопрос о своевременности формирования отрядов добровольцев. Я был там с открытым намерением попытаться заключить торговый договор между обеими странами. И когда сношения относительно условий договора были в полном разгаре, в нашей стране как раз в это самое время царили наибольшее возбуждение, беспокойство и смута, и происходило подстрекательство к публичным демонстрациям в пользу формирования отрядов добровольцев, открыто предназначавшихся для защиты нашей страны от нападения Франции.

Я затрудняюсь с точностью передать характер речей, которые тогда у нас говорились. Я припоминаю отчет об одном из митингов, состоявшемся в Сомерсетшире, более подходящее графство трудно было бы, кажется, выбрать. Один фермер говорил речь по вопросу, подлежавшему обсуждению, и когда он упомянул в ней о предполагаемом вторжении французов, кто-то крикнул: «Допустим, что они придут; какой же ценой заставите вы их заплатить вам за ваш хлеб?» На это говоривший ответил: «Ценой крови». Вот какие речи произносились в то время, и это только образчик. Вот какое настроение овладело тогда страной, в то

время как французское правительство, повторяю вам, не совершило ни одного поступка, который бы дал возможность предполагать с его стороны враждебные чувства по отношению к нам, в то самое время, когда оно стремилось к полному преобразованию своей торговой системы, преобразованию, которое являлось бы сумасбродством, чтобы не сказать чистым безумием, если бы французский император действительно имел намерение начать войну с нами. В то самое время, как он переворачивал вверх дном все интересы торгового сословия, восстанавливал против себя железозаводчиков, бумагопрядильщиков и всех крупных капиталистов, как можно было подозревать в нем намерение вести войну с нами, — войну, успех которой для него всецело зависел от поддержки со стороны тех классов, интересы которых были им затронуты? Более того, что могли бы мы думать о человеке, отличительной чертой которого мы справедливо считаем замечательный ум, если бы видели его, с одной стороны проводящим политику, имеющую в виду связать оба государства тесными узами торговой зависимости, а с другой стороны разрушающим эту самую связь (война, разрушая торговые связи, несомненно разрушает в то же время и большую часть тех тончайших духовных нитей, которые соединяют государства, как составные части одного социального целого), — что могли бы мы думать об этом человеке, заподозренным только потому, что он построил пару военных судов, будто бы в намерении совершить разбойничий набег на нашу страну? Предположим, однако, возможность такого образа действий с его стороны. Искренне уверяю вас, что прежде чем сде-

лать малейшую попытку к заключению договора, я лично обстоятельно знакомился с общим положением дел, с которым хочу ознакомить и вас.

И что же? Я могу по совести сказать вам то же, что сказал бы и французскому правительству, если бы натолкнулся хотя бы на один факт, который подтверждал бы слухи, распространявшиеся в то время в публичных собраниях в Англии, — если бы мне пришлось узнать хоть об одном действии французского правительства, способном нарушить вековую правильность соотношения между составом французского и английского флота, — я заподозрил бы французское правительство в злых умыслах по отношению к нам и счел бы себя изменником своей родине, если бы дозволил этому правительству, сам считая его способным на какие бы то ни было злые умыслы, при моем содействии обманывать или вводить в заблуждение Англию, уверяя самого себя, что я служу целям развития международной торговли, в то время как я имел бы основание предполагать, что французы руководствуются только воинственной политикой.

Я уже сказал, что до 1858 года включительно мы имеем полные финансовые отчеты, знакомящие нас со всем объемом затрат Франции на содержание флота и дающие возможность сравнить эти затраты с нашими. Но у нас нет полных отчетов за 1859 и 1860 годы, если не считать бюджетных смет, и потому я не буду говорить о затратах за эти два года. Я воспользуюсь другим средством, чтобы доказать вам, что в прошедшем году, в то время как у нас разнесся слух о грозящем вторжении неприятеля и посыпались на француз-

ское правительство обвинения в усиленных приготовлениях к внезапному нападению на нашу страну, что в прошлом году и в течение всего нынешнего года наши морские силы были более значительны по сравнению с Францией, чем, насколько мне известно, в любом из мирных периодов последнего столетия. Я говорю уже не о финансовой стороне, а о численности войска. Если вам известно количество людей, назначаемых парламентом во флот, вы всегда можете по этим данным судить о затратах на флот вообще. Это истина, которой никто из стоящих в курсе дела не пробовал опровергать. В 1860 году французское правительство определило состав флота в 34 000 матросов и юнг; в том же году нашим парламентом состав нашего флота был установлен в 84 000 матросов и юнг. Это известно мне из верного источника, и никто не станет этого оспаривать. Определяя французский флот в 34 000 матросов и юнг, я не принимаю в расчет одного документа, по которому Франция располагала бы будто 3600 человек больше, чем это было в действительности. Сопоставляя 84 000 человек английского флота с 34 000 человек французского флота, я вижу, что первый превосходит последний не вдвое или несколько больше чем вдвое, как можно было бы ожидать, а что личный состав одного относится к личному составу другого, как 5 к 2, т.е. в прошедшем году, в период переполюха, когда вас призывали к оружию для защиты родных берегов, разница между обоими флотами в пользу вашего была гораздо значительнее, чем в любой из мирных периодов, которые мне удалось рассмотреть.

Мне могут возразить, я это хорошо знаю, что во Франции часть личного состава купеческого флота занесена в списки государственного флота, что дает право правительству, в случае надобности, привлечь этих людей на службу, чего никогда не следует упускать из виду. На это я отвечаю: возьмите всех матросов французского торгового флота, способных нести служебные обязанности и прибавьте их к личному составу военного флота Франции, полученная цифра будет далеко уступать цифре личного состава нашего государственного флота. Я не принадлежу к числу тех, кто стоит за сокращение нашего флота и за хотя бы незначительное изменение нормального количественного соотношения между обоими флотами, о котором я только что говорил и которого требуют условия нашей морской службы; имейте в виду, что это мнение французское правительство вполне разделяет со мною также, как и все. Под защитой Англии находится, по крайней мере, вчетверо большее количество торговых грузов, чем это мы видим во Франции, и следовательно, содержание более сильного флота является с нашей стороны вполне законным требованием. Кроме того, наша страна представляет из себя остров, и мы не можем сообщаться с другими странами иначе, как морским путем. Во Франции, напротив, имеются сухопутные границы, посредством которых она может сообщаться с целым светом. Мы должны, к несчастью, охранять во сто раз большую территорию, чем Франция, принимая в расчет наши колонии и владения, отделенные от нас морем. Кроме того, и французская армия вдвое или втрое значительнее англий-

ской. Все это вместе дает нам право на содержание флота, стоящего приблизительно в таком количественном отношении к французскому, какое существовало в прошлом столетии. И никто не оспаривает у нас этого права. Я менее, чем кто-либо, стою за изменение этой пропорции. Наоборот, я уже высказал в палате общин и повторяю это здесь, что если бы французское правительство проявило пагубное намерение увеличить свой флот до размеров нашего, то я, попытавшись сначала привести все доводы, которые могли бы помешать такой нелепой трате денег, скорее подал бы голос за ассигновку 100 млн ф. ст., чем допустил бы, чтобы французский флот взял перевес над нашим, так как, по моему мнению, подобная попытка, не обоснованная законными мотивами, действительно свидетельствовала бы о враждебных намерениях по отношению к нашей стране.

Я объясняю все это так подробно во избежание возможности ложного истолкования или искажения моих слов. Что же отвечает французское правительство на эти изобличения его завоевательных намерений? Любопытно, как оно относится к нашим обвинениям. Французское правительство и не собирается обнародовать точную роспись своего флота и тем самым показать его незначительность по сравнению с нашим. Правительство, действуя таким образом, должно быть слишком уверено в спокойствии и безусловной выдержке населения своей страны, на что, как вам известно, у нас нельзя рассчитывать. Французское правительство оставляет без возражения наши рассказы о его флоте, ограничиваясь лишь сле-

дующим заявлением в официальных речах и в *Moniteur officiel*: Господа, мы тратим на содержание нашего флота только немного более половины той суммы, которую расходуете вы; если же мы обладаем настолько значительным флотом, что он способен внушать вам опасения, это происходит исключительно благодаря нашему умению распорядиться своими денежными средствами.

Я не обвиняю себя в том, что остановил так долго ваше внимание на этих соображениях: они лежат в основании гораздо большего количества предубеждений, чем это предполагают люди, поверхностно смотрящие на дело. Но теперь я оставляю их в стороне и прихожу к главному вопросу. Какие изменения можем мы произвести в нашей системе? Каким образом могут быть произведены мирные преобразования, граничащие с коренным переворотом, о котором говорит г-н Гладстон? Говоря откровенно, они никогда не осуществляются при содействии парламента. Если же они не могут быть осуществлены помимо парламента, то на осуществление их вовсе нельзя рассчитывать. Это заставляет меня коснуться предмета, о котором я рассчитываю поговорить с вами в другой раз, уже специально с целью его обстоятельного рассмотрения. Но это наталкивает меня также на вопрос о современной организации нашего парламента и наших партий. Мы находимся тут в безвыходном положении. Ссылаясь на мнение моих друзей — мэра Брайта, г-на Базлей, сэра Чарльза Дугласа и других членов парламента, — если я не ошибаюсь, присутствующих на этом собрании — повторяю, что мы,

члены палаты общин, попали в безвыходное положение. Мы бессильны что-либо сделать. В одном году власть находится в руках одной партии, в следующем — в руках другой, и ни одна из этих партий не желает ничего делать из боязни через год лишиться власти и уступить свое место другой партии. Таким образом, и те, кто находится у власти, и те, кто находится вне ее, стараются ничего не делать. Возьмем самую сильную партию в палате общин и ее предводителя: если бы ему вздумалось утверждать, что необходимо положить на стол апельсин так, а не иначе, хотя другая партия утверждала бы противное, никто не мог бы помешать ему сделать так, как он хочет. Вы видите, таким образом, на что мы понапрасну теряем в палате время, принадлежащее нашей родине. Если я говорю все это, то мной руководит отнюдь не личный интерес, так как очень возможно, что я уже не буду играть деятельной роли, когда осуществится желанная мной реформа. Но я имею в виду вас, людей, которые моложе меня, людей, стремящихся сделать свою родину достойной ее прежней славы, составляющих сущность и силу ее будущего поколения, и вполне искренне говорю вам, что если наш народ, — я говорю не только о массах неизбирателей, но и об избирателях, благодаря которым мы очутились в безвыходном положении, — если наш народ не примет серьезного и энергического решения устранить помимо парламента то зло, на которое я указывал, ваша парламентская организация, организация ваших арсеналов и управлений общественными работами — придет в состояние полного упадка, способного обессла-

вить представительные учреждения, унаследованные вами от ваших предков.

Когда я имел честь в последний раз обращаться к вам с речью, я говорил о парламентской реформе. Это было сейчас же по возвращении моем из Америки. В последние два года я не присутствовал в парламенте. Я ничего не знал, что там происходило. Я помню только, что однажды мой друг г-н Брайт по дороге в заседание рассказывал мне о предстоявшем докладе в палате общин по вопросу о некотором расширении избирательных прав и выражал надежду на решение этого вопроса в смысле, согласном с нашими взглядами. Но если только я правильно понял смысл прений, происходивших за мое отсутствие в парламенте, то вопрос этот, по моему мнению, менее всего может считаться разрешенным. Я понял так, что партии, пока они стояли у власти, высказывали прекрасные взгляды на вещи и изъявляли готовность внести предложение относительно парламентской реформы, но, раз попав в оппозицию, они забывали свои обещания. Мне думается даже, что тогда их речи и подача ими голосов находились в прямом противоречии с прежними их заявлениями. Теперешнее правительство тоже выдвинуло бы вопрос о парламентской реформе, но мы видим, что один из министров уже отступился от нее. Я порицаю его не столько за то, что он отсрочил, в сущности, решение вопроса на год, до ознакомления с результатами переписи, сколько за те неблагоприятные приемы, которые он употребил с целью затянуть решение. Но вот, наконец, перепись окончена. В распоряжении нашем имеются, по крайней

мере, отчасти и в существенных чертах, главнейшие результаты переписи, произведенной в 1861 году. Она дает вам целую массу, целый арсенал фактов, с которыми должны обстоятельно ознакомиться все те, кто действительно интересуется дальнейшими судьбами своей родины, фактов, которые они должны положить в основание агитации, в основание великого движения в пользу полного и коренного преобразования нашей представительной системы.

Но я имею в виду не одно только расширение избирательных прав: без нового распределения избирательной власти в этом смысле вы не можете долее существовать. Обратите внимание на факты, данные переписью. Вы видите, что в некоторых графствах наши крупные города и крупные фабричные центры процветают. Вы видите, что там усиливается рост населения и увеличивается богатство края. И наряду с этим, вы встречаете другие местности, как Линкольн, Кембридж, Суффолк, Букингем, Дорсетшир и Уилтшир, где количество народонаселения или падает, или остается на прежнем уровне. Но, вступив в палату общин, вы не можете не заметить, что именно эти земледельческие области, стоящие на точке замерзания, и их городские населения, продолжающие еще существовать, хотя в 20—30-ти из них население страшно уменьшилось за последние 10 лет, повторяю, вы не можете не заметить, что представители этих именно неподвижных провинций и вымирающих поселений стоят у власти, т.е. управляют страной, если только она управляется кем-нибудь. Я смело могу сказать, что страна наша не управляется никем, потому что

наша парламентская система дошла до полного отрицания всякой системы. Если вы хотите вдохнуть новую жизнь в дело преобразования палаты общин, то этого можно достигнуть не иначе, как дав новое обоснование политическим партиям и осуществив на деле представительство, которое в настоящее время не что иное, как фикция. Пока вы не дадите политическим партиям и правительству нашей страны реального обоснования, вместо тех фикций, на которых они покоятся в настоящее время, вам не удастся прекратить этой достойной траты времени и денег, свидетелями которой вам придется быть в настоящее время.

Предположим, что вы достигнете нового распределения избирательных прав в смысле распространения их, с соблюдением справедливой пропорциональности, на богатые и населенные части нашей страны. Но знаете ли вы, что представлял бы из себя первый парламент, избранный после того, как удалось бы осуществить эту реформу? Этот первый парламент представлял бы из себя, по всей вероятности, правительство, могущее рассчитывать на сохранение власти, если не для своего наличного состава, то для своей партии, по крайней мере в течение 5—6, даже 10 лет. В составе этого парламента была бы и своя оппозиция, но оппозиция, которая не грозила бы стать у власти завтра, через неделю или через год. С момента возникновения этого парламента оппозиционная партия оставила бы в стороне все эти вопросы о преобразовании парламентской организации. С одной стороны, у нас было бы правительство и партия, стоящая у власти, задачей которых несомненно было бы стремление

преобразовать ныне существующий порядок вещей и внести лучшую систему управления общественными делами, чем та, которую так красноречиво изобразил г-н Гладстон. С другой стороны, у нас была бы оппозиционная партия, не могущая, конечно, рассчитывать на достижение власти в следующем году, но не лишенная надежды своим образом действий и своей деятельностью заслужить доверие страны и достигнуть власти по прошествии нескольких лет, как мы это уже видели на примере сэра Роберта Пиля. Эта оппозиция могла бы рассчитывать достигнуть понемногу большинства в палате общин и, таким образом, стать у власти. Тогда партии делали бы, действительно, осязательное, прочное и полезное для страны дело. Вы посылали бы в палату общин людей, воодушевленных, подобно нам, говоря без ложной скромности, не стремлением к собственной выгоде и удовлетворению личного честолюбия на поприще общественной деятельности, а желанием провести в парламенте меры, которые они считали бы полезными для блага страны. При таких условиях мы могли бы сознавать, что наше присутствие в палате имеет целью борьбу, и как следствие ее, достижение результатов, достойных затраты человеческой энергии. О, иногда я с грустью заглядываю в прошлое, и мне стыдно становится за палату общин при воспоминании о том времени, когда я впервые вступил в это собрание, когда направления обеих великих партий были так резко разграничены, когда мы могли надеяться достигнуть в конце пути высшей награды, достойной разумных человеческих стремлений и затраты молодости и сил. Но теперь какого удовлетво-

ния можно ожидать для понимаемого в таком смысле честолюбия общественного деятеля?

Я набросал вам программу будущего лишь в самых общих чертах. Последовательное выполнение этой задачи, если стране суждено достигнуть процветания, выпадет уже на долю будущих поколений.

Но прежде чем кончить, я должен сказать несколько слов по вопросу, всецело овладевшему нашими умами, и на который нам ежедневно приходится наталкиваться. Мне хочется поговорить о том, что происходит в настоящее время по ту сторону Атлантического океана. Моего друга Брайта и меня прозвали «двумя депутатами Соединенных Штатов». Мы имели возможность наблюдать в течение двух лет применение в этой стране экономии в общественном хозяйстве и принципа невмешательства, и убедились в удобоприменимости этих начал и в европейских государствах. Не желая распространяться по поводу той прискорбной борьбы, театром которой была Америка, я скажу только одно: я глубоко надеюсь, что принцип невмешательства не будет нарушен американцами, несмотря на отправку нами в Канаду двух или трех тысяч солдат. Пусть наши американские друзья не усматривают в этом факте доказательства нашего недоверия к ним или желания поставить их в затруднительное положение; это свидетельствует лишь о том, что мы все еще остаемся верными политике, которой придерживаются у нас в Горс Гуардсе всякий раз, когда возникают какие-либо несогласия.

Я получил письменные запросы от нескольких лиц о том, какого мнения я придерживаюсь по вопросу о принципах кооперации, которые пытаются теперь

применять в нашей местности. Я всегда радуюсь при виде каждой попытки, — и считаю полезным для наших капиталистов взглянуть на это дело с моей точки зрения, — при виде каждой попытки, говорю я, перекинуть мост через пропасть, разделяющую до сих пор класс капиталистов и класс рабочих. Я заклинаю тех и других хорошенько вникнуть в затруднительность их положения. Я заклинаю рабочих признать, что капитал есть не что иное, как накопленный труд, что труд есть не что иное, как зародыш будущего капитала, и что ни один из обоих классов, ни рабочие, ни капиталисты, не может процветать без одновременного процветания другого; если бы я собирался сказать еще хоть слово теперь, когда темные тучи собираются на горизонте, я скорее обратился бы с призывом к благоразумию, чем стал бы возбуждать страсти. Я предложил бы рабочим остановиться на одну минуту и подумать, прежде чем приступить к трате своего заработка, добытого таким тяжелым трудом, и спросить себя: есть ли разумное основание надеяться получить за умеренную цену сырье для обработки его затем посредством машин, и нельзя ли опасаться при этом массы случайностей, способных временно затормозить ход нашей промышленности? Что касается меня, то я открыто заявляю, что верю в будущность этой местности и вообще Ланкашира. Конечно, затруднительное положение, в котором теперь находится Америка, временно может стеснить, даже совершенно расстроить ход нашей промышленности, но я предвижу, что результатом настоящего положения дел явится ее процветание в будущем. Я надеюсь, что всё происходящее в настоящее

время обратит на себя внимание в других частях света, везде, где только имеется возможность поставлять сырье для наших фабрик, и что это вызовет усиленное производство этого сырья, благодаря чему в будущем мы не будем уже стоять в исключительной зависимости от одной страны.

В сущности, я давно уже пришел к заключению, что в такой цивилизованной и промышленной стране, как наша, почти невозможно продолжительное существование серьезных препятствий на пути к ее благосостоянию, которое необходимо должно явиться и явилось уже в нашей местности, благодаря способностям и упорному труду ее населения. Я очень сожалею и всегда сожалел, что самая значительная, самая искусная и самая полезная промышленная деятельность, когда-либо существовавшая в нашей стране, почти исключительно зависит пока в деле снабжения ее сырьем от такого учреждения, как рабство, учреждения, дни которого сочтены, и на поддержание которого ни один из порядочных людей не может призывать благословение свыше.

Господа, я сказал вам все, что собирался сказать. Вы еще услышите, и я уверен, что слышали уже много речей по поводу происходящей реакции. Вас будут уверять, что все становятся консерваторами. Ну так знайте же, что мы, именно мы, как я думаю, более всего были консерваторами. Я думаю, что я сам, друг мой Брайт и другие лица, которых я вижу теперь вокруг себя, подававшие голос в продолжение 20 лет за мероприятия, казавшиеся крайне революционными, что мы были величайшими консерваторами нашего времени. Тем же, кто утверждает, что мы теряем

почву, между тем как все консерваторы овладевают позицией, я отвечу вопросом: что разумеете вы под словом консерваторы? В ком вы видите консерваторов? Не в тех ли людях, которые стремились помешать отмене хлебных законов или непременно восстановили бы их, если бы только это было в их власти? Не в тех ли людях, которые восставали против введения свободы печати и непременно восстановили бы стесняющие ее законы, если бы только это зависело от них? Если под словом консерваторы вы понимаете людей, стремящихся к прогрессу, то действительно мы консерваторы. Но если название это применяется к людям, отрицающим всякое движение вперед или даже стремящимся к обратному движению, то я смело утверждаю на основании опыта, что подобные консерваторы являются самыми опасными разрушителями, какие только могут существовать в человеческом обществе. Итак, я не боюсь ни прогресса, ни свободы, ни процветания промышленности для нашей страны. Вот все, что я могу вам сказать: ознакомьтесь обстоятельно с отношениями, существующими между вашей страной, с одной стороны, и Францией и другими государствами, с другой, не позволяйте себя ни морочить, ни запугивать до полного невнимания к местной общественной деятельности. Всмотритесь в настоящее положение политических партий. По вопросу о представительстве в парламенте старайтесь добиться реформы, которая даст возможность вашим представительным учреждениям действовать в целях развития процветания страны, которое не переставало идти вперед с момента принятия билля о реформе.

Речь о государственных заводах и мастерских

Палата общин. 22 июля 1864 года

В этот день Кобден в последний раз говорил в парламенте; речь его была посвящена требованию сокращения или даже полной отмены государственных заводов и других учреждений этого рода, с целью предоставить частной промышленности снабжение администрации необходимыми материалами и продовольствием.

«**Я** сожалею, что, вследствие представившейся для многих из нас необходимости отложить очередные доклады почти на 15 дней, мне невозможно было раньше представить палате свое мнение по настоящему вопросу. Вопрос этот имеет большую важность не с одной только финансовой точки зрения, он касается также защиты и безопасности государства. Выступая в качестве защитника принципа, что правительство не должно само становиться производителем того, что оно может купить у частной промышленности, я не являюсь выразителем какой-нибудь новой для палаты доктрины. Напротив, эта именно политика всегда была политикой самой палаты, а противоположная система, практиковавшаяся в продолжение только нескольких лет, шла в разрез с мнением, много раз выраженным парламентом. Я мог бы указать на известную речь об экономической реформе Эдмонда Бёрка, который еще в 1780 году в чрезвычайно красноречивом и убедительном изложении выставлял мотивы,

вследствие которых правительство не должно заниматься производством необходимых для него предметов, а должно, напротив, всецело положиться в этом на содействие частной предприимчивости.

В 1828 году, еще до реформы, один из комитетов палаты внес доклад, в котором есть, между прочим, параграф, посвященный и этому вопросу. Там говорится: «Комитет не может относиться со слепым доверием к представляемым некоторыми административными учреждениями доводам против заключаемых с публичных торгов контрактов на поставку, равно как и к выдвигаемым этими учреждениями доказательствам в пользу работ, предпринимаемых непосредственно ими самими. Этот последний прием ведет за собой привлечение к делу большого числа должностных лиц, чиновников, мастеров и рабочих; увеличивает не только существующую теперь ответственность министерских департаментов, но и кажущееся их важное значение. Комитет, под влиянием лишь нескольких неудач, не может позволить себе высказаться против системы контрактов. Он держится того мнения, что большая часть неудач должна быть приписана скорее невежеству или небрежности тех, кому было поручено выполнение контрактов, чем самой системе контрактов».

Вот сущность того, что и я хочу сказать. Я постараюсь только несколько развить это положение и, если мне это удастся, я надеюсь, что меня не обвинят в большем недоброжелательстве к должностным лицам, чем то, какое проявил комитет в 1828 году. По различным поводам некоторые стороны этого вопроса обсуждались уже при рассмотрении вопроса относительно по-

ставки специальных предметов, и при этом всегда приводились исключительные мотивы, заставляющие нас в одной специальной отрасли промышленности отдавать предпочтение государственным заводам. Результатом этого было то, что министерства мало-помалу принялись содействовать все большему и большему развитию таких заводов, достигших в настоящее время громадных размеров. Спрашивается: как могло случиться, что мы, руководившиеся в продолжение 20 лет в нашей торговой политике принципами самой неограниченной конкуренции, в уверенности, что это является единственным средством для достижения совершенства и устойчивости производства, — как мы могли именно теперь, когда наша частная промышленность больше чем когда-нибудь в состоянии удовлетворить требованиям правительства, позволить министерствам основать эти гигантские правительственные монополии? Этот результат, по моему мнению, должен быть приписан слабости исполнительной власти. Боюсь, что в продолжении многих лет государственное казначейство только в самой слабой степени практиковало контроль над различными министерскими департаментами, и главы этих министерств, чувствуя, что поводья ослабли, взяли власть в свои руки и пустились в широкие промышленные предприятия против воли, — я не могу в том сомневаться, — против воли палаты и всей страны. Опыт доказал, как мало пользы в попытках палаты исправлять, посредством учреждения различных комитетов, ошибки исполнительной власти. Вмешиваясь в подробности правительственных обязанностей,

вы неизбежно делаете этим больше зла, чем добра. Вы унижаете этим исполнительную власть во мнении должностных лиц и берете на себя невозможную работу, так как министерства только посмеиваются, видя, как парламент вникает в подробности внутреннего управления. Сверх того, если правительство и допустит попытки парламента контролировать эти подробности, то оно этим самым как бы откажется от своих прав, но вместе с тем и от своей ответственности. В последние годы у нас существовали при палате различные комитеты: и по вопросу об артиллерии, и по вопросу о броненосных судах, и по другим отраслям исполнительной власти, обязанной заботиться о безопасности и защите государства. Если бы это происходило в начале моей парламентской деятельности, когда сэр Роберт Пиль был первым министром, он протестовал бы против учреждения подобных комитетов, которое было бы равносильно выражению недоверия. Он сказал бы: «Если вы находите, что я недостаточно удовлетворительно руковожу администрацией, попросите кого-нибудь другого взять это на себя». По моему убеждению, палата может оказать весьма полезное влияние, устанавливая принципы, которыми исполнительная власть должна руководствоваться, но законодательной власти невозможно переходить за эту черту и вмешиваться без вреда для дела в подробности управления страной. Система, провозглашаемая мной, такова: следует воспретить правительству производить прямой своей властью какие бы то ни было предметы, которые могут быть произведены, при условии свободной конкуренции,

частной промышленностью, и если мы с некоторого времени придерживались в этом отношении ложного направления, то следует, насколько это возможно, стараться возвратиться к прежней системе.

Чтобы лучше уяснить палате, до чего доведена система, против которой я восстаю, считаю нелишним привести несколько цифр. В 1849/50 году я принимал участие в одном комитете, на который было возложено произвести исследование нашей артиллерии. Мы нашли тогда, что общая сумма заработной платы, уплаченной в этом году рабочим военных мастерских в Соединенном Королевстве и в колониях согласно назначениям парламента, достигала 141 330 ф. ст. А в текущем году я уже вижу, что мы назначили по тем же статьям на уплату жалованья рабочим, занятым в наших военных производствах, включая сюда и обмундировочные мастерские, сумму в 584 000 ф. ст., т.е. в четыре раза больше, чем сколько было назначено в 1849/50 году. Заработная плата, определенная в настоящем году только для одного вулвичского пушечно-литейного завода, простирается до 144 000 ф. ст., т.е. суммы, превышающей общую цифру заработной платы во всех подобных учреждениях в 1849/50 году. До Крымской войны и во время нее английское правительство не отлило ни одной пушки, не сделало ни одного ядра или гранаты. Мы покупали все наши артиллерийские принадлежности в мастерских Каррона в Шотландии, у *Low Moor Company* или у *Gospel Oak Company* гг. Уолкеров. Когда вспыхнула Крымская война, начальником артиллерии был мой друг, достопочтенный депутат от Лимерика [г-н Мон-

сель], и я боюсь, что именно его следует обвинить в том, что он, так сказать, способствовал развитию зародышей того рокового явления, на которое мне теперь приходится жаловаться. По его собственному свидетельству и по свидетельству достопочтенного капитана Боксера, лаборанта в Вульвиче, они по предварительному между собою соглашению сделали следующее заявление: «Если бы мы не поскупились затратить 7000 ф. ст. на установку необходимых приспособлений, мы могли бы сами изготовлять наши бомбы и ядра». Этим-то и было положено начало тех дорогостоящих, занимающих целые гектары земли, мастерских, которые можно видеть в настоящее время в Вульвиче. Очень немного времени спустя капитан Боксер уже говорит: «Мы в состоянии сами делать для себя бомбы и имеем возможность скорее, чем частная промышленность, применить новейшие изобретения к изготовлению гранат. Займемся же сами изготовлением для себя гранат». Вследствие этого было израсходовано 10 000 ф. ст. на обзаведение машинами, необходимыми для производства гранат и ядер. Некоторые показания перед севастопольским комитетом выясняют один очень любопытный факт: из них я вижу, что имя достопочтенного депутата от Лимерика упоминалось с порицанием, причем его обвиняли в том, что он действовал без согласия своих товарищей. Я за это не осуждаю его: мы были на военном положении, и оба они — и капитан Боксер, и он — явили доказательства энергии, достойной всякой похвалы, но я сообщаю эти факты, чтобы показать вам, каким путем шло развитие учреждений этого рода. Еще

один шаг в том же направлении, после установки необходимых приспособлений для отливки бомб и гранат, привел к обзаведению станками обтачивания и сверления пушек. Тогда решено было, вместо того, чтобы приобретать пушки, изготовленные в мастерских *Low Moor Company*, покупать у того же общества только чугунные болванки для пушек, а затем сверлить и обтачивать их уже в Вулвике. Вслед затем немедленно возникла новая мысль: почему бы нам самим и не отливать наши пушки? Это было бы гораздо лучше, чем покупать болванки у *Low Moor*, и тотчас же были устроены для этого необходимые приспособления. Но здесь возникло новое затруднение. Как я вам уже говорил, в Англии есть 2 или 3 торговых дома, где можно с полной безопасностью покупать артиллерийские принадлежности: *Low Moor Company* и *Gospel Oak Works* гг. Уолкерров. Когда у *Low Moor Company* отливается 68-фунтовое оружие, то не только выбирают из заготовленного на собственных заводах чугуна, вообще хорошего, чугун специальных качеств, но еще прибавляют к нему, для достижения лучшей плавкости, особый уголь, только что добытый из почвы. На этот раз, однако, общество отказалось продавать в Вулвич чугунные болванки, так что после установки всех необходимых для отливки пушек приспособлений, явился недостаток в хорошем чугуне для литья. Тотчас же обратились на общий рынок, закупили чугун обыкновенного качества и соорудили около сотни пушек. Но я уверен, что из этих 100 пушек ни одна никогда не была в деле; утверждали, что они заржавели; но так или иначе они никогда не употреблялись. И вот, из-

расходовав бесполезно 200 000 ф. ст., пришлось бросить все устроенные в Вулвиче приспособления для отливки пушек.

Потом наступает второй акт пьесы. Правительству представилась необходимость озаботиться приобретением нарезных орудий. Не успела явиться эта потребность, как нашлись и инженеры, а именно г-н Уитворт, сэр Вильям Армстронг, капитан Блекли, г-н Ланкашир и г-н Лейнал Томас, предложившие свои услуги удовлетворить возникшую потребность. Было бы весьма благоразумно сказать этим изобретателям: “Конкурируйте друг с другом, совершенствуйте ваши системы, сделайте несколько пушек, и тот из вас, кто достигнет лучших результатов, получит наш заказ”. Но вулвичский завод хотел обеспечить за собой производство нарезных артиллерийских орудий, и его должностные лица, а в том числе некоторые даже очень высокопоставленные люди, казалось, потеряли голову, точно охваченные каким-то безумием, при появлении пушки сэра Вильяма Армстронга. Один знаменитый герцог, как рассказывают, утверждал, что пушка сэра Вильяма Армстронга только что не говорит; другой, тоже очень известный офицер, объявил, что в ней осуществлены чудеса тысячи и одной ночи. Беру на себя смелость сообщить вам одно соображение. Мне кажется, что следовало бы установить на будущее время, чтобы высшие офицеры нашей армии, в тех случаях, когда явится необходимость делать выбор между теми или иными артиллерийскими принадлежностями, поступали так, как это принято на военных советах, т.е. чтобы предоставляли сначала вы-

сказаться младшим офицерам, потому что, если главнокомандующий выскажет по отношению к какому-либо образцу свое восхищение, то мало вероятности, чтобы низшие по рангу офицеры выразили несходное с ним мнение. Кроме того, я придерживаюсь того мнения, что власти должны бы в подобных случаях следовать обычаю, принятому в торговле, и не превозносить похвалами вещь, пока она не куплена. Как бы там ни было, а в том случае, который нас занимает, результат был тот, что сэр Вильям Армстронг, тогда еще просто г-н Армстронг, решил презентовать свою привилегию на изобретение военному министру. Бесспорно, ценный подарок, если это точно был подарок. Привилегия была передана статс-секретарю по военным делам, и затем была заключена сделка, которой я, признаться, до сих пор хорошенько не пойму. Кажется, сэр Вильям Армстронг должен был получать, в продолжение 10 лет по 2000 ф. ст. в год за наблюдение над применением к делу его изобретения. Это условие было написано задним числом, за 3 года, и 6000 ф. ст. были уплачены сразу. Вслед за тем сэр Вильям Армстронг назначается инспектором службы нарезной артиллерии. Военный министр пускает в ход в Элсвике, в Нортумберленде, завод, принадлежавший раньше сэру Вильяму Армстронгу, и вот у нас выплачиваются таинственные авансы, достигающие 85 000 ф. ст. Немедленно после этого наши вулвичские заправилы вводят и у себя производство того же рода, так сказать, с целью контролировать элсвикские цены. Ничего не может быть забавнее, как видеть, с какой наивностью вулвичские директора ста-

рались доказать назначенному палатой комитету, что они в Вулвиче производили пушки дешевле элсвикских, как будто эти два предприятия не были в сущности одним, и не возникли оба, благодаря стараниям правительства, на народные деньги. Комитет, очевидно, был не в состоянии хоть сколько-нибудь разобратся в отчетах вулвичского завода и в своем докладе принял решение, требующее их исправления. Вот добросовестный исторический очерк — с чем, надеюсь, согласится и достопочтенный депутат от Лимерика, — очерк возникновения и дальнейшего развития нарезной пушки Армстронга. Эта пушка должна была изготовляться из кованого железа, причем устройство ее основывалось на принципе скручивания железных полос, и заряжаться с казенной части.

Конечно, не с целью унижить сэра Вильяма Армстронга, человека несомненно высокого ума в области механики, я считаю уместным здесь упомянуть, что общий отзыв людей науки был неблагоприятен его изобретению, неблагоприятен как относительно системы заряжения пушки с казенной части, так и относительно материала, из которого она должна была изготовляться. Но обстоятельство, на которое я хочу обратить особенное внимание палаты, заключается в следующем: правительство основало завод и директором его назначило изобретателя, получившего привилегию на изготовление особого рода пушек. К чему же это привело? А к тому, что г-н Уитворт, тоже бывший в числе соискателей, ясно увидел, что он в сущности должен представить свою пушку на испытание и одобрение своего главного соперника. Было еще

много и других кандидатов, но я указываю особенно на г-на Уитворта, так как все, кто его знает, не могут не признать в нем одного из самых видных практиков инженерного дела своего времени, как не могут не признать и того, что система, помешавшая ему выступить конкурентом в деле, с которым он был близко знаком, являлась ничем иным, как плохой системой. Да и не одни инженер-механики были отстранены таким образом. По всеобщему мнению, разделяемому и в настоящее время, главная задача, которую тогда предстояло решить, состояла не в устройстве нарезки и в форме пушки, а касалась скорее материала, из которого делалась пушка. И вот уже в продолжение десяти лет мы идем по пути, который без всякого сомнения позволит нам, в тех случаях, когда мы найдем это для себя выгодным, употреблять сталь там, где мы теперь употребляем железо. Г-н Бессемер тоже был в числе соискателей со своим изобретением, касающимся именно удешевления производства стали. Из разъяснений, данных капитаном Скоттом артиллерийскому комитету, мы узнаем, что г-н Бессемер говорил ему, что он хотел представить на рассмотрение правительства свой проект металлического салона, который, по его убеждению и по убеждению многих других, должен был одержать верх над кованым железом; но что видя сэра Вильяма Армстронга во главе дела он отказался от своей мысли. Из другого показания мы узнаем еще, что гг. Уолкеры, директора мастерских в *Gospel Oak*, изготовившие несколько самых лучших литых пушек, сделали подобное же заявление, говоря, что пока сэр Вильям Армстронг за-

нимает такое привилегированное положение, им не остается ничего более, как отказаться от поставки пушек. И вот палата назначила артиллерийский комитет, заседавший в 1862/63 году. Прочтя подробное описание заявлений, сделанных этому комитету, я не могу скрыть, что был крайне удивлен той легкости, с которой эти заявления были преданы забвению, не будучи даже доведены до сведения палаты. Я считаю моего друга, достопочтенного депутата от Лимерика, председательствовавшего в этом комитете, ответственным в этом упущении, хотя и другие члены комитета едва ли могут быть свободны от порицания. Показания, сделанные перед комитетом, выяснили факты в высшей степени важные и даже чудовищные. Так, например, было выяснено, что у нас имелось от 2500 до 3000 пушек системы сэра Вильяма Армстронга, что официальная цифра произведенного на этот предмет расхода простиралась до 2½ млн ф. ст., но я уверен, что он был гораздо значительнее. Было также выяснено, что 100 из этих пушек самого большого калибра были сделаны без всяких предварительных опытов и испытаний. Чтобы избежать обвинения в придиричивом отношении к результатам произведенного комитетом расследования, я хочу привести вам несколько выдержек. Герцог Сомерсетский, глава адмиралтейства, так выразился в своем показании в прошлом году: «Вся артиллерийская наука находится в настоящее время в переходном состоянии, и когда меня спрашивали в этом году — какую систему пушек я предпочитаю для флота, я вынужден был признаться, что, если говорить правду, я еще не составил себе об этом определенного мнения».

Не забудьте, что в то время, как давалось это объяснение, было уже изготовлено до 3000 пушек системы Армстронга. Его светлость разъяснил также, что для правильных сражений старая 68-фунтовая пушка, изготовленная в мастерских *Low Moor*, представляет собой все-таки лучшее из всего, что мы имеем, и, вероятно, комитет единогласно подтвердил в своем докладе, что старая 68-фунтовая пушка должна быть признана, следовательно, наиболее способной справляться с железной броней. Комитет в заключение говорит: «12-дюймовая пушка Армстронга — хотя некоторые свидетели указывают, что это оружие слишком сложно для нижних чинов, — вообще признается удовлетворительной, но преобладающее мнение является, по-видимому, неблагоприятным всякой системе заряжения с казенной части для пушек большого калибра».

Комитет рекомендует сделать опыты над различными системами. Он рекомендует также более удобопонятное ведение отчетности вулвичского пушечно-литейного завода (*Нет!*). Я передаю это, быть может, не в тех выражениях, какие употребил комитет, но именно таков смысл сказанного. Он заявил, что не может понять отчетов. Я хотел бы еще прибавить несколько слов одного морского офицера, очень серьезно изучавшего этот вопрос. В письме, помеченном 30 июня этого года, адмирал Галстед высказывает свое мнение в следующих выражениях: «Итак, наиболее могущественный и наиболее дорогостоящий во всем мире флот, которому вверена охрана самой обширной морской державы, уже давно является в гла-

зах всех, кроме самой Англии, не имеющих ни одной пушки, приспособленной к особенностям современного ведения войны, и обладателем пушек особого образца, не годных ни для какого вида войны».

Я вас спрашиваю: можно ли такое положение дел назвать удовлетворительным? И к такому ли положению мы должны были прийти, израсходовав почти 3 млн ф. ст. и изготовив около 3000 этих пушек? Адмирал Галстед, в другом письме, называет это положение дел «крупным безрассудством 1859 года».

Каков же был результат полученных комитетом выводов? Результат тот, что по нашему настоянию в Шоберинессе была произведена целая серия оглушительных опытов с пушками сэра Вильяма Армстронга и г-на Уитворта. Таким образом, вы начали с того, что затратили из государственного казначейства громадные суммы на оплату заказов, сделанных одному из двух изобретателей-соперников, и только потом стали пробовать, чьи пушки лучше. Но, по крайней мере, можно было бы утешиться, если бы действительно произведенные опыты имели в виду сравнение употребляемых нами пушек Армстронга с пушками г-на Уитворта. Но как обстоит дело в действительности? Если мне верно передавали, первоначальная пушка системы Армстронга, именно та, которой мы обзавелись, которая, так сказать, находится в деле, — вовсе не та пушка, которую выставил на испытание сэр Вильям Армстронг. Мне говорили, что для производства испытаний отказались от первоначальной пушки, заряжающейся с казенной части, и около 3000 экземпляров которой находятся у нас на руках, и за-

менили ее другой, усовершенствованной пушкой. Я читал в отчете об опытах, появившемся на днях в Таймс, что первоначальная пушка, заряжавшаяся с казенной части, не была представлена на испытание. Как видите, все эти обстоятельства не очень-то утешительные при том положении дел, в котором мы находимся.

Я прошу палату хорошенько вдуматься в то, что хотят нам сказать, утверждая, что у нас нет пушек для флота. Ведь есть же у нас полевые 12-дюймовые орудия на случай войны на суше — где-нибудь в Китае или в Новой Зеландии; речь идет также и не о полевых орудиях против такого неприятеля, который высадился бы в Англии, чтобы сражаться с нами. Когда я говорю, что у нас нет пушек для флота, я имею в виду пушки, с которыми можно было бы вступить в морской бой. Припомните, что капитан Купер Колез говорит о 110-фунтовой пушке Армстронга, как о снаряде, пригодном только для преследования или, как говорят на морском языке, только для того, чтобы «повытрясти блох у беглеца». Итак, мы должны решительно сознаться, что у нас нет пушек, приспособленных для современного ведения морской войны. Почтенный депутат от Стирлинга [г-н Керд] утверждал как-то — и в этом вопросе мы не можем сослаться на более высокий авторитет, — что половина населения названного округа в течение уже трех лет питается хлебом и продовольствием, доставляемыми из-за границы. Таким образом мы находимся в положении гарнизона, который в деле снабжения его провиантом полагается на то, что пути сообщения не будут захвачены

неприятелем. И что же? Если после всего, что мы израсходовали, у нас нет пушек, с помощью которых наш флот мог бы бороться в море против неприятеля, не думаете ли вы, что противник ваш будет так безрассуден, что соблазнится возможностью вторжения и явится сражаться с вами на суше? Нет, уж если за ним останется преимущество на море, он будет блокировать вас и голодом принудит вас к сдаче. Мы можем существовать как самостоятельная нация только при том условии, если будем хозяевами наших морских сообщений. Однако, вы видите, как те, которые правят нами, заботятся об охране этих сообщений!

Итак, вот в чем заключается весь секрет наших неудач: правительство не понимает того, что значит умение купить; вся трудность его положения происходит от того, что оно неспособно к исполнению таких обязанностей, как покупка с соблюдением осмотрительности и благоразумия. Самое благоразумное, чего нам следовало держаться со всеми этими учеными, когда они явились со своими усовершенствованными орудиями, это поощрить их к продолжению работ и обещать, что предоставим заказ тому из них, кому наиболее посчастливится в этом деле, и при этом, пожалуй, несколько помочь им на первое время, но только очень немногим. Я думаю, что сэр Вильям Армстронг нуждался для начала не более, как в 12 000 фунтов, и что г-н Бессемер приступил бы к производству своих стальных пушек, если бы ему дали только 10 000 фунтов; я не сомневаюсь, что за сумму менее чем в 10 000 фунтов правительство могло бы оказать поддержку по крайней мере полдюжине производств, которые

бы друг перед другом старались бы взять на себя поставку пушек. Но правительство никогда не поймет этого, пока палата не настоит, чтобы оно на стороне покупало все необходимые принадлежности, вместо того, чтобы производить их самому. Если оно не способно купить необходимые ему предметы на общем рынке, то можете ли вы предположить, что оно будет способнее в разрешении более трудной задачи — самому производить все это? Я хочу показать вам, к какому положению привела нас как нацию принятая правительственная система.

Мы вынуждены констатировать, что иностранцы вооружены гораздо лучше нас, хотя все их вооружение было заказано и изготовлено в частных мастерских нашего отечества. Те же самые инженеры, которых правительство оттолкнуло, с которыми оно отказалось войти в соглашение, воздвигли заводы артиллерийских принадлежностей. Г-н Уитворт основал товарищество для производства пушек. Говорят, что и сэр Вильям Армстронг, обязанности которого в Эльсвике пришли к концу и который получил от правительства 65 000 фунтов в виде вознаграждения, основал в Эльсвике пушечный завод, и, не будучи более связан с правительством, стал производить теперь свои 600-фунтовые пушки для иностранных государств. В четверти часа езды — завод, на котором сверлят 600-фунтовые стальные пушки; этот завод, отвергнутый нашим правительством, получает, говорят, дюжинами заказы на эти чудовищные пушки, тогда как мы находимся еще в периоде экспериментов в Шоберинессе над пушками 70 и 110-фунтовыми.

Я сказал все, что хотел, по вопросу об этом колоссальном промахе, допущенном в нашем артиллерийском деле. Теперь, чтобы дать вам еще одно доказательство того, как необходимо для правительства научиться покупать, позвольте мне сказать, в виде примера, еще слово о нашем ручном оружии. Если мы заглянем лет на десять назад, мы увидим, что тогда все ружья покупали мы у поставщиков, правительство не производило ни одного ружья. То же было и во время Крымской войны. И я могу при этом отметить, что артиллерийские принадлежности, поставленные во время войны, были весьма удовлетворительны. Артиллерийские принадлежности и ручное оружие были поставлены в армию и во флот лицами, получившими поставку с торгов, и об этих поставках говорилось с большою похвалою в донесении севастопольского комитета 1855 года — в донесении, в котором в то же время осуждались комиссариат, медицинский корпус и другие части военного управления. Итак, до 1855 года, как я уже сказал вам, мы покупали всё наше ручное орудие у частных поставщиков. Но, как думает палата, правительство производило эти закупки? А вот что я расскажу вам об этом в доказательство неспособности правительства делать закупки. Если уважаемые сочлены захотят обратиться к заявлениям, сделанным в комитете о малом вооружении 1854 года, они увидят, что правительство имело обыкновение покупать оружие по частям. Оно входило в соглашение в Бирмингеме, в Уеднесбюри и в других местах с одним фабрикантом относительно ружейных прикладов, с другим — относительно стволов, с третьим —

относительно замков и так далее, так что получалась дюжина контрактов на поставку различных частей оружия. Все эти отдельные части отправлялись затем в артиллерийское депо, а оттуда потом передавались целому корпусу специальных предпринимателей, которые уже собирали их и делали ружья. Таким образом, те, которые доканчивали производство ружья, никогда не соприкасались с поставщиками отдельных частей, система, как видим, очень искусно задуманная, чтобы помешать всякому усовершенствованию. Г-н Уитворт и г-н Насмит — два выдающихся человека, заявления которых были выслушаны комитетом, — восставали против нелепости применения подобной системы, в то время, когда было налицо много крупных капиталистов, готовых взять на себя поставку ружей целиком. Само правительство жаловалось, что вследствие стачек, вспыхивавших иногда между рабочими, оно часто не могло с желательной скоростью получать свои ружья. «Но почему же, — возражали ему, — вы не разместите заказов у капиталистов, которые ввели у себя необходимые приспособления для производства ружей целиком?» При этом приводились доказательства, что практиковавшаяся система закупок отдельными частями только увеличивает поводы задержек вследствие стачек, так как если, например, были в стачке рабочие, делавшие замки, то в зависимости от этого происходила задержка и в сборке всего ружья. Несмотря, однако, на все старания, правительство не вняло этим доводам, и знаете ли вы, до какого средства оно додумалось, чтобы оградить себя от затруднений, на которые жаловались? Вместо

того, чтобы улучшить систему закупок, оно решило, что ему будет гораздо удобнее изготавливать ружья самому, вследствие чего артиллерийский департамент представил на рассмотрение комитета 1854 года план учреждения в Энфилде громадного казенного завода нарезных ружей. Комитет высказался решительно против проекта, и я счастлив, что вижу в числе присутствующих здесь депутата от Северного Уорвикшира, который принимал участие в этом комитете. «Если вы желаете, — сказал он, — видеть в производстве ружей применение лучших приспособлений, хорошо, пусть так, тогда нужно серьезно заняться этим вопросом, но из этого вовсе не вытекает необходимость завести казенный оружейный завод». В своем докладе он с большой силой восставал против учреждения правительством этого громадного завода, «потому что, — говорил он, — вы этим убьете частную промышленность, которую было бы благоразумнее поддерживать ввиду могущей возникнуть в будущем надобности в ней». Как бы там ни было, правительство послало в Америку за приспособлениями, необходимыми для обзаведения завода. Полковник Кольт, американец, приблизительно в это время проведенный у нас целый год, предлагал приобрести у него все необходимые заводские принадлежности, но вместо того, чтобы поощрить какой-нибудь торговый дом Бирмингема или Лондона, открыто взявшись за дело и подрядиться на поставку необходимых орудий производства, правительство поспешно принялось за приспособление для своих целей энфилдского оружейного завода. На этом заводе, где работало прежде

от 60 до 70 рабочих, стало работать с того времени от 1200 до 1500 человек. Я не хочу сказать, что оружейный завод в Энфилде плохо действовал до сих пор и не оказал никаких услуг. Само собой разумеется, что если вы установите почти автоматические приспособления и станете работать безостановочно, трудно, чтобы в конце концов вы не достигли благоприятных результатов; но всё же этим вы отстраните от данного производства всех тех, которые могли бы поставить это дело на независимом и более прочном основании. Но на основании только прошлого нельзя ещё судить о будущем этого учреждения. А в самом деле, в каком положении находится в настоящее время завод в Энфилде? Ведь там совсем нельзя уже больше работать, так как нельзя уже продолжать производство ружей единственного образца, по которому они непрерывно изготовлялись до сих пор, — а именно ружей образца 1853 года. Комиссия выяснила, что ружье г-на Ланкастера лучше ружей старого образца, а публичные испытания показали, что и ружье Уитворта также лучше их. Вот почему благородный лорд, депутат от Гаддингтоншира [лорд Элко] и предложил на настоящем заседании отклонить кредиты, испрашиваемые на энфилдские ружья, так как это ружья более низкого качества, производство которых, следовательно, необходимо прекратить. Итак, если необходимо оставить производство этих ружей и начать делать другие, вы опять наталкиваетесь на затруднения, встречающиеся всегда на казенном заводе, у которого имеется свой собственный, но зато и единственный клиент. Во время такого переходного периода,

по мере того как производство сокращается, цены каждого отдельного продукта производства увеличиваются, потому что на каждый из них падает доля постоянных расходов. Чтобы избежать этих последствий и в то же время дать занятие вашим рабочим и другим причастным к производству лицам, вы все будете делать попытки продолжать производство предметов, в которых вам, собственно, нет надобности, и в конце концов будете завалены товарами, купить которые вам воспрепятствовало бы благоразумие, если бы вам пришлось обратиться за ними к частным производителям.

Повторяю, я не хочу утверждать, что энфилдский завод, производивший только ружья одного образца и работавший безостановочно, не окупал своих расходов. Но вот балансы оружейного завода и, как придаточного учреждения к нему, порохового завода, балансы, внесенные в бюро палаты, и относительно которых мне хотелось бы сделать несколько замечаний. Я вижу, что они подписаны Гартингтоном, в качестве помощника статс-секретаря по военным делам, но я советовал бы благородному лорду не ставить больше своего имени под каким-нибудь другим из подобных балансов, потому что, могу его уверить, это документы, которые не вызвали бы к себе снисхождения, если бы им пришлось предстать перед торговым судом по делам о банкротствах. Они не делают ему чести, как не делают чести и коммерческой нации, какова наша, одним представителем которой он является. Я хочу обратить ваше внимание на некоторые факты, которые могут быть поставлены на вид по этим

балансам. В том из них, который помечен 31 марта 1863 года, говорится, что все оружие, сделанное в течение года в Энфилде, обошлось правительству в 199 177 ф. ст. стерлингов, тогда как, если бы его купить на стороне, оно стоило бы 356 177 ф. ст., и что в экономии, таким образом, получилось бы 157 201 ф. ст. Количество ружей показано в 71 590, причем сказано, что изготовление при содействии частной промышленности обошлось бы по 63 шиллингов 1 пенсу за штуку. Между тем, один мой знакомый, занимающий одно из самых выдающихся положений в промышленности Бирмингема, сообщил мне, что в том же самом году правительству предложено было купить такие ружья по поставке по 50 шиллингов, т.е. на 13 шиллингов 1 пенс дешевле цены, якобы запрошенной частной промышленностью. Дальше говорится, что 13 780 карабинов, сделанных в Энфилде, стоили по 94 шиллинга 7 пенсов за штуку, если бы их купить у частных производителей. Но то же лицо сообщило мне, что в минувшем январе, при посредстве нашего военного министерства, заключена была торговая сделка с турецким правительством на поставку ему этого рода оружия по 65 шиллингов 9 пенсов, т.е. опять-таки на 28 шиллингов 10 пенсов дешевле цены, показанной в балансе в качестве справочной цены частной промышленности. Есть еще 13 000 карабинов, записанные, на основании якобы цен частной промышленности, по 63 шиллинга 7 пенсов, но которые, как говорит мой корреспондент, можно получить по 50 шиллингов. Итог излишка этих чрезмерных оценок, только по трем предметам, составляет 73 000 ф. ст. Мне могут

возразить, что баланс, из которого я беру эти цифры, относится к 1862/63 году, тогда как приведенные мной цены частной промышленности относятся к текущему году. Я сделал то же замечание лицу, на авторитет которого я опираюсь, и получил ответ, что и в прошлом году, если бы потребовалось, можно было бы приобрести оружие, о котором идет речь, приблизительно по тем же ценам.

Вы никогда не сможете заставить директоров этих казенных учреждений понять, что капитал, который они пускают в дело, есть в сущности те же деньги. Действительно, какие это деньги для них? Он им ничего не стоит, и получатся ли у них с этого капитала прибыли или убытки, они никогда не увидят своих имен в *Лондонской газете*, в списке несостоятельных должников. Для них этот капитал — полнейший миф: это нечто реальное только для плательщиков налогов. При обследовании парламентскими комиссиями наших правительственных заводов, вы всякий раз наталкиваетесь на затруднения, лишь только захотите заставить директоров этих учреждений понять, что они должны бы давать прибыль на капитал, платить за наем земельных участков, а также вести счет погашения стоимости машин и всей вообще материальной части предприятия. На оружейный завод в Энфилде затрачены громадные капиталы. Основной и оборотный капитал, вложенный в материалы и машины, постройки и земельные участки, достигает, как видно из самих балансов, до 350 000 ф. ст. Частный промышленник не преминул бы прежде всего исключить со счета прибылей на вложенный в дело ка-

питал причитающиеся на него проценты или доход от арендной платы, которую могло бы доставить все приобретенное на него недвижимое имущество, в противном случае он рисковал бы очень скоро увидеть свое имя в *Лондонской газете*.

Управления, публикующие подобные отчеты, проявляют этим недостаток уважения не к одним только к себе самим. Нельзя не видеть также оскорбления и унижения для частной промышленности в этом стремлении показать, при помощи ложных балансов, разницу в суммах действительной якобы стоимости оружия и той, которая получилась бы при закупке его у частных предпринимателей, причем будто бы обнаруживается, что все эти ружья обошлись нам в 199 177 ф. ст., тогда как, если бы мы их купили у частных заводчиков, мы заплатили бы за них только 356 378 ф. ст., т.е. на 157 201 ф. ст. более. Одна заработная плата рабочим за отчетный год выразилась в общей сумме на 135 700 ф. ст., а нас хотят уверить, будто получили 157 201 ф. ст. экономии против того, что должны были бы заплатить частным предпринимателям. Но ведь все мы знаем, что за всем необходимым для производства, кроме труда рабочих, правительство обращается к тем же источникам, что и частная промышленность. Ведь у него нет еще пока собственных железных рудников и каменноугольных копей, и за всем сырьем оно неизбежно должно обращаться на общий рынок и покупать на тех же условиях, как и частные заводы. И однако, оружейный завод в Энфилде претендует на то, будто ему удалось сэкономить больше общей суммы годовой заработной платы. Нам хорошо известна ис-

тория двух цыган, продававших метлы: «Как это, — спрашивает один, — ты можешь продавать свои метлы дешевле меня, когда я ворую все необходимое для их изготовления?» — А! — отвечает другой, — это потому, что я ворую уже совсем готовые метлы». По правде говоря, я не был бы в претензии, если бы благородный маркиз [Гартингтон], которого я настойчиво считаю ответственным за отчеты, скрепленные его подписью, если бы он захотел хорошенько объяснить мне, как это он умудряется делать такие фокусы.

Переворачиваю две страницы этого доклада о правительственных заводах и останавливаюсь на пороховом заводе в Уолтэм Абби. Это учреждение занимает 160 акров земли, на которой оно старается выращивать лес, предназначенный на заготовку собственного древесного угля, имеет значительные гидравлические двигатели, обширные жилые и рабочие помещения и, разумеется, богатые механические приспособления. Дела завода идут неважно. В отчетах его приведена цифра годового производства, выразившаяся в 14 526 бочонках пороха, стоимость которого самому заводу определена в 34 747 ф. ст. Затем после обычного исключения расходов — но без включения в их суммы процентов на капитал, погашения движимости и т.д., — нам объявляют, что эти 14 526 бочонков пушечного пороха, если бы они были поставлены частной промышленностью, стоили бы 79 993 ф. ст., и что, таким образом, и этот завод доставил якобы правительству экономии 45 185 ф. ст. Нет, повторяю, что для страны, именуемой страной коммерческой, подобные отчеты, публикуемые за подписью «Гартингтон», со-

ставляют позор; да они ничего и не доказывают, кроме того разве, что все, что может сказать по этому поводу благородный маркиз, не имеет никакой цены. Но благородный маркиз слишком умен, чтобы его можно было заподозрить в опубликовании подобных разъяснений по собственному почину; очевидно, он пересказывает урок, который его заставили затвердить, и, следовательно, все, что он может сказать, не заслуживает ни малейшего внимания.

Посмотрим теперь, как управляется этот пороховой завод. Основной капитал, заключающийся в постройках, гидравлических двигателях, машинах и пр., вместе с оборотным капиталом достигает 300 000 ф. ст., и в отчете нет никаких указаний на отчисление процентов с этой суммы. Земельная площадь оценена в 20 000 ф. ст., но нигде нет и намека на включение в счет расходов арендной платы за эту землю; ничего не отчислено также на налоги, равно как и на страховку. Я справлялся у одного лица, очень хорошо осведомленного в этом деле: какие отчисления обыкновенно принято делать в частной промышленности на страховку пороховых заводов. Вы хорошо знаете, что ни *Royal Exchange*, ни общество Феникс не очень-то любят принимать на страх подобные рискованные предприятия. И мною установлено, что частные промышленники отчисляют в этих случаях на страхование 25%. Ничего подобно не делается в Уолтэм Абби.

Полагаю, что сказанного вполне достаточно, чтобы доказать вам, что администрация этих правительственных заводов ничего не стоит, что на ней не лежит никакой ответственности, что причины, по-

буждающие частных предпринимателей относиться экономно к деньгам и избегать убытков, — здесь не действуют, и что, наконец, осуждая побудительные причины, необходимые во всяком человеческом начинании, администрация эта не способна правильно вести дело.

Позвольте мне на минуту коснуться еще одного вопроса, а именно вопроса об обширных мастерских для заготовки обмундирования. Ведь граф де Грейэнд-Рипон в качестве директора военного департамента не только самый крупный заводчик артиллерийских орудий и ружей, но еще и самый крупный портной в мире. (*Взрыв смеха.*) Вы смеетесь, но действительно все работы этого рода исполняются от его имени, а потому он является и ответственным за все. (*Взрыв смеха.*) Вам смешно при одной мысли, что лорд де Грей должен входить во все эти мелочи, но неужели не важно для государства то, что такое громадное предприятие остается в сущности без всякого контроля? Около десяти лет тому назад была изменена административная система снабжения армии обмундированием, и вместо особых военных чиновников, заведовавших обмундированием, была принята система закупок платья. Эта система практиковалась несколько лет, и достопочтенный генерал Пиль ввел даже одно улучшение в бюро закупок. До него закупки производились отдельными предметами — покупались отдельно пуговицы, шнурки и собственно одежда, но этот доблестный офицер настоял на том, чтобы закупалось полностью готовое платье. В показаниях перед организационной комиссией армии этот

уважаемый офицер, а также главнокомандующий и еще один свидетель утверждали, что измененная таким образом система действовала очень хорошо. Но в то время уже составилась заговор, чтобы отнять у частной промышленности заготовку платья для армии и передать это дело в руки правительственных должностных лиц. Заговор назревал тайно. Сначала учредили в Вулвиче небольшую мастерскую для заготовки обмундирования для артиллерии и инженерных войск. Это учреждение должно было ограничиться только этой поставкой. Потом завели еще небольшую мастерскую в Уоксгалле для заготовки гвардейских мундиров.

Чтобы представить вам еще пример тех обманчивых оснований, на которых покоятся все эти правительственные заводы и мастерские, я хочу сделать краткое извлечение из показания, данного пред комиссией закупок, заседавшей в 1858 году, сэром Бенджаменом Гаусом, штатным помощником секретаря при военном министерстве, — а нам всем известно, как часто штатный чиновник знает в делах гораздо больше своего начальства. Он явился в комиссию собственно затем, чтобы ответить на один предложенный ему вопрос, а именно, чтобы дать сведения, во что обходится казне обмундирование одного солдата. Но в комиссии нашелся деловой человек, мой уважаемый друг, депутат от Ньюкасла-на-Тейне [г-н Джексон], который, не доверяя представленным цифрам, снова поднял вопрос и произвел перекрестный допрос сэру Бенджамену Гаусу.

— Вы указали комиссии цену, в которую в настоящее время обходится правительству обмундирова-

ние одного человека, включив в нее все расходы по приготовлению платья?

— Да.

— За исключением расходов на администрацию и проч.?

— Да.

— А скажите: проценты на капитал должны быть присчитаны к стоимости платья?

— Непременно.

— Ну, а арендная стоимость земельного участка также?

— Непременно.

— А случайные расходы и все прочие неподвижные издержки также?

— Да.

— Ну, а расходы по доставке, канцелярские расходы — чернила, бумага, перья и вообще все, что необходимо для ведения дела?

— Да.

— Следовательно, то, что вы нам показываете, не есть собственно точная сумма, показывающая, во что обходится государству обмундирование одного человека, так как если вы оплатите сверх того все только что перечисленные мной расходы, то цена, указанная вами, не будет в точности соответствовать тому, во что вам действительно обошлось обмундирование одного солдата?

— В сущности, нет.

— Значит, ваш счет ложен?

— Да, он неполон.

А вот вам еще и другая выдержка из показаний того же лица. Желая быть справедливым к моему по-

койному другу, сэру Бенджамену Гаусу, я должен прибавить, что он никогда и мысли не допускал о правительственных обмундировочных мастерских, поставленных на такую широкую ногу, как это сделано в настоящее время. Что же касается обмундировочной мастерской для гвардии, учрежденной за год перед тем в Уоксгалле, то он советовал только немного расширить ее, чтобы она могла одевать лишь один или два линейных полка. Один из членов комиссии сделал ему следующий запрос:

— Если я вам хорошо понял, вы предлагаете нам расширить учреждение не до такой степени, чтобы одевать всю армию, но лишь настолько, чтобы изготовлять часть обмундирования для некоторых полков, дабы иметь возможность судить о настоящей стоимости заготовки?

— Да, я надеюсь, что никогда не увижу учреждения одной большой правительственной мастерской, одевающей всю армию. Конечно, чем больше будет учреждений, предназначенных давать указания и образцы, тем лучше. Но я боюсь всех этих крупных правительственных мастерских. Весьма желательно, чтобы к правительственным мастерским предъявлялись лишь минимальные требования, в целях получить при их посредстве необходимые указания, а затем пусть частная промышленность страны производит остальное.

Но в тот самый момент, когда давались эти показания, и когда было уже известно, что палата решила отказать в своем согласии на расширение обмундировочных мастерских, затевался настоящий заговор,

имевший целью предоставить военному департаменту заготовку обмундирования для всей армии за весьма малыми исключениями. В Пимлико строилась громадная фабрика и, я предполагаю, на очень дорогом месте, так как сумма, выведенная в расход как плата за наем земельного участка, показана от 2000 до 3000 ф. ст. в год. И теперь там заготавливается обмундирование для всех полков, за исключением длиннополых мундиров для какой-нибудь полусотни батальонов, т.е. за исключением приблизительно одной десятой общей заготовки обмундирования армии, мне кажется, что изъятие это сохранено лишь с той целью, чтобы дать возможность благородному маркизу уверять палату, что министерство не пользуется монополией. Что же касается отчетов администрации, заведующей обмундированием, то они всего менее соответствуют действительности. Так, например, в эти отчеты никогда не включалась цифра постоянных расходов и процентов на капитал, составлявшая около 15 000 ф. ст. в год, а также оставались без внимания налоги и другие сборы. Когда я при этом еще подумаю о хищениях и подлогах всякого рода, которым так подвержены подобные учреждения, где материалы для работы должны быть изрезаны на куски, я вынужден признать, что это одно из самых неблагоприятных предприятий, какое только можно было затеять.

Еще раз повторяю, что в отчетах этих учреждений вы никогда не найдете открытых кредитов на уплату налогов, пошлин, на освещение и другие подобные расходы. А ведь это просто обман. Если правительство берет на себя поставку обмундирования, оно этим

самым вытесняет другие производства этого рода, которые оплачивали бы все подати и налоги, включая и подоходный налог. Возьмем крайний случай, предположим, что все фабрики страны находятся в ведении правительства, и что все они вследствие этого освобождены от налогов: откуда канцлер казначейства возьмет тогда средства на покрытие расходов?

Перехожу теперь к управлению королевскими кораблестроительными мастерскими, к которому все сделанные мною замечания применимы еще в большей степени, чем ко всякой другой отрасли управления. У нас уже происходило много прений, посвященных этому предмету, и всякие комитеты и комиссии без конца делали доклады по этому вопросу. Наши прения в продолжение последних лет клонились к тому, чтобы помешать, насколько это возможно, адмиралтейству продолжать производство работ, как нам известно, совершенно бесполезных, помешать постройке деревянных судов, когда всему свету стало известно, что теперь нужно строить суда из железа, наконец, воспрепятствовать изготовлению больших трехпалубных судов, когда все техники убеждены, что для экипажа это были бы настоящие бойни, если бы эти суда попали под удары новейших метательных снарядов. Каково же было стремление адмиралтейства во все это время? Директора корабельных мастерских старались идти наперекор воле парламента, заставляя его под всевозможными предлогами утверждать кредиты на закупку дерева, они даже покупали строевой лес на кредиты, разрешенные на изготовление железных судов, дабы, имея в своем распоряжении этот ма-

териал, употребить его, представив какое-нибудь оправдание, на постройку устарелых военных судов.

Скажу без обиняков, что я имею в виду при этом достопочтенного депутата от Дронтовига [сэра Джона Пакингтона] и благородного лорда секретаря адмиралтейства, и только затрудняюсь определить, который из них заслуживает большего порицания за представление проектов, не могущих привести ни к чему другому, как к совершенно напрасной трате денег, а ведь предусмотреть это лежало на их обязанности. Если я все-таки считаю более ответственным благородного лорда, то это потому, что из них двоих, как мне известно, он был более в курсе дела. Но, вероятно, нашлось бы кое-что сказать и о другом. Имея в своем распоряжении крупные производства, работающие только на одного клиента, эти люди, в переходные периоды, подвергают опасности безработицы громадное число рабочих. Это зрелище не может не оказывать воздействия на людей, исполненных чувства гуманности и сознающих вместе с тем, что от их воли зависит дать средства к жизни этим несчастным. Что же удивительного после этого, что они, под влиянием своих чувств, поступают против здравого смысла и решаются продолжать работы в то время, когда их следовало бы совершенно прекратить? Нет никакого сомнения, что не будь этого, мы сохранили бы много миллионов, израсходованных на постройку судов, не имеющих никакой цены; теперь же у нас имеется с полсотни, а то и целая сотня больших деревянных судов, которым вовсе не следовало бы существовать, и которые никогда ни для чего не понадобятся, причем постройкой

их мы обязаны главным образом этой системе, при которой правительство является иногда вынужденным во что бы то ни стало дать занятие рабочим. Если бы вы не были сами судостроителями, а являлись простыми покупателями, то можно ли предположить, что вы приобрели бы хоть одно из этих деревянных судов, бесполезных и устаревших? Я обращаюсь к моим уважаемым коллегам другой стороны палаты в надежде, что в этом случае и они присоединят свои усилия к моим. Говорят, что они вполне расположены выказать щедрость по отношению к армии и флоту. Но я думаю, что никакая партия этой палаты не может быть заинтересована в том, чтобы проматывать общественное достояние на эти правительственные затеи. Находят, что я вообще не люблю подавать голос в пользу кредитов на армию и флот, но зато я всегда держусь принципа хорошо платить рабочим, и, будучи вполне убежден, что можно бы, по крайней мере, ограничиться гораздо меньшим количеством их, я охотно увеличил бы заработную плату сравнительно с тем, что они получают в настоящее время. Но вы не можете проявить такого великодушия по отношению к рабочим, пока будете мириться с такой сумасбродной тратой денег, как содержание этих крупных правительственных заводов, — не можете потому, что все расходы, поглощаемые ими, скрываются под рубрикой «армия и флот», и увеличивают в глазах народа итоги сумм, расходуемых на эти отрасли администрации.

Я вас спрашиваю: почему бы не воспользоваться настоящим моментом и не начать делать с корпусами кораблей то же, что вы делаете уже с паровыми ма-

шинами; почему бы не начать покупать их, предоставив адмиралтейским мастерским совершенно достаточную для них работу — заниматься лишь ремонтом? В чем опасность или затруднение такого изменения системы? Или вы думаете, что строители на частных верфях не смогут исполнить работу так же хорошо, как и адмиралтейство? Водоизмещение судов, которые в настоящее время ежегодно строятся на наших частных верфях, превышает, как мне помнится, 500 000 тонн, и в течение последнего года у нас построили 15 военных судов, водоизмещением приблизительно по 40 000 тонн, для правительств следующих стран: Дании, Италии, Испании, России, Турции, Пруссии, Китая, Перу, Португалии, а также две плавучие батареи, которые, как уверяют, предназначены для Соединенных Штатов. За исключением одного небольшого судна в 500 тонн, которое сделано из дерева, все эти суда, как мне говорили, железные. Уж не предполагаете ли вы, что частные производители, строящие столько судов, не смогут сделать корпусов для наших военных кораблей? Ведь покупаете же вы у представителей частной промышленности самую важную составную часть ваших пароходов, требующую от строителя и самого большого искусства, и безусловной добросовестности. Ведь покупаете же вы все ваши паровые машины на частных машиностроительных заводах. Помню, мне приходилось заседать в 1848 году в одной комиссии по морским делам, которая была организована как раз вовремя, чтобы воспрепятствовать адмиралтейству приняться за изготовление паровых машин. Тогда комиссией было установлено правило, применяемое и

до сих пор, что адмиралтейство должно ограничиваться только починкой машин, но никак не заниматься их производством. Это правило дало удивительные результаты: машины представляют единственную отрасль в наших морских сооружениях, на которую вы никогда не слышите жалоб. Никогда не назначалось никаких комиссий палаты, никогда не заносилось в голубую книгу никаких требований об улучшении конструкции паровых машин для нашего флота. Затруднения, встречавшиеся в мастерских адмиралтейства, касались только конструкции корабельных корпусов. Но почему бы, спрашивается, систему, давшую такие прекрасные результаты в деле приобретения машин, не применить к приобретению целых судов? Теперь, когда входят в употребление броненосные корабли, вы находитесь в самых подходящих условиях для того, чтобы осуществить перемену системы в этом смысле. До сих пор вы не обзавелись еще необходимыми приспособлениями, чтобы изготовлять броню для своих броненосцев; но я совершенно уверен, что если бы только палата согласилась, администрация нашего кораблестроения не преминула бы начертать в самом скором времени проекты для плющения железа на своих заводах.

Есть один аргумент, правда, очень старый, который приводится обыкновенно в защиту сохранения этих казенных заводов в небольших размерах, а именно, что необходимо немного производить самим, чтобы иметь возможность делать сравнения и контролировать, таким образом, требования поставщиков. Аргумент этот мог до известной степени не вызывать

возражений прежде, когда существовала лишь незначительная конкуренция, но мы живем теперь в такое время, когда вполне возможно обойтись и без этого способа контроля. Все эти громадные судостроительные и пушечные заводы, крупные торговые дома по оптовой заготовке платья большими партиями, — разве они не лучше контролируют друг друга в силу конкуренции, чем вы сами могли бы это сделать? Если казенные заводы станут добросовестно вести свою отчетность, придется удостовериться, что правительство, не получая при ведении небольшого дела обыкновенных для частных заводчиков выгод, производит все по очень высокой цене, и поставщики потребуют, чтобы им платили по этой же цене, так как, по теории правительства, эта цена и является типичной. Но если, с другой стороны, отчеты будут составляться так же, как те, о которых я говорил, то вы жестоко ошибетесь: все уважающие себя заводчики отвернутся с презрением и негодованием от предложений заключения торговых сделок и откажутся от каких бы то ни было сношений с подобной администрацией. Да и помимо этого, разве не восторжествовал уже над этим аргументом полный успех наших морских машин, достигнутый без содействия хотя бы одного из предлагаемых теперь контрольных приемов? Уже одно то, что всем нам прекрасно известно о расхищениях, производившихся столь долгое время, уже одно это может служить достаточным доказательством необходимости перемены. Я разговаривал как-то с одним известным судостроителем и вот в существенных чертах то, что он мне сообщил:

«С 1859 по 1863 год включительно, т.е. в течение 5 лет, было израсходовано на заработную плату рабочим в морских мастерских — на постройку, починку и вооружение флота, на паровые машины, на суда, построенные с торгов, на новые работы, усовершенствования и исправления на верфях, всего 24 350 000 ф. ст. И что же? Несмотря на то, что сюда включена стоимость всех броненосцев, как построенных, так и строящихся, что сюда присоединены громадные суммы, израсходованные на сооружение совершенно бесполезных деревянных судов, и очень щедро исчислены расходы на вооружение и ремонт, все же в составе вышепоказанной суммы останется более 10 млн ф. ст., для объяснения расходования которых ни один частный судостроитель не найдет достаточно разумных оснований».

Я припоминаю, что благородный лорд-секретарь адмиралтейства тоже заявлял как-то, некоторое время тому назад, что он решительно не в состоянии напасть хоть бы на какой-нибудь след многих миллионов фунтов, расхищенных или израсходованных в казенных судостроительных мастерских, и я полагаю, что не менее безуспешно занимался подобными изысканиями и мой друг-судостроитель. Говорят, что поддерживая производственные мощности наших правительственных заводов, мы, в случае если вспыхнет война, будем в состоянии употребить их на изготовление наших вооружений. Но с этой точки зрения, мне кажется, уж гораздо скорее можно бы говорить в защиту моей системы, которая настаивает на передаче работ частным заводам, чем отдавать предпочтение

действующей ныне системе. Если бы наши частные судостроители работали для нашего правительства столько же, как и для заграницы, мы имели бы дюжину или даже около двадцати крупных торговых домов, занимающихся постройкой военных судов не только для нас одних, но еще и для доброй половины всего света. Точно также, если бы правительство сохранило вулвичские мастерские исключительно для починки, или если бы даже оно совсем закрыло их и заказывало свои боевые наряды и припасы частным промышленникам, мы имели бы в своем распоряжении с полдюжины, а то и десяток, смотря по надобности, крупных промышленных учреждений, производящих орудия и амуницию как для нашего, так и для иностранных правительств. При настоящем состоянии цивилизации, состоянии, надо сказать, очень низком, когда ни одна страна не чувствует себя в безопасности, в особенности если говорить о небольших государствах, но когда, к счастью для человечества, развиваются механические науки, преимущество всегда будет на стороне тех, которые держатся в оборонительном положении, в особенности, если нападающая сторона находится в некотором отдалении.

Я склонен думать, что те иностранные государства, например, южно-американские государства, Япония и другие, которые вздумают вооружиться, чтобы быть готовыми к отражению неприятельских нападений, не перестанут закупать боевые запасы в очень большом количестве. Я не хочу этим сказать, что они будут не правы, поступая таким образом, так как, чем сильнее какая-нибудь нация, тем меньше для других

соблазна нанести ей оскорбление. Но посмотрите, каково бы было ваше положение, если бы вы приняли мою систему, в случае возникновения войны. Вы могли бы тогда запретить вывоз судов и боевых запасов и внезапно очутились бы в исключительном обладании всеми ресурсами частных заводов, работавших до того не только для вас одних, но сверх того еще и для иностранных держав; между тем, с другой стороны, иностранные правительства оказались бы при этом лишенными тех средств, на которые рассчитывали. Я не знаю другой комбинации, которая давала бы вам возможность желать подготовку к войне на более удобных и выгодных условиях.

Есть, однако, и еще одна причина, в силу которой две системы заготовления боевых принадлежностей — с одной стороны, путем производства их самим правительством, а с другой — путем закупки у представителей частной промышленности, — являются несовместимыми. Как известно, на директоров казенных заводов возложена обязанность закупки всех боевых предметов, в которых нуждается наше правительство. Так, полковник Диксон, директор оружейного завода в Энфилде, или один из его подчиненных, делает все закупки ружей, и в Бирмингеме очень жалуются на недостаток при этом законности, на тот факт, что осмотр ружей частных производителей производится их соперником. Вулвич, в свою очередь, представлял пример такой же несообразности, когда сэру Вильяму Армстронгу предоставлено было судить о качестве произведений его конкурентов. Само собой разумеется, что директору какого-нибудь предприятия, ко-

торое само занимается производством всегда выгоднее отдать предпочтение своим собственным изобретениям или произведениям и чернить произведения своих соперников. Вспомните, например, случай с башенным броненосцем капитана Купера Колза. Изобретатель был посторонним лицом нашей морской администрации, и не подлежит сомнению, что агенты ее оказали сопротивление быстрому осуществлению на практике его изобретения, — сопротивление, хотя и не слишком явное, но тем не менее достаточно сильное. Я живу недалеко от Плимута и сам видел, как происходило дело. Уже около четырех лет, как Колз предложил правительству свой проект. Но после его предложения прошло более двух лет, прежде чем приступили к разборке, и к обшивке броней судна *Royal Sovereign*, чтобы переделать его в башенный броненосец. Я не хочу сказать ничего оскорбительного для этого джентльмена и не сомневаюсь в его талантах. Мы, жалующиеся иногда на рутину, не имеем права сетовать, видя человека, приглашенного не из административных сфер и занимающего важный пост, исключительно благодаря талантам, которые в нем предполагают. Но г-ну Рилду нужно было быть более, чем человеком, нужно было бы быть ангелом, чтобы не подумать о том, насколько может увеличиться его значение и власть, как лица, стоящего во главе судостроительной администрации, если он произведет нечто, что было бы выше изобретения капитана Колза и что он мог бы, разумеется, скорее осуществить. И вот он принялся за постройку броненосца *Research*. Я не силен в подобных вещах, но всеобщее

мнение таков, что четырехугольная неподвижная батарея Рида менее всего может считаться усовершенствованием вращающейся башни капитана Колза. Это всеобщий приговор, как это доказывают полученные из-за границы заказы и решение, на котором остановились в Америке. Но что же, однако, у нас произошло? А то, что броненосец г-на Рида, *Research*, несмотря на то, что чертежи и проекты его были составлены после проектов сооружения капитана Купера Колза, был спущен на воду и отправлен в море гораздо раньше, чем *Royal Sovereign*. Я не имею в виду заниматься личными нападками, а довольствуюсь только указанием на факты, как результаты применения данной системы. Если бы наши морские арсеналы вместо того, чтобы самим заниматься судостроением, занимались только закупками, г-н Рид или адмирал Робинзон, вообще любой директор этих арсеналов всегда искал бы таких людей, как капитан Купер Колз или как уважаемый депутат от Биркенгеда [г-н Лерд]; тогда директор работал бы сообща с ними, следил бы за успехами за границей и извлекал бы свою долю пользы из всех изобретений, из всех усовершенствований, по мере их появления, не рискуя, что его личный интерес как изобретателя породил бы в нем чувство соперничества.

Прежде чем закончить, я намерен еще настаивать перед палатой на решительной необходимости полного преобразования нашего управления закупок. Не торопитесь уверять нас, что дело ведется посредством отдачи подрядов с торгов. Это старая отговорка, которая употреблялась всегда для оправдания невеже-

ства и некомпетентности чиновников, производивших отдачу подрядов с торгов на основании рутинных правил, извлеченных из какой-нибудь дыры, где они покоились в течение 50 лет, и совершенно непонятных для современного фабриканта. Ни одна фирма, имеющая хорошие дела с частными заказчиками, не хотела и слушать, когда ей говорили о предложениях администрации, и единственными подрядчиками, предлагавшими свои услуги, были люди, не имевшие никакой лучшей работы или надеявшиеся как-нибудь случайно кое-что заработать. Мне прислали из Манчестера копию подрядных условий на поставку просмоленного полотна; самые мельчайшие подробности изложены там в таком повелительном тоне, что, не будь он так смешон по невежеству, которое он обнаружил, он мог бы считаться оскорбительным для всякого сколько-нибудь уважающего себя промышленника. Одно лицо, стоящее во главе крупного предприятия, не нашло ничего лучшего для подобного циркуляра, как бросить его в корзину. Циркуляр этот, между прочим, заключал статью, гласившую, что полотно, до просмоления его, должно быть представлено на испытание агентов-приемщиков; другими словами — подрядчику вменялось в обязанность, как объясняет мне мой корреспондент, прислать всю партию полотна перед просмоливанием из Ланкашира в Лондон и потом обратно переправить его опять к себе для окончания работы. Но почему бы не потребовать, чтобы он оставил одну полосу без просмолки? Ведь при помощи этого приема также с полным успехом была бы достигнута намеченная цель. Почему бы, наконец, не

поискать средства снимать смолу с любого места полотна, чтобы ознакомиться с его качествами? Вот вам пример того, как правительство понимает отдачу подрядов с публичных торгов. Мне хотелось бы, чтобы все это, наконец, было изменено. Но я не говорю, что следует отказаться от содействия деловых людей, услугами которых вы в настоящее время пользуетесь. Я думаю, что все умные люди, находящиеся на службе в казенных судостроительных заводах, не оказались бы лишними при организации правительственного учреждения для закупок. Я не сомневаюсь в том, что полковник Боксер, г-н Рид и другие директора различных казенных заводов в состоянии подготовить хороших закупщиков. А если бы они не удовлетворяли требованиям, я обратился бы к людям компетентным и согласился бы платить им более высокое содержание, чем то, какое получают ваши директора, так как вы не найдете лиц, на которых можно было бы вполне положиться в деле закупок на общем рынке, если вы не поставите их в такое положение, чтобы они были выше всяких искушений.

Желательно, конечно, чтобы выбор пал на людей, наиболее способных, но я все же постарался бы обусловить их деятельность и упорно настаивал бы на том, что если вы не сможете найти в Англии предметов, в которых вам встретится надобность, винить в этом надо будет вас самих, а не английских производителей. Англия вывозит в настоящее время на 150 млн ф. ст. в год. Поверьте, что за границей не стали бы у нас покупать ни на один шиллинг, если бы могли найти в другом месте те же предметы лучшего

качества и по более дешевым ценам, но мы все-таки не перестаем продавать наши товары, и притом в количестве, ежегодно увеличивающемся. Если перед вами пускаются критиковать новейшую систему ведения дел, если вам говорят, что тот или иной продукт уже не отличается прежней доброкачественностью и прочностью, — вы всего лучше сделаете, если посмеетесь над этими поверхностными критиками. Наши фабриканты дают иностранцам именно то, чего они от них требуют, да и сверх того, теперь, когда и мода меняется гораздо чаще, чем прежде, даже нам самим нет надобности требовать, чтобы шелковые платья наших дочерей носились так же долго, как платья их бабушек. Итак, я говорю, что если в стране, производящей для вывоза ежегодно на 150 млн ф. ст. фунтов, правительство не может получить необходимых для него товаров на каких-нибудь 10—15 млн ф. ст., то это может происходить только от того, что оно не умеет их купить. Следовательно, нужно только пригласить людей, которые сумели бы купить все, в чем вы нуждаетесь. Поговорите с представителями больших оптовых торговых домов, как *Лиф* и *Моррисон* в Сити, закупщики которых покупают ежегодно на миллионы фунтов, и они вам сейчас же скажут: «Для продажи наших товаров мы можем довольствоваться людьми сравнительно менее способными, но для закупок мы берем самых лучших, каких только можем найти».

В заключение позволю себе высказать одну мысль о современном состоянии наших вооружений. Когда я раздумываю над системой, которой держались у нас по вопросу о пушке Армстронга и вообще о наших во-

оружениях, я не могу не усматривать в ней позора как для правительства, так и для всей страны, и мне кажется, что одно это должно бы нас побудить изменить нашу систему. Это печальное положение дел создали вы сами, пустившись в предприятия, которыми вам никогда не следовало бы соблазняться. Страна ваша управляется одним классом — я не придаю этому слову никакого обидного значения, — классом в сущности малочисленным, из которого набирается личный состав нашего управления. Я вовсе не сожалею об этом, так как наши фабриканты и торговцы, кажется, не очень-то склонны побуждать своих сыновей добиваться официальных почестей, но я прошу вас только вдуматься хорошенько в одно, а именно, что небрежность и беспечность, доказательство которых представляют администрации вашей артиллерии и вашего флота, могут иметь самые серьезные последствия. Я не знаю ничего, до такой степени способного повести к возникновению в один прекрасный день демократической революции, как допущение возможности, чтобы английский народ, такой гордый и воинственный, убедился, что в столь жизненном вопросе, как национальная оборона, интересы его принесены в жертву, благодаря дурной администрации и небрежности класса, которому он так охотно вверил заботы о будущих судьбах страны. Вот куда завело вас желание сделаться заводчиками и фабрикантами! Я решительно не знаю, что еще больше могло бы побудить вас к изменению системы в том смысле, чтобы в будущем полагаться единственно на деятельность частной промышленности страны. Когда вы будете нуждаться в порохе,

в пушках, в ружьях, в корпусах для военных судов, заявите только, что вы рассчитываете исключительно на частных предпринимателей страны, и они откликнутся на ваш призыв. Благодаря этому, вы уж во всяком случае избежите ответственности за предприятия, в которых вы не компетентны, и будете иметь право сказать английскому народу: наши судьбы — судьбы нашего правительства и всей нации — соединены неразрывно; мы возвысимся или падем, добьемся благосостояния или погибнем вместе, в зависимости от степени энергии, предприимчивости и искусства, которые проявят большинство наших торговцев и фабрикантов».

Содержание

Мижухев П.Г.

Ричард Кобден	1
I. Европа во время Наполеоновских войн. Детство и юность Ричарда Кобдена	1
II. По Англии с товаром	7
III. Заботы о самообразовании молодого и богатого фабриканта. Заботы об образовании рабочих на фабрике. В Швейцарии	11
IV. Первые литературные труды Р. Кобдена. Проповедь мирного развития всех производительных сил страны вместо постоянных вооружений и военного вмешательства в распри континентальных государств	16
V. Возникновение знаменитой Лиги против хлебных законов.	29
VI. Деятельность Лиги до 1845 года — одно из величайших общественных движений новейших времен	38
VII. Роковая осень 1845 г. Голод в Ирландии и отмена хлебных законов	46
VIII. Кобден и Брайт во время Крымской войны. Торговый трактат с Францией. Смерть Кобдена.	51

Афанасьев Г.

Ричард Кобден и свобода торговли 60

Кобден Р.

Обсуждение тронной речи 1841 года. 130

Первая парламентская речь Кобдена

Палата общин. 25 августа 1841 года

Кобден перед своими избирателями. 151

Рочдейл, 26 июня 1861 года

Речь о государственных заводах и мастерских . . 188

Палата общин. 22 июля 1864 года

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Социально-политическое электронное издание

16+

Серия «Библиотека ГВЛ. Биография»

РИЧАРД КОБДЕН

Подписано к использованию 17.12.19

Формат 10,0×16,0 см

Гарнитура AcademyC

Издательство «Социум»
117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1
Тел.: (495) 330-51-98
Сайт: <http://sotsium.ru>
Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <http://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Ричард Кобден (1804–1864) – английский политический деятель, лидер движения за свободу торговли в Англии в середине XIX в. Один из создателей и наиболее ярких ораторов Лиги за отмену хлебных законов. Созданная в 1839 г., к 1845 г. Лига являлась наиболее организованной политической группой в Англии, располагающей самым большим бюджетом. В конце концов в 1846 г. угроза голода в Ирландии заставила правительство консерваторов во главе с Робертом Пилем поддержать отмену «хлебных законов» – краеугольного камня английского протекционизма.

Искренне веря в то, что международная торговля – лучшая профилактика против войн, Кобден полтора года вел переговоры во Франции, добившись заключения в 1860 г. торгового договора между двумя странами, открывшего новую страницу в истории Европы – период радикального снижения уровня протекционизма путем заключения торговых договоров. «Если в будущем люди захотят знать, возможно ли разрушить предрассудок, поддерживаемый властью и защищаемый богатством, рангом и подкупом; если они спросят себя: есть ли какая-нибудь надежда опрокинуть такое зло постоянными усилиями и самопожертвованием, то им укажут на страницы, где записана история Лиги против хлебных законов» (Дж. Томпсон). За подвижническую деятельность по пропаганде свободной торговли современники называли Кобдена «апостолом свободной торговли».